

МОСКВА **новый** хронограф 2021

ПЕРМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР УРО РАН
ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

М. В. Назукина

**ЭТНИЧНОСТЬ
В ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
РОССИЙСКИХ РЕСПУБЛИК:
ГРАНИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ**

МОСКВА **новый** хронограф 2021

УДК 323
ББК 66
Н 199

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00810А «Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: комплексный сравнительный анализ».

Рецензенты:

Ефремова В. Н., канд. полит. наук, научный сотрудник ИНИОН РАН;
Лекторова Ю. Ю. канд. полит. наук, доцент кафедры «Иностранные языки и связи с общественностью» ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет».

Назукина М. В.

Н 199 Этничность в политике идентичности российских республик: грани институционализации. – М. : Новый Хронограф, 2021. – 176 с.
ISBN 978-5-94881-523-7

В монографии исследуется проблематика институционализации этничности в региональной политике идентичности российских республик. Исследование фокусируется на решении методологической задачи по отработке методов исследования проявления этничности в политическом курсе. В результате сравнительных исследований предложена комплексная модель анализа процесса институционализации этничности в политики идентичности российских республик, что подразумевает рассмотрение основополагающих аспектов включения этнического в политический курс, выделение индикаторов (маркеров) выраженности этничности, вариантов их институционализации.

Монография предназначена для специалистов в области политологии, социологии, политического управления, студентов и аспирантов, а также всем, кому интересна проблематика идентичности.

УДК 323
ББК 66

ISBN 978-5-94881-523-7

© Назукина М. В. , 2021
© Новый Хронограф, оформление 2021

Содержание

Предисловие	7
Глава I Институционализация этничности в политике идентичности: теоретико- методологические аспекты	15
Глава II Нормативная институционализация этничности в политике идентичности республик РФ	32
Глава III Этничность в системе органов публичной власти республик РФ как направление нормативной институционализации	52
Глава IV Символическая институционализация этничности в политике идентичности республик РФ	72
Глава V Праздники в системе политики идентичности республик РФ: роль этнокомпонента	91
Глава VI Нарративно-мифологическая институционализация этничности в политике идентичности республик РФ	106
Заключение	127
Библиографический список	130
Сведения об авторе	138
Примечания	139

Предисловие

Изучение политики идентичности является одним из устоявшихся направлений идентитарных исследований в западной и российской политической науке¹. Важность изучения способов конструирования «мы-сообщества» обусловлена их практическим потенциалом, осознанием идентичности в качестве нематериального ресурса развития². Возможности социокультурного проектирования через инструментарии политики идентичности приводят к осязаемым изменениям и в социально-экономическом развитии территорий. Особо актуально это для уровня региональных и местных сообществ, в которых проблемы миграции из территории и отсутствия локальной идеи, слабый низовой патриотизм приводят к ослаблению мотивации на позитивные изменения в стратегическом планировании развития места.

Этнический компонент является одним из важнейших оснований регионализации политического пространства и конструирования региона. Это может проявляться в выраженности этнической идентификации в ряду прочих оснований идентичности у жителей. Этнический компонент идентичности может использоваться и в ряде случаев активно используется регионами как ресурс во взаимодействиях с центральной властью. Кроме того, этнические особенности могут сознательно акцентироваться в рамках политики идентичности, позиционирования, в брендинге особенностей региона. Следовательно, этничность находит проявление (институционализируется) в региональной политической жизни, однако степень значимости этнической специфики может различаться для разных территорий.

Проблема выраженности этнической идентичности и ее политизации имеет актуальное значение для гармонизации множественной идентичности и нейтрализации межэтнических

конфликтов. Особо важной она является для таких регионов, в которых этнические различия населения оказывают влияние на интерпретацию социальной реальности и приводят к формированию преференций для титульной этнической группы, проживающей на данной территории. В современном мире насчитывается 140 этнических региональных автономий³, значительная часть которых находится в России.

В настоящее время исследования политики идентичности и политизации этничности сложились в отдельное направление, которое активно развивается при поддержке научного сообщества. Однако тематика комплексного анализа проявлений этничности как отдельного направления политического курса недостаточно исследована в политической науке.

Актуальность проблемы видится в том, что исследования этничности в основном представляют собой анализ этнокультурных особенностей и межнациональных отношений в разных регионах, тогда как в стороне остается проблема комплексного анализа этничности как элемента политики идентичности, укореняющегося и становящегося неотъемлемой частью политического курса национальных республик РФ. Суть институционализации в этом контексте проявляется в укоренении этнических категорий в политическом процессе республик и выполнении ими роли поддержания, изменения региональных институциональных порядков. Настоящее исследование направлено на анализ характерных особенностей проявления этничности и ее институционализации в региональной политике идентичности российских республик.

Изучение политики идентичности активно ведется в западной социологической и политической науке с 1970-х годов XX века и рассматривается как основа мобилизации и политических действий⁴. Этнические идентичности наряду с религией, полом, сексуальной ориентацией становятся главной проблематикой таких исследований, поскольку эти признаки и основания понимаются как потенциально политизированные,

а группы, их акцентирующие, преподносятся как стремящиеся к общественному признанию⁵.

Концепт политики идентичности занял прочное место в зарубежном и российском научном дискурсе. Среди специалистов по проблематике политики идентичности стоит отметить работы А. Мелуччи⁶, М. Кастельса⁷, Г. Я. Миненкова⁸, И. С. Семененко⁹, О. Ю. Малиновой¹⁰, Л. А. Фадеевой¹¹ и др.

Большое значение для исследования проблематики идентичности имеют работы коллектива авторов под руководством И. С. Семененко¹². Результаты данных исследований представляют собой серьезную теоретическую основу, связанную с изучением вопросов идентичности и политики идентичности.

Свой вклад в изучение проблематики идентичности и политики идентичности внесла и пермская политологическая школа. В рамках монографии «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации» авторы предлагают рассматривать формирование идентичности как процесс, сопряжённый с борьбой различных дискурсов и акторов¹³.

Важными для изучения символического капитала и конструирования публичного дискурса являются работы Л. Дитмера¹⁴, О. Ю. Малиновой¹⁵, С. П. Поцелуева¹⁶ и др.

Большое количество работ посвящено различным аспектам политики идентичности на уровне регионов и городов. Работы, анализирующие механизмы конструирования региональной идентичности, особое место в которых отводится анализу дискурсивных практик агентов конструирования идентичности, в частности средствам массовой информации, символической активности политической и интеллектуальной элиты, довольно популярны на Западе¹⁷. Среди российских исследователей политики идентичности в регионах РФ стоит отметить работы политологов Л. В. Сагитовой¹⁸, О. Б. Подвинцева¹⁹, К. В. Киселева²⁰, Е. Ю. Цумаровой²¹, Д. С. Докучаева²², В. Д. Бедерсона²³ и др.

Проявление этнического компонента в региональной идентичности обычно рассматривается исследователями в рамках

проблемы соотношения национально-гражданской, территориальной и этнической идентичностей в региональном пространстве²⁴. В числе популярного направления стоит выделить исследование позиционирования республик на базе этничности²⁵. В таких работах поднимаются важные проблемы имиджевой политики республик, направленной на создание регионального этнокультурного бренда.

Изучение проблем актуализации этничности как фактора трансформационных изменений общества в условиях глобализации, массовой миграции, роста этнонационализма отражено в исследованиях Р. Брубейкера²⁶, Э. Смита²⁷, В. С. Малахова²⁸ и др.

Анализ взаимоотношений государственных институтов и этнических сообществ изучается Р. Г. Абдулатиповым²⁹, В. А. Тишковым, В. В. Степановым³⁰, В. А. Ачкасовым³¹ и др. Много работ посвящены региональным особенностям этнополитических процессов. Среди них следует упомянуть исследования Л. М. Дробижевой³², Ю. П. Шабаева³³, Е. И. Долгаевой³⁴, Е. И. Филипповой³⁵ и др.

Предметом исследования процесса институционализации этнических культур в ходе формирования и функционирования этнокультурных объединений стало диссертационное исследование Т. Г. Бортниковой³⁶. Институционализацией этничности и механизмами национальной политики в зеркале общественного мнения занимались О. А. Богатова, С. В. Полутин, Е. В. Полутина³⁷.

Монография А. С. Ким и Е. Ю. Довгополова³⁸ посвящена выявлению и раскрытию проблем институционализации этнической политики в современной России. В ней анализируется исторический опыт институционализации этнополитики, выявляются проблемы институционализации этнополитических практик в современной России (на примере Дальневосточного региона).

Исследованию таких механизмов институционализации этнических групп, как принципа представительства, системы

групповых прав, автономии, посвящена работа А. Г. Осипова³⁹. Анализ мирового и отечественного опыта функционирования этнических региональных автономий представлен в работе «Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств» под ред. П. В. Панова⁴⁰. В монографии показано, как этот политический институт позволяет координировать многообразные интересы и поддерживать баланс в межнациональных отношениях.

Краткий обзор научной литературы свидетельствует о том, что ряд аспектов проблематики этнополитических процессов изучен основательно. Вместе с тем недостаточно изученными оказались вопросы институционализации этничности в политике идентичности.

В основу настоящего исследования положены научные концепции этничности и анализа ее политических проявлений⁴¹. Политика идентичности в республиках РФ рассматривается через концепт институционализации, предполагающий формирование устойчивых и стабильных ценностных систем и социальных практик. Исследование основывается на сочетании двух подходов, которые создадут основу для проведения эмпирического исследования. Первый подход — конструктивистское понимание идентичности и этничности, фокусирующееся на «самости», которая формируется на основе чувства принадлежности к определенной группе и отделения этой группы от других. Идентичность в этом контексте рассматривается как постоянные процессы идентификации, самопонимания, конструирования значений самости (вариантов ответа на вопрос «кто мы»). Исходя из данной методологии, регионы рассматриваются как социальные конструкты, создаваемые посредством «исторически обусловленных практик и дискурсов, в которых акторы создают и наделяют значениями более или менее связанные материальные и символические миры»⁴².

Второе теоретическое основание — институциональный подход и концепция институционализации. Процесс

институционализации может протекать лишь в рамках социальной группы, члены которой разделяют групповую идентичность, ощущают свою принадлежность к ней на основе того, что они имеют некие общие признаки и общие представления об окружающем мире. Таким образом, институционализация представляет собой процесс, посредством которого социальные взаимодействия приобретают характер устойчивости, регулярности, стабильности. Через политику идентичности и деятельность на уровне государства происходит «институционализация политической идентичности»⁴³.

Цель настоящего исследования — определить содержание и специфику институционализации этничности в политике идентичности российских республик посредством анализа основных ее уровней. Достижение цели исследования определяется необходимостью решения следующих задач:

- разработать теоретико-методологический инструментарий анализа институционализации этничности в политике идентичности российских республик;
- осуществить теоретическую реконструкцию понятия «институционализация этничности» в политике идентичности применительно к республикам РФ, определить ее структуру и уровни;
- выявить вариативность значимости этничности в политике идентичности республик;
- дать характеристику каждому из уровней институционализации этничности в политике идентичности на конкретных примерах российских республик.

Эмпирические данные исследования составили следующие группы источников:

- 1) нормативно-правовые акты — в частности, конституции республик, программы по гармонизации межэтнических отношений, стратегии развития регионов и др.;
- 2) официальные материалы органов публичной власти — инвестиционные и туристические паспорта, позиционирующие

материалы с официальных сайтов, внутренние документы, регулирующие деятельность структур, отвечающих за межэтнические отношения в республиках, поздравительные материалы в дни значимых для регионального сообщества дат и пр.;

3) статистические материалы — материалы всероссийских переписей населения, данные по миграции, отчеты о численности национальных школ, данные о зарегистрированных на территории республики национальных объединениях, национальном составе представительных органов региона и пр.;

4) результаты социологических исследований о межнациональной ситуации в республиках, о специфике региональной идентичности, электоральные опросы;

5) документы и материалы, официальные выступления политических лидеров;

6) экспертные интервью.

В исследовании используются как количественные, так и качественные методы. Количественные методы позволят провести корректные статистические операции. Важными для исследования являются качественные методы (методы глубинного индивидуального интервью и экспертного опроса), так как они ориентированы на достижение углубленного понимания социальных явлений. Для сбора данных была проведена серия полевых исследований в республиках РФ. Полевые исследования в республиках осуществлялись с 2015 г.⁴⁴, в ходе которых были проведены более ста экспертных интервью с представителями региональных элит (политики, журналисты, ученые, общественные деятели). В рамках интервью экспертам задавались вопросы об этнополитической ситуации в республике, о проблемах и конфликтах в межнациональных отношениях, политизации этничности, языковой политике, проблеме представительства этнических групп в органах власти, этнической символике, брендинге региона и другие.

В ходе бесед также затрагивались вопросы об общей уникальности региона, исторических, социокультурных,

экономических и прочих особенностях регионального социума. В этом контексте эксперты часто раскрывали характеристики черт регионального менталитета и характера, определяли, как этнический маркер влияет на политико-культурные особенности регионального сообщества, приводили примеры политизации этничности. Интервью анализировались на момент определения ключевых оценочных позиций, относительно присутствия этнических маркеров в региональной идентичности. Суть данного подхода связана с определением базовых дискурсивных тем, определяющих особенности республики, а также наличие темы этничности в них.

Данное исследование стало возможным благодаря проекту РФФИ (грант № 19–011–00810А «Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: комплексный сравнительный анализ»). Автор выражает искреннюю признательность коллегам по проекту П. В. Панову, А. В. Михалевой, Е. Ю. Тарасовой, Р. И. Петровой и Д. А. Ширинкину, принимавшим участие в проведении исследования и обработке его результатов. Всем, оказавшим содействие в подготовке к изданию этой книги, автор выражает глубокую благодарность.

Институционализация этничности в политике идентичности: теоретико-методологические аспекты

Определение институционализации этничности в политике идентичности основывается на уточнении ее сущностных понятий — политики идентичности, этничности и институционализации⁴⁵.

О. Ю. Малинова отмечает, что универсальное определение политики идентичности связано с пониманием ее как «совокупности практических и символических действий, направленных на формирование, поддержание и публичное признание конкретной идентичности»⁴⁶. Политика идентичности, следовательно, связана с контролем над символическими ресурсами, она отвечает за стабильность политического сообщества. И. С. Семененко определяет политику идентичности как «совокупность ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности»⁴⁷.

Таким образом, основу определения политики идентичности составляет понятие «identity policy», которое отсылает к систематическим и целенаправленным действиям государства как ключевого актора политики идентичности. Камилла Орджуэла, в частности, отмечает, что политика идентичности может быть политикой доминирования в том случае, если она осуществляется государством, которое представляет и навязывает определенную национальную идентичность посредством

языковой политики, культурного и религиозного символизма или неравного доступа к политическому влиянию, занятости и ресурсам развития. Политика идентичности также может быть политикой сопротивления, когда маргинализированные группы мобилизуют борьбу за права и власть на основе общей идентичности⁴⁸. В этом смысле поле политики идентичности продолжает оставаться ареной социально-политических и культурных конфликтов⁴⁹.

В данном исследовании политика идентичности интерпретируется через политику доминирования и рассматривается как политический курс, направленный на конструирование границ сообщества, символизацию групповой идентичности и образа «мы – они». Политика идентичности, как было указано выше, может конструировать, поддерживать и развивать разные основания идентификации. Этническая идентичность занимает важное место в этих практиках, поскольку относится к основополагающим составляющим идентификационной матрицы человека.

Этнический дискурс политики идентичности в этом ключе определяется через социально-конструктивистский подход, в рамках которого этничность понимается как «социальная организация культурной самобытности»⁵⁰. Как и любая другая коллективная (групповая) идентичность, этническая идентичность основана на определении «мы» и «они», то есть связана с соотношением себя в определенных категориях и соотношением с другими⁵¹. Этническая принадлежность, следовательно, не является жестким понятием, а скорее ситуационно изменчивым⁵². Этничность «реализуется в социальном взаимодействии и усваивается в процессе личной самоидентификации»⁵³.

По мнению В. А. Тишкова, групповую этническую идентичность стоит рассматривать как операцию социального конструирования «воображаемых общностей», основанных на вере в то, что они связаны естественными и даже природными связями⁵⁴. Этническая идентичность, как и любая другая, поддерживается через категоризацию, стратегии государства,

образовательные практики, медиа-дискурс и др. Она формируется на основе «осознания принадлежности к этнической группе, эмоционально окрашенного образа «мы» и этнических интересов»⁵⁵. Иными словами, этническая идентичность поддерживается практиками конструирования, процессом социализации человека, принятия им существующих в обществе этнических различий.

Ф. Барт в сборнике «Этнические группы и социальные границы» отмечает, что сама структура этнической группы создается людьми в процессе социальной категоризации — отнесения себя и других к определенным категориям и установления социальных границ между ними⁵⁶. При этом граница — это символическая линия, которая может быть аналитически обозначена через определенный набор индикаторов этнической природы группы, на основе которых и происходит соотнесение индивида с ней⁵⁷. Следовательно, через выделение маркеров этничности возможно говорить об их включении / невключении в политику идентичности.

Под маркерами этничности мы понимаем общие идентифицирующие основания межличностной коммуникации, которые иногда называют «материализованными» проекциями этничности, создающими образ «мы-сообщества». Кавычки здесь необходимы, поскольку речь идет не об объективных выразителях этнической принадлежности, а о складывающихся в процессе конструирования знаках личности групп, создающих границы и ощущение единства. К таковым обычно относят территорию, язык, конфессию, социальные институты, бытовую культуру и общую историческую память⁵⁸. Сам Ф. Барт выделил два уровня содержания этнических дихотомий — визуализированные отличия (платье, язык, форма жилища или образ жизни в целом) и фундаментальные ценностные ориентации: нормы нравственности и стандарты оценки поведения, в соответствии с которыми определяется реальность. На указанных уровнях, следовательно, и происходит институционализация этничности.

Большинство исследователей рассматривают институционализацию этничности через закрепление соответствующих институтов, в частности представительство этнических групп в государственных учреждениях, что обеспечивает фиксацию этнической принадлежности⁵⁹. Так, А. С. Ким и Е. Ю. Довгополов, анализируя институционализацию этнической политики в современной России, отмечают, что институционализация общественной жизни отражает проблемы установления определенных процедур социальных взаимодействий, обеспечивающих самовоспроизводящийся и налаженный характер процесса удовлетворения социально значимых потребностей людей⁶⁰.

Этнические различия институционализируются и тогда, когда в отношении этнических групп вводятся определенные преференции. Это справедливо в ситуации, когда речь идет не об индивидах, а именно о группах, что и означает институционализацию. Фиксирование различий в определенных институтах, которые приобретают устойчивый характер, закрепляет идентичности. Примером одного из таких институтов может служить модель *power-sharing* — «гарантированное участие представителей всех значимых групп (этнополитических сегментов) в принятии политических решений» А. Лейпхарта. Другим примером можно назвать этнические региональные автономии (ЭРА) как политический институт, который позволяет координировать многообразные интересы и поддерживать баланс в межнациональных отношениях: «ЭРА рассматривается как институциональный комплекс, сложная система институционализированных преференций, в которой выделяются два основных и взаимосвязанных между собой измерения: взаимоотношения между региональной автономией и центральной властью (линия «центр — регион — титульная этническая группа»); взаимоотношения внутри региональной автономии (линия «регион — этнические группы»)»⁶¹.

Однако институционализация этнической принадлежности концептуально шире институциональных аспектов. Джон

Клеммер, говоря об институционализации этничности, отмечает значение культурных аспектов институционализации. По его мнению, «проблема» этничности возникает не только в ситуации мажоритарности, когда меньшинство обращается к этнической принадлежности как к ресурсу в целях самоутверждения или защиты от политической, культурной или экономической гегемонии большинства, но и когда сама этническая принадлежность определяется как основное средство социальной классификации⁶². Поэтому мы предлагаем рассмотреть понятие институционализации этничности в политике идентичности в широком смысле, включив в него не только институциональную, но и нарративную и символическую составляющую.

Основываясь на социально-конструктивистском подходе, вслед за социологами П. Бергером и Т. Лукманом, процесс институционализации понимается нами как процесс возникновения, поддержания и передачи социального порядка. Описывая его динамику, авторы, как известно, выделяют три этапа: типизацию — возникновение института, под которым они понимают «взаимную типизацию опривыченных действий деятелями разного рода»⁶³, объективацию и легитимацию социального порядка — расширение институционального порядка за пределы жизни одного поколения: «Отсюда следует, что расширяющийся институциональный порядок создает соответствующую завесу легитимации, простирающую над ним свое защитное покрывало когнитивной и нормативной интерпретаций. Эти легитимации заучиваются новым поколением в ходе того же самого процесса, который социализирует их в институциональный порядок»⁶⁴.

Исходя из данной логики, процесс институционализации может протекать лишь в рамках социальной группы, члены которой разделяют групповую идентичность, ощущают свою принадлежность к ней на основе того, что они имеют некие общие признаки и общие представления об окружающем мире. Иначе говоря, институционализация представляет собой процесс, посредством которого социальные взаимодействия

приобретают характер устойчивости, регулярности, стабильности. В той мере, в какой индивиды, вступая в социальные взаимодействия, «следуют правилам», эти правила становятся институтами. По мнению П. В. Панова, для успешной институционализации, необходимо, чтобы «производящая» этот процесс группа индивидов обладала общими представлениями, когнитивными схемами, неким «фоновым знанием», благодаря которому у членов группы возникают взаимные ожидания относительно поведения друг друга. Благодаря этому социальные взаимодействия становятся повторяющимися, регулярными, что является необходимым условием для институционализации социальных практик. Сформированные в обществе системы норм, правил, принципов приобретают характер устойчивости. Такая устойчивость возникает по мере того, как в процессе повторяющихся социальных взаимодействий происходит согласование субъективных смыслов, и появляются взаимные ожидания, которые постепенно обретают «коллективный смысл» и «превращаются в норму»⁶⁵.

Формальные и неформальные идентичности имеют большое значение для формирования и поддержания этнической идентичности⁶⁶. Институционализация идентичности, следовательно, выполняет функцию структурирующего и упорядочивающего основания, способствуя, в том числе, и разрешению возникающих противоречий. Как утверждает М. Хехтер, «границы между группами первоначально вытекают из институтов контроля, а не от уже устоявшихся социальных идентичностей. Следовательно, тождества скорее выводятся из границ, чем наоборот»⁶⁷. Когда государства институционализируют этнические категории, эти институты помогают создавать и / или укреплять чувство «мы – они» и субъективные оценки в отношении этих категорий. Социальные идентичности не только создают возможности для процесса институционализации, но и выражаются в институционализации. Идентификация и институционализация, таким образом, — это связанные процессы, которые протекают

одновременно и взаимно усиливают друг друга. Через политику идентичности и деятельность на уровне государства происходит институционализация политической идентичности⁶⁸.

Безусловно, основополагающее влияние на институционализацию этничности оказывает политика государства, которое транслирует дискурсы, создавая устойчивые во времени смыслы, становящиеся основой конструирования региональной и даже национальной идентичности⁶⁹. Неслучайно Р. Брубейкер, рассматривая роль институциональных действий, которые конституируют этническую реальность, уделяет особое внимание территориализации этнической идентичности и официальной регистрации этнической принадлежности граждан⁷⁰. Институты, таким образом, создают саму группу с ее идентичностью и интересами: «Значение этничности как политического фактора определяется тем, как этничность институционализована, а институционализация этничности, в свою очередь, определяется множеством агентов (общественными движениями, государственными структурами, экспертными сообществами и пр.), принимает разные формы и имеет разные последствия»⁷¹.

Отметим, что такое определение выдвигает на передний план механизмы институционализации этничности, а также индикаторы, с помощью которых можно фиксировать включение / невключение этнического в политику идентичности. Таким образом, исходя из вышеизложенного, в качестве рабочего определения предлагается использовать следующую формулировку ключевого понятия исследования: **Институционализация этничности в политике идентичности** — это процесс, посредством которого дискурс этничности приобретает ценность и устойчивость в политическом курсе, направленном на формирование, поддержание региональных порядков и публичное признание этнической идентичности. Иными словами, этническая идентичность приобретает достаточно высокую степень устойчивости в публичной политике региона, и этнические маркеры воспроизводятся в политических взаимодействиях с устойчивым постоянством.

Важнейшим критерием институционализации этничности является укоренение этнических маркеров в политическом курсе и, как следствие, их стабильность. Для замера степени институционализации институциональных практик применяются различные инструменты и методики. Тем не менее единого набора индикаторов не существует. Каждый институт требует особых критериев для измерения, инструментарий должен быть «настроен» в соответствии с предметом исследования⁷². Применительно к предмету нашего исследования ключевым критерием институционализации этничности в политике идентичности можно считать институциональную связанность этничности и политических институтов. В качестве примера матрицы показателей, разрабатываемых в этом ключе, можно привести девять аспектов государственной институционализации этнических категорий Э. Либермана и П. Сингха⁷³.

1. Перепись (любое упоминание этнических категорий или меток в вопросе или документах).

2. Идентификационная карточка / паспорт (любое упоминание этнических категорий или ярлыков в документах).

3. Делегация и автономия (существует любое правовое положение в виде законов или существование отдельных органов для этнических групп).

4. Голосование и регулирование гражданской активности (правительство использует этническую идентичность любым явным образом для распределения избирательных прав и обязанностей).

5. Регулирование руководства (правительство резервирует определенные исполнительные, судебные или законодательные позиции, основываясь на этнических квотах или преференциях).

6. Пространственное разделение людей (правительство легализует любое разделение людей по этническим группам с точки зрения жилых районов или использования общественных объектов).

7. Закон о браке (правительство устанавливает любые правовые запреты на брак по этническим признакам).

8. Регулирование занятости (официальная санкция для использования этнической идентичности при принятии решений о найме).

9. Регулирование образования (официальная санкция для использования этнической идентичности при отборе / приеме).

При этом преференции для этнических групп могут быть как позитивными, так и носить характер ограничений (например, в вопросах регулирования руководства, найма, доступа к образованию). В свою очередь, пространственное разделение людей по этническим группам может быть этно-федерализмом, принудительной сегрегацией или денационализацией. Данные показатели институционализации – удачный пример работающей схемы анализа. Однако она ограничена лишь одной сферой (уровнем), фиксирующим институциональные аспекты включения этнических маркеров в политику.

На наш взгляд, присутствие маркеров этничности и их институционализация может происходить на трех основных уровнях политики идентичности:

1) нормативно-институциональном (устойчивое воспроизводство этничности в системе органов публичной власти и нормативно закреплённых политических курсах),

2) нарративно-мифологическом (присутствие этничности в доминирующих нарративах и мифологемах региона, наличие доминирующего (этнического) дискурса),

3) символическом (символизация и инкорпорирование этничности в символику, названия регионов, топонимику, праздники, брендинг, пантеоны региональных героев и т.д.).

Нормативная институционализация

На уровне дискурсов этнические классификации регулируются через политику правительства и могут быть формализованы в нормативно-правовых актах. Институциональная связанность этничности и политических институтов сопряжена

с фиксированием укоренения этничности в системе формальных и неформальных институтов республики, в т.ч. и на нормативном уровне. Например, в советское время свидетельством такой институционализации этничности был не только статус национальной автономии, но и существование юридически незакрепленных, но четко соблюдаемых норм квотного представительства титульного населения. Кроме того, административно устанавливались квоты для представителей коренного населения при поступлении в высшие учебные заведения. В настоящее время многие практики (этнического представительства, кадровой политики и др.) носят неформальный характер. Институционализация здесь может измеряться фактом кросстемпорального анализа системы ротации кадров (особенно ключевых лиц системы управления республики)⁷⁴. Значимым направлением институционализации на данном уровне, таким образом, является этничность в системе органов государственной власти и в распределении властных позиций (признаки power-sharing). Индикаторами в данном случае будут: этнический маркер в названии регионального парламента, наличие комитета по «национальным отношениям» в региональном парламенте, статус профильного ведомства по «национальным отношениям», официальный сайт парламента и правительства на языке «титульной группы»⁷⁵.

Этничность может проявляться в институциональном дизайне, в т.ч. названиях политических институтов, названиях существующих региональных политических партий и региональных национальных движений.

Поскольку в России запрещено создание политических партий по национальному или религиозному признаку, этнические маркеры можно встретить в названиях общественных движений и культурных автономий ЭРА. Например, в республике Алтай действуют два альтернативных и конфликтующих друг с другом курултая: «официальный» Курултай алтайского народа и «Алтай калыктын Курултайы» (название является

переводом Курултая алтайского народа на алтайский язык⁷⁶). В республике Коми наиболее влиятельным является межрегиональное общественное движение (МОД) «Коми войтыр», а в Карачаево-Черкесской Республике — Совет старейшин черкесского народа и молодежное «Адыгэ хасэ». Названий и примеров подобных организаций можно привести еще множество. Для нас же важен, в первую очередь, именно факт присутствия этничности в данных «именах».

Не меньшее значение для институционализации этничности имеет нормативное закрепление языковых предпочтений (государственный статус языка «титულიной группы»), создание и функционирование национальной школы, требование к изучению языка «титულიной группы» в средней школе, а также наличие в республике историко-этнографических и научно-исследовательских институтов, нацеленных на изучение истории, языков и культуры народов республики. Список возможных индикаторов измерения нормативной институционализации этничности представлен в таблице 1.

Табл. 1. Индикаторы нормативной институционализации этничности в политике идентичности республик РФ

Направление	Индикаторы
1. Перепись населения	Этническая структура населения. Понятие «титულიная группа» (рассматривается ли как особенность республики в официальных «визитных карточках», например, на официальном сайте).
2. Политический курс в республиках	Этнический маркер в названии республики. Этничность в конституции, ключевых государственных программах, стратегии развития республики как ключевых нормативных актов, связанных со стратегическим планированием развития республики (этнический дискурс, наличие/отсутствие).

Направление	Индикаторы
3. Этнические аспекты структуры органов власти	Этничный маркер в названиях органов власти. Наличие специальных органов в системе органов государственной власти, совещательных органов в области межнациональных отношений. Этническое представительство (наличие/отсутствие).
4. Территориальная автономия	Национальный принцип территориального развития (в т. ч. наличие/отсутствие национальных районов).
5. Этнические аспекты системы образования, научно-исследовательской сферы, языковой политики	Закрепление преференций титульным этносам. Этничность в языковой и образовательной политике. Система национальной школы. Наличие/отсутствие этнографических и научно-исследовательских институтов, нацеленных на изучение истории, языков и культур народов, населяющих республики пр.
6. Этнические общественные организации	Значимые этнические организации, влияющие на региональную политику (формализация каналов влияния на нормативном уровне через их включение в политику республики) (наличие/отсутствие).
7. Персонифицированная этничность (институциональный аспект)	Официальное позиционирование региональной политической элиты как этнической (акцентирование этнической идентичности глав регионов, председателей представительных органов и др. в официальных биографиях и интервью).
8. Институт выборов и голосование	История этнического квотирования в региональном избирательном законодательстве. Этничность в предвыборном дискурсе (акцентирование этнической тематики среди прочих тем).

Символическая институционализация

Институционализация этничности в политике идентичности включает в себя различные символические атрибуты, которые создаются в процессе конструирования идентичности. Хотя политика идентичности включает в себя «символическую составляющую», она к ней не сводится⁷⁷. К символическому измерению институционализации этничности в политике идентичности можно отнести: инкорпорирование этнических маркеров в символические атрибуты сообщества, топонимику и онимы (наименования), культурный ландшафт, монументы, памятники, разнообразные ритуальные практики (например, празднование значимых дат) и др. (Табл. 2). Этничность здесь находит проявление в присутствии этнонимов и этнических культурных героев, нейминге, визуализации и оформлении городских пространств, а также через брендинг, в котором этнический компонент может по-разному присутствовать и интерпретироваться⁷⁸.

Табл. 2. Индикаторы символической институционализации этничности в политике идентичности республик РФ

Направление	Индикаторы
1. Официальная символика республики	Герб, флаг, гимн республики (визуальное присутствие/отсутствие этнических маркеров, описание символика в законах о региональных символах).
2. Наименования как маркеры идентичности	Нейминг и онимы. Торговые марки и названия объектов социальной и коммерческой инфраструктуры в республиках (присутствие/отсутствие этнических маркеров в самих названиях и визуальном оформлении).
3. Региональные бренды	Бренды региональные, инвестиционной привлекательности, туристические (присутствие/отсутствие этнических маркеров в самих названиях и визуальном оформлении).

Направление	Индикаторы
4. «Культурные герои» региона	Выдающиеся лидеры, звезды спорта, эстрады, национальные герои и пр. (место героев «титულიной группы» в общем региональном пантеоне героев).
5. Праздники и памятные даты	Законы «О праздничных днях». Этнические праздники, этнический дискурс в праздничном дискурсе (присутствие/отсутствие).
6. Государственная символическая политика в республике	Участие республики в федеральных символических проектах «Семь чудес России», «Россия 10», «Великие имена России» и др. (присутствие/отсутствие этнического дискурса в ходе конкурсов в регионе).

Нарративно-мифологическая институционализация

Символический уровень призван наглядно представить атрибуты уникальности сообщества, и он тесно связан с нарративно-мифологическим уровнем, который прежде всего направлен на передачу исторической памяти сообщества. Его составляют репрезентации прошлого, память сообщества, а также доминирующие мифологемы и ценности (Табл. 3). Опираясь на идею Г. В. Пушкаревой, можно говорить о том, что символический уровень соотносим с понятием символов — сигнификаторов, а нарративно-мифологический с символами-интеграторами, которые имеют вид мифологем и идеологем, «несущих в себе интерпретации свойств и качеств нации, раскрывающих содержание коллективного Мы-образа»⁷⁹.

Нарративно-мифологическая институционализация этничности приводит к осмыслению её в качестве одной из базовых особенностей и ценностей регионального сообщества и ее закреплению в общественном сознании. В осмыслении особенностей региональной общности, отличающей ее от других,

большую роль играет этничность, а также представления или мифы об общей исторической судьбе членов этой общности, мифы об автохтонности. Примером такого рода мифа может служить миф о единстве адыгов — черкесов, представление о единой черкесской нации. Важнейшее место в концепции данного мифа отведено памяти о Кавказской войне, сопровождавшейся геноцидом адыгов. Распространенными региональными мифами являются также мифы о наличии опыта государственности, «золотом веке» республики и другие.

В этот же уровень справедливо включить религию как маркер этничности, поскольку во многих случаях религия приобретает этническое значение и становится маркером этничности. Так происходит в республиках Северного Кавказа, Калмыкии, Республике Алтай и др. Конфессиональные особенности и местные верования создают основу для ценностных норм, визуализируются в общественно-политических практиках через маркирование религиозной специфики (символику и нарративы).

Однако в большинстве случаев именно язык является маркером идентичности⁸⁰. В частности, это справедливо по отношению к российским этническим регионам, для которых государственные языки титульных народов являются важными символами идентичности сообществ. В число значимых региональных праздников поэтому включены дни языков коренных народов республик (16 апреля — Всемирный день эрзянского и мокшанского языков; 25 апреля — День чеченского языка; 15 мая — День осетинского языка и литературы и т.д.).

Особое символическое значение для создания нарративов имеют места памяти. Как и любое географическое пространство, они состоят из «дискурсивно-материальных образований», которые приобретают символическую силу: в них символические представления о прошлом переплетаются с материальностью настоящего. Во многих случаях дискурсивный и материальный аспекты создания мест памяти являются частью социально-пространственного проекта «установить горизонты,

Табл. 3. Индикаторы нарративно-мифологической институционализации этничности в политике идентичности республик РФ

Направление	Индикаторы
1. Религиозные маркеры этничности	Местные верования и религия как характеристики этничности. Визуализация конфессиональных особенностей.
2. Исторические нарративы	Этногенез региона. Время и условия оформления основных этнических групп на территории региона. Наличие собственной государственности. Время, форма и условия вхождения в состав РФ.
3. Нарративы и мифы	Присутствие/отсутствие этничности в доминирующих нарративах и мифологемах региона, наличие доминирующего (этнического) дискурса (традиции, легенды – народная культура). Кодексы чести и др.
4. Внешняя презентация республики	Позиционирование и этничность. Традиции межэтнического взаимодействия. Этнотуризм. (Анализ презентационных материалов о регионе на факт присутствия/ отсутствия этнического дискурса).
5. Внешний образ республики	Характеристика республики в официальном дискурсе (например, через публичный дискурс: речи во время визитов представителей центральной власти в республику, присутствие/отсутствие этнического дискурса в них).

установить границы, чтобы обеспечить идентификацию»⁸¹. Институционализация этнического наследия, в таком случае, осуществляется через включение этнической тематики в туристическое направление. Развитие этнического туризма, включение этнического колорита в презентацию специфики территории, осмысление данного аспекта в качестве преимущества места в деле привлечения туристов прослеживается

в республиканских программах по развитию туристического кластера, а также в наличии маршрутов с этническим содержанием в региональном туристическом бизнесе.

Выделенные направления и предложенная модель являются отправной точкой для проведения сравнительного исследования, позволяющего выделить особенности институционализации этничности в политике идентичности российских республик.

Глава II

Нормативная институционализация этничности в политике идентичности республик РФ

В части 1 статьи 5 Конституции Российской Федерации 1993 г. сказано: «Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации». При этом особым статусом обладают лишь те субъекты РФ, которые относятся к республикам. Согласно ст. 66 п. 1 Конституции РФ «статус республики определяется Конституцией Российской Федерации и Конституцией республики». По ней республики вправе устанавливать свои государственные языки, которые употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. Каждая республика имеет государственно-правовые признаки, определяющие ее конституционно-правовой статус как государства в составе Российской Федерации: свои Конституции и законодательные системы, государственную символику: герб, флаг, гимн и столицу. В Российской Федерации на данный момент насчитывается 22 республики: Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Карелия, Коми, Крым, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Татарстан, Тува, Удмуртия, Хакасия, Чечня, Чувашия⁸². Таким образом, республики занимают 28,55% от территории России, в них проживает 18,02% населения страны⁸³.

Процесс появления национальных автономий в России был связан с установлением советской власти. Так, 15 (2) ноября 1917 г. была опубликована Декларация прав народов России, в которой провозглашалось право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства⁸⁴, а Конституция РСФСР 1918 г. закрепила национально-территориальный принцип формирования автономий внутри РСФСР⁸⁵. По решению Наркомнаца РСФСР изначально существовал проект возникновения отдельной Татаро-Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, но он остался неосуществлённым в связи с Гражданской войной и сопротивлением башкирских элит, продвигавших проект отдельной Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, которая и была создана 23 марта 1919 г. в результате подписания Соглашения между Башкирским правительством и Советской властью. Таким образом, Башкирская АССР стала первой автономной советской республикой в составе РСФСР. Далее процесс образования национальных регионов был связан с появлением 27 мая 1920 г. на территории бывшей Казанской губернии Татарской АССР со столицей в Казани.

Следующим шагом стали уникальные проекты сложносоставных республик: 20 января 1921 г. на Северном Кавказе были созданы Дагестанская АССР и Горская АССР. Последняя автономия делилась на национальные округа (Кабардинский, Балкарский, Карачаевский, Северо-Осетинский, Назрановский (Ингушский), Чеченский, казачий Сунженский)⁸⁶ и довольно быстро распалась: в 1921 г. из ее состава была выделена Кабарда, в 1922 г. — Чечня и Карачай. Далее, 18 октября 1921 г. была создана Крымская АССР, а 27 апреля 1922 г. была образована Якутская Автономная Социалистическая Советская Республика (ЯАССР) в составе РСФСР.

Кроме того, в это же время на административной карте страны появляются автономные территории со статусом автономной области (АО) (Табл. 4).

Табл. 4. Динамика образования автономий в 1920–30-е гг.

Название	Год	Преобразования
Вотская АО	1920	Переименована в Удмуртскую АО в 1932. Удмуртская АССР образована постановлением ВЦИК 28 декабря 1934 г.
Калмыцкая АО	1920	Преобразована 20 октября 1935 г. в АССР.
Марийская АО	1920	5 декабря 1936 г. в соответствии с конституцией СССР была преобразована в Марийскую АССР.
Чувашская АО	1920	21 апреля 1925 г. преобразована в Чувашскую АССР.
Бурят-Монгольская АО (Дальнего Востока)	1921	В 1923 г. вошла в состав Бурят-Монгольской АССР
Коми (Зырян) АО	1921	По решению ВЦИК и СНК РСФСР от 14 января 1929 г. Коми автономная область вошла в состав Северного края с центром в городе Архангельске. 5 декабря 1936 г. автономная область Коми была преобразована в Коми АССР и вошла непосредственно в состав РСФСР.
Кабардинская АО	1921	Выделена из состава Горской АССР. В 1922 г. к ней присоединен Балкарский округ Горской АССР, и область была переименована в Кабардино-Балкарскую. В 1936 г. область была преобразована в Кабардино-Балкарскую АССР.
Бурят-Монгольская, или Монголо-Бурятская АО (Восточной Сибири)	1922	Объединена с другой бурятской АО в Бурят-Монгольскую АССР в 1923 г.

Название	Год	Преобразования
Карачаево-Черкесская АО	1922	В 1926 г. автономия была разделена по национальному признаку на Карачаевскую АО, Черкесский национальный округ и казачий Баталпашинский район. В 1928 г. Черкесский национальный округ был преобразован в Черкесскую АО.
Ойратская АО	1922	В 1932 г. переименована в Ойротскую, в 1948 г. – в Горно-Алтайскую.
Черкесская (Адыгейская) АО	1922	В этом же году переименована в Адыгейскую (Черкесскую) АО.
Чеченская АО	1922	Объединена с Ингушской АО в 1934 г., которая 5 декабря 1936 г. была преобразована в Чечено-Ингушскую АССР.
Северо-Осетинская АО	1924	Создана при ликвидации Горской АССР. В декабре 1936 г. стала Северо-Осетинской автономной социалистической республикой
Ингушская АО	1924	Создана вместе с Северо-Осетинской АО при ликвидации Горской АССР. В 1934 г. объединена с Чеченской АО.
Мордовская АО	1930	20 декабря 1934 г. преобразована в Мордовскую АССР.
Хакасская АО	1930	Образована по Постановлению Президиума ВЦИК
Чечено-Ингушская АО	1934	Создана за счет объединения Чеченской и Ингушской АО.
Еврейская АО	1934	Создана как национально-территориальное образование для переселенцев

Из таблицы видно, что основными годами образования автономных областей был период с 1920 по 1922 г. К концу 1922 г. в состав РСФСР входили восемь автономных республик (Туркменская, Киргизская, Горская, Татарская, Башкирская, Дагестанская, Якутская, Крымская), 11 автономных областей (Чувашская, Марийская, Калмыцкая, Удмуртская, Коми (Зырян), Бурятская, Ойротская, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Черкесская (Адыгейская, Чеченская)) и 2 трудовые коммун (Немцев Поволжья и Карельская)⁸⁷.

В Конституции 1925 года статусу автономных республик и областей была посвящена четвертая глава, где прописывались две формы возможных автономий: автономные советские социалистические республики и области. Статья 44 Основного Закона, в частности предоставила республикам право принимать свои конституции: «Основные законы (конституции) автономных советских социалистических республик принимаются их съездами советов, представляются на утверждение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и вносятся на окончательное утверждение Всероссийского Съезда Советов. Положения об автономных областях принимаются их съездами советов и утверждаются Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом»⁸⁸.

Постановлением ВЦИК СССР от 19 декабря 1930 г. была введена новая форма административной автономии — национальный округ. Именно тогда были созданы шесть национальных округов: Остяко-Вогульский (с 1940 г. — Ханты-Мансийский), Ямальский (с 1940 г. — Ямало-Ненецкий), Таймырский (с 1940 г. — Долгано-Ненецкий), Витимо-Олекминский (Эвенкийский), Корякский и Чукотский. С 26 сентября 1930 г. к ним прибавились Агинский Бурят-Монгольский (с 1958 г. — Агинский Бурятский) и Усть-Ордынский Бурят-Монгольский (с 1958 г. — Усть-Ордынский Бурятский) национальные округа. До этого ранее было создано еще два округа: 25 февраля

1925 г. — Коми-Пермяцкий национальный округ, а 15 июля 1929 г. — Ненецкий национальный округ⁸⁹.

Важной тенденцией развития автономий в 20–30-е гг. XX века стала практика повышения статуса автономных областей и трудовых коммун до уровня АССР. Так, возникли Бурят-Монгольская АССР (1923 г.), Чувашская АССР (1925 г.), Мордовская АССР (1934 г.), Удмуртская АССР (1934 г.), Калмыцкая АССР (1935 г.), а по Конституции 1936 года — Кабардино-Балкарская АССР, Коми АССР, Марийская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская АССР. Аналогичный путь прошли и трудовые коммуны (немцев Поволжья и Карельская), ставшие АССР.

Отдельно стоит упомянуть историю Еврейской АО, появление которой отличается от других национальных автономий в составе России, поскольку она была создана в начале 1930-х годов как национально-территориальное образование для переселенцев. Из общего ряда также выпадает случай истории возникновения Республики Тува, которая из независимого государства стала автономной областью в составе РСФСР. В августе 1921 г. на территории Урянхайского края Енисейской губернии была образована народная республика Танну-Тува, которая вышла из состава РСФСР и стала независимым государством. В 1944 г. Тува была принята в СССР в виде автономной области, а в 1961 году она стала АССР⁹⁰.

Конституция (Основной Закон) СССР 1936 года в ст. 22 наряду с краями и областями закрепила наличие в составе РСФСР семнадцати автономных республик (Татарской, Башкирской, Дагестанской, Бурят-Монгольской, Кабардино-Балкарской, Калмыцкой, Карельской, Коми, Крымской, Марийской, Мордовской, Немцев Поволжья, Северо-Осетинской, Удмуртской, Чечено-Ингушской, Чувашской, Якутской) и шести автономных областей (Адыгейской, Еврейской, Карачаевской, Ойротской, Хакасской, Черкесской)⁹¹. Статья 14 Конституции (Основного Закона) РСФСР 1937 года повторила данный перечень

административно-территориальных единиц, одновременно закрепив за каждой Автономной республикой право иметь «свою Конституцию, учитывающую особенности Автономной республики и построенную в полном соответствии с Конституцией РСФСР и Конституцией СССР» (ст. 20)⁹². В Конституции прописывалось, что в автономной советской социалистической республике (АССР) формировались Верховный Совет АССР и Совет Народных Комиссаров АССР, а в автономных областях формировались Совет депутатов трудящихся и избираемый исполнительный комитет. Права принятия собственного законодательства автономные области не имели. Верховный Совет РСФСР должен был утверждать «Положение об автономной области», представляемое Советом депутатов трудящихся области. Статья 102 гласила, что «Советы депутатов трудящихся национальных округов и их исполнительные комитеты осуществляют на территории округа права и обязанности, возлагаемые на них «Положением о национальных округах», а также решениями соответствующего краевого (областного) Совета депутатов трудящихся. «Положение о национальных округах» устанавливается Верховным Советом РСФСР»⁹³.

В военный период в рамках политики репрессий были ликвидированы несколько автономий: Республика немцев Поволжья, Калмыцкая и Чечено-Ингушская АССР, Карачаево-Черкесская АО. Кабардино-Балкарская АССР была переименована в Кабардинскую в связи с депортацией балкарцев. Карачаево-Черкесская АО превратилась в Черкесскую АО. На территории бывшей Чечено-Ингушской АССР создали Грозненскую область. Позже в послевоенный период многие депортированные народы были возвращены, а автономии были восстановлены: Чечено-Ингушская АССР, Калмыцкая автономная республика. Вновь возникли автономии с двумя титульными народами: Кабардино-Балкарская АССР и Карачаево-Черкесская АО. Исключение составила республика немцев Поволжья, которая не была восстановлена⁹⁴.

Следующей вехой развития российских автономий стало принятие Конституции (Основного Закона — ОЗ) СССР 1977 года, где автономиям было посвящено две главы (10 и 11). Статья 85 определила, что в РСФСР состоят следующие автономные советские социалистические республики: Башкирская, Бурятская, Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Калмыцкая, Карельская, Коми, Марийская, Мордовская, Северо-Осетинская, Татарская, Тувинская, Удмуртская, Чечено-Ингушская, Чувашская, Якутская. «Автономная республика вне пределов прав Союза ССР и союзной республики самостоятельно решает вопросы, относящиеся к ее ведению. Автономная республика имеет свою Конституцию, соответствующую Конституции СССР и Конституции союзной республики и учитывающую особенности автономной республики» — гласил ОЗ⁹⁵. Глава, посвященная автономной области и автономному округу (так стали именоваться национальные округа), определяла, что автономная область находится в составе союзной республики или края. Статья 87 уточняла: «В Российской Советской Федеративной Социалистической Республике состоят автономные области: Адыгейская, Горно-Алтайская, Еврейская, Карачаево-Черкесская, Хакасская». Автономный округ также находился в составе края или области⁹⁶.

После распада СССР начался новый, современный этап в развитии автономий в рамках укоренения федеративных принципов. В результате чего была создана фактическая асимметрия статуса республик, ставшая следствием так называемого «парада суверенитетов» в начале 1990-х годов. После принятия в РСФСР декларации о государственном суверенитете, российские республики и некоторые автономные области в течение 1990–1991 гг. также заявили о принятии собственных деклараций о своем суверенитете, закрепляя в них право народа на самоопределение. Первой подобный документ принял 20 июля 1990 г. Верховный Совет Северо-Осетинской АССР⁹⁷. Далее в течение полугода аналогичные декларации появились в Карельской АССР, Коми АССР, Татарской АССР,

Удмуртской АССР, Якутской АССР, Бурятской АССР, Башкирской АССР, Калмыцкой АССР, Марийской АССР, Чувашской АССР, Горно-Алтайской АО. Последними из республик в мае 1991 г. приняли свои декларации о суверенитете Дагестан, Адыгея в июне 1991 г.

31 марта 1992 года все республики Российской Федерации (РСФСР) за исключением Татарстана и Чечено-Ингушетии подписали федеративный договор. Тем самым было заложено неравенство между самими республиками. Татарстан подписал договор между Российской Федерацией и Республикой Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» лишь 15 февраля 1994 года. Республика также является единственным регионом России, которому удалось перезаключить договор о разграничении полномочий в 2007 году.

В ноябре 1990 г. сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской республики приняла Декларацию о суверенитете. 1 октября 1991 г. решением Верховного Совета РСФСР Чечено-Ингушская Республика была разделена на Чеченскую Республику и Республику Ингушетию. Ингушетия вошла в состав Российской Федерации, а в Чеченской Республике, пришедшая к власти после переворота администрация во главе с Д. Дудаевым отказалась от подписания Федеративного договора и объявила о суверенитете. В течение 1990-х годов велись боевые действия (две чеченские войны) на территории Чеченской Республики. Лишь к 2000 г. удалось стабилизировать ситуацию, а 23 марта 2003 г. в Чеченской Республике был проведен референдум, на котором население подавляющим большинством голосов высказалось за нахождение Чеченской Республики в составе России.

В 2014 году общее число регионов составило 85, а республик — 22 за счет включения в состав РФ Крымского полуострова. Республика Крым, в отличие от других республик,

является не этнической, а территориальной автономией. В Крымской АССР татары Крыма не признавались титульной нацией, а название автономии привязывалось к названию территории (полуостров Крым), на которой она была образована.

С точки зрения численности населения большинство российских республик относится к средней и малочисленным группам регионов в общем рейтинге территорий РФ. Самыми крупными по численности населения из Республик РФ являются Республики Башкортостан, Татарстан и Дагестан; самой малочисленной — Республика Алтай. По размерам безусловным лидером является Республика Саха (Якутия), занимающая 18,03% от площади РФ и являющаяся самой большой административно-территориальной единицей в мире. Одновременно самой маленькой — Республика Ингушетия.

С точки зрения конфигурации доли «титульной» этнической группы и русского населения (Табл. 5) можно выделить несколько групп российских республик⁹⁸:

1. Республики с явным доминированием «титульного» населения — фактически, моноэтнические (доля «титульного» населения более 80%): Ингушетия, Тува, Чечня;

2. Республики с явным доминированием «нетитульного» русского населения — фактически, моноэтнические (доля русского населения более 80%): Карелия, Хакасия;

3. Республики, в которых русские явно преобладают в составе населения (доля русского населения от 50 до 65%): Адыгея, Алтай, Бурятия, Коми, Удмуртия, Крым⁹⁹;

4. Республики, в которых «титульная» группа явно преобладает в составе населения (доля «титульного» населения от 50 до 65%): Калмыкия, Саха (Якутия), Северная Осетия-Алания, Татарстан, Чувашия;

5. Республики, в которых наблюдается примерное равенство русского и «титульного» населения: Марий Эл, Мордовия;

6. Республики с полиэтнической структурой населения: Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика,

Карачаево-Черкесская Республика. Здесь выделяется несколько (более двух) крупных этнических сегментов, причем ни один из них не представляет большинство населения (исключение: кабардинцы в Кабардино-Балкарской Республике).

Табл. 5. Соотношение титульного и русского населения в российских республиках (составлено по критерию уменьшения доли русского населения) ¹⁰⁰⁰

Название автономии	Титульное население	Доля титульной группы	Доля русского населения
1. Республика Ингушетия	ингуши	94,1	0,8
2. Чеченская Республика	чеченцы	95,3	1,9
3. Республика Дагестан	аварцы даргинцы кумыки лезгины лакцы	29,4 17,0 14,9 13,3 5,6	3,6
4. Республика Тува	тувинцы	82,0	16,3
5. Республика Северная Осетия – Алания	осетины	65,1	20,8
6. Кабардино-Балкарская Республика	кабардинцы балкарцы	57,2 12,7	22,5
7. Чувашская Республика	чуваши	67,7	26,9
8. Республика Калмыкия	калмыки	57,4	30,2
9. Карачаево-Черкесская Республика	карачаевцы черкесы	41,0 11,9	31,6
10. Республика Башкортостан	башкиры	29,5	36,1
11. Республика Якутия	якуты	49,9	37,8
12. Республика Татарстан	татары	53,2	39,7

Название автономии	Титульное население	Доля титульной группы	Доля русского населения
13. Республика Марий-Эл	марийцы	43,9	47,4
14. Республика Мордовия	мордва	40,0	53,4
15. Республика Алтай	алтайцы	33,9	56,6
16. Удмуртская Республика	удмурты	28,0	62,2
17. Республика Адыгея	адыгейцы	25,2	63,6
18. Республика Коми	коми	23,7	65,1
19. Республика Бурятия	буряты	30,0	66,1
20. Республика Хакассия	хакасы	12,1	81,7
21. Республика Карелия	карелы	7,4	82,2

Нормативные практики закрепления этничности

Этничность является значимым компонентом региональной политики в республиках. Однако степень значимости и выраженности этнокомпонента в нормативной базе отличается от региона к региону.

Рассмотрим основные законы — конституции республик — на предмет вариативности включения этнокомпонента. Конституции российских национальных республик — основной документ, определяющий институциональный дизайн. Тексты региональных конституций являются довольно унифицированными по содержанию и структуре документами, однако в случаях российских национальных республик обнаруживаются значимые нюансы. Один из них — наличие или отсутствие этнического компонента.

Этнический компонент в документах такого типа может встречаться в разных вариантах. Первый вариант — упоминание

названия титульной для республики этнической группы в разных контекстах, а также названия иных этнических групп. Второй вариант — упоминание языков, родных для этнических групп, в разных контекстах. В качестве дополнительных индикаторов, позволяющих зафиксировать наличие этнического компонента в текстах конституций предлагаются такие параметры, как количество упоминаний этнического / национального, а также наличие текста конституции на официальных сайтах на языке титульной этнической группы.

Факт упоминания титульной этнической группы в тексте конституции встречается ровно в половине российских республик — в 11 из 22-х случаев. Одним из проявлений выраженности этничности является упоминание титульной этнической группы в преамбуле к основному закону региона. Только в текстах трех республик: Карачаево-Черкесской, Татарстане и Чувашии в начале документа указывается титульный народ. Так, в преамбуле значится: «Настоящая Конституция, выражая волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа...»¹⁰¹. Упоминания многонациональности и исторического выбора народов республики фиксируют этнокомпонент в конституции Чувашии («Государственный Совет Чувашской Республики, свидетельствуя уважение к многовековой истории чувашского народа, сохраняя самобытность народов, проживающих на территории Чувашской Республики, признавая Чувашскую Республику субъектом Российской Федерации, осознавая историческую общность народов Российской Федерации»¹⁰²) и КЧР («Мы, депутаты Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики, осознавая свою ответственность перед народами многонациональной Карачаево-Черкесской Республики, объединившей в ходе исторического развития единой судьбой абазин, карачаевцев, ногайцев, русских, черкесов и граждан других национальностей, в единую Республику, признавая Республику неотъемлемой частью Российской Федерации»¹⁰³).

Второй ареной присутствия этничности является прописывание мер по защите и сохранению традиций коренного народа. Например, Республика Башкортостан «обеспечивает сохранение и защиту исторического и культурного наследия, развитие культуры башкирского народа и других народов, проживающих на территории Республики Башкортостан»¹⁰⁴ (Ст. 57); «Республика Калмыкия всемерно содействует сохранению самобытности и этнической неповторимости, традиций калмыцкого, русского и других народов республики, особенно почитание старших, уважение к женщине; любовь и забота о детях» (Ст. 14), «Республика Калмыкия, являясь единственным очагом и хранителем калмыцкой национальной культуры, историко – культурного наследия, гарантирует их сохранение и развитие»¹⁰⁵ (Ст. 15) и т.д.

Объединяющим элементом нормативной институционализации являются статьи конституций, регулирующие статус государственных языков в республиках. Согласно конституциям республик государственными языками являются:

- Адыгея – адыгейский и русский;
- Республика Алтай – алтайский и русский;
- Башкортостан – башкирский и русский;
- Бурятия – бурятский и русский;
- Дагестан – аварский, агульский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, рутульский, табасаранский, татский, цахурский, чеченский и русский;
- Ингушетия – ингушский и русский;
- Кабардино-Балкария – кабардинский, балкарский и русский;
- Калмыкия – калмыцкий и русский;
- Карачаево-Черкесия – абазинский, карачаевский, ногайский, черкесский и русский;
- Карелия – русский;
- Коми – коми и русский;
- Марий Эл – марийский (горный, луговой) и русский;

- Мордовия — мордовский (мокшанский, эрзянский) и русский;
- Саха (Якутия) — якутский и русский;
- Северная Осетия-Алания — осетинский (иронский и дигорский диалекты) и русский;
- Татарстан — татарский и русский;
- Тува — тувинский и русский;
- Удмуртия — удмуртский и русский;
- Хакасия — хакасский и русский;
- Чечня — чеченский и русский;
- Чувашия — чувашский и русский;
- Крым — крымско-татарский, украинский и русский.

Таким образом, карельский язык — единственный язык титульного этноса республики в составе РФ, не являющийся государственным.

В семи республиках, помимо статуса, тема языка определяется также в контексте законотворчества и судопроизводства. В частности, регулируется необходимость публикации законов на государственных языках (Адыгея, Бурятия, Ингушетия, Калмыкия, Татарстан, Чеченская республика, Чувашия). В Адыгее, кроме того, конституционно закреплена надпись на гербе на адыгском языке (ст. 60).

Контекст упоминания титульной этнической группы заметно отличается в конституциях республик. Сферы упоминания титульной этнической группы различны в случаях, когда они находят отражение в текстах конституций — возрождение, сохранение и развитие культуры / языка; сохранение самобытности и этнической неповторимости, традиций народа (Калмыкия); содействие в обеспечении национально-культурных и образовательных потребностей граждан мордовской национальности, проживающих за пределами республики (Мордовия).

В одном регионе в тексте конституции также встречается факт упоминания прочих этнических групп помимо титульной.

В 19 регионах они упоминаются обобщенно в контексте сохранения культуры многонационального народа республики, только в одном регионе — конкретно (Якутия применительно к поддержке коренных малочисленных народов Севера). Так, к примеру, ст. 42 якутской Конституции подчёркивает, что «Республика Саха (Якутия), уважая традиции, культуру, обычаи коренных народов Республики Саха (Якутия) и коренных малочисленных народов Севера, защищает и обеспечивает их неотъемлемые права». В Республике Хакассия конституция гарантирует право законодательной инициативы в Верховном Совете в числе прочих субъектов Съезду (Чыылыг) хакасского народа по вопросам их ведения¹⁰⁶ (Ст. 86).

Показательно также, что на официальных сайтах республиканских органов власти полные тексты конституций на национальных языках представлены только у Татарстана¹⁰⁷ и Чувашии¹⁰⁸.

Важно отметить, что в конституции Республики Татарстан, единственной из всех республик, для наименования должности главы Республики используется слово «Президент», хотя срок, отведённый на внесение соответствующих изменений в Конституцию Республики Татарстан, давно истёк. На состоявшейся 17 декабря 2015 года большой ежегодной пресс-конференции Владимира Путина был задан вопрос о том, будет ли федеральный центр настаивать на переименовании названия должности президента Республики Татарстан, как того в срок до Января 2016 года требует федеральный закон. «Мы с уважением отнесемся к любому выбору народа Татарстана. Поэтому вы сами там решайте, ладно?» — ответил президент. «Я не думаю, что это (переименование) так чувствительно, заденет какие-то национальные чувства»¹⁰⁹. Однако, по мнению лидера этнорегиональной организации в республике: «Президент воспринимается как исторический компромисс, что у нас было государство, Казанское Ханство. Обычная риторика — мы пол мира потрясли. Эта память о великом прошлом проецируется на Татарстан.

Татарстан — это республика, государство в рамках РФ, мы особые, имеем право на особливость. Уже мало кто мыслит в категориях отдельного государства. Но мы имеем право на небольшой суверенитет. Мы имеем право на Президента, другие тоже имеют — если захотят. То, что у других сейчас нет — это их дело. А мы хотим. Это символ, с одной стороны, и институт, с другой»¹¹⁰.

Этнический компонент может проявляться в системе административно-территориального устройства республик, закрепляющей существование «национальных» муниципалитетов. В Якутии, например, образованы национальные административно-территориальные единицы — национальные улусы (районы). Под ними понимаются административно-территориальные единицы в составе Республики Саха (Якутия), образованные с целью защиты и сохранения среды обитания и права на традиционное природопользование, национальные промыслы и ремесла, возрождения национальной культуры и языка, удовлетворения духовных запросов и создания условий социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера (эвенов, эвенков, долган, юкагиров, чукчей) в местностях (на территориях) их компактного проживания¹¹¹. На территории Республики создано 4 национальных района¹¹²: Анабарский (долгано-эвенкийский) национальный улус, Жиганский (эвенкийский) национальный улус, Оленёкский (эвенкийский) национальный улус, Эвено-Бытантайский национальный улус. По оценкам экспертов статус национального района дает мощный импульс для самосознания и создает условия для национального, экономического и культурного возрождения эвенков¹¹³.

Кроме Якутии национальные районы образованы в Карелии (Калевальский, Олонецкий, Пряжинский) и в Бурятии (Баунтовский эвенкийский район).

Один из важных аспектов институционализации этнокомпонента — получение подтвержденных статистически показателей

по численности в разрезе национального состава населения региона. Это осуществляется через институт переписи населения. Перепись населения предоставляет гарантированную Конституцией РФ возможность самоопределения по вопросу о национальной принадлежности и родном языке. С 15 октября по 14 ноября 2021 года проходила последняя перепись населения РФ. В графе «национальность» впервые можно было указать несколько вариантов ответа, вписав национальности через запятую.

Особенное политическое звучание процесс переписи приобрел в республиках, главы которых активно акцентировали необходимость зафиксировать этническую идентичность. Это касалось призывов принять участие в переписи. В Татарстане, например, с призывом принять участие во Всероссийской переписи населения обратился первый президент республики, Государственный советник Минтимер Шаймиев: *«Для любого человека любой национальности участие в переписи населения — это возможность выразить себя и свою гражданскую позицию. С точки зрения сохранения языка, сохранения народа — это, пожалуй, самый яркий показатель национального самосознания»*¹¹⁴. Спикер Государственного совета республики Фарид Мухаметшин обратился к жителям на татарском языке в эфире местного телеканала «Челны ТВ», призывая записываться с указанием «татарин»: *«Сохранение татарами второго места по численности в России зависит от тебя, меня, всех нас», — продолжил глава регионального парламента... Где бы мы ни жили, на каких бы языках мы ни говорили, в нас течет татарская кровь... Дорогие соотечественники! Я призываю всех записаться в переписи как татарин. Будущее нашего народа в наших руках»*¹¹⁵.

Глава Башкортостана Радий Хабиров не так прямо, но тоже обозначил свое отношение к титульной группе: *«Я тоже решил принять участие в переписи, добавить нашу семью из пяти человек. Две дочери у меня уже взрослые, живут отдельно. Поэтому записал только тех, кто непосредственно живёт со мной вместе в Башкортостане. Своей записью добавил одного башикура и двух*

башкирят. Мои сыновья ещё маленькие, поэтому мы с супругой определили, что по национальности они — башкиры...»¹¹⁶.

Таким образом, выстраивая самопозиционирование по маркеру этничности, элиты действуют по разным стратегиям мобилизации, но конечная цель — стимулировать к фиксации титульной этнической принадлежности, поскольку это закрепляет право на особые преференции. В ряде случаев подобные практики приводят к общественным расколам и потенциальным конфликтам. Так, особо громко освещалась в СМИ позиция главы Кабардино-Балкарии Казбека Кокова, который в видео, опубликованном на его странице в Instagram, отметил, что записался в ходе переписи кабардинцем, так как кабардинцами были его предки: *«Я указал, что я кабардинец. И горжусь этим. Могу сказать, что данное слово для меня сродни словам мать, отец, семья. Другого быть для меня не может...»¹¹⁷*. Под сообщением было оставлено много комментариев, в числе которых были и позиции о том, что важно предстать единым черкесским народом. Такую позицию перед переписью продвигали руководители общественных организаций Кабардино-Балкарии, которые обратились к кабардинцам с призывом записать себя черкесами в ходе Всероссийской переписи населения¹¹⁸.

В рамках нормативной институционализации этнические идентификаторы могут присутствовать в наименовании органов власти. В качестве примера институционализации этнокомпонента могут служить названия семи региональных парламентов: Адыгеи (Государственный Совет — Хасэ Республики Адыгея), Алтая (Государственное Собрание — Эл Курултай РА), Башкортостана (Государственное Собрание — Курултай Республики Башкортостан), Бурятии (Народный Хурал Республики Бурятия), Калмыкии (Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия), Тувы (Верховный Хурал (парламент) Республики Тува), Якутии (Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)). В остальных случаях названия этнически нейтральны (Народное Собрание, Парламент, Государственный

Совет). При этом парламентские сайты на языке титульных групп есть только у Коми и Татарстана, частично Ингушетии.

Аналогичный анализ сайтов региональных правительств¹¹⁹ показывает, что ресурсы на титульном языке есть только у трех республик (Башкортостан, Коми, Татарстан). Частично материалы на национальных языках представлены на сайтах Адыгеи, Бурятии, Карелии (финский), Мордовии, Чувашии, Якутии.

Этнокомпонент может быть зафиксирован в структуре органов власти через наличие специальных профильных ведомств по делам межнациональных отношений. Показательно, что чаще всего в республиках оно выделено в отдельное министерство (Министерство национальной политики Республики Коми, Министерство по внешним связям и делам народов Республики Саха (Якутия), Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл и т.д.)

В Адыгее межнациональные отношения курирует комитет Республики Адыгея по делам национальностей, связям с соотечественниками и средствам массовой информации, что, по мнению экспертов, институционализирует репатриацию: *«Она институционализована в политической системе республики Адыгея. Поскольку в конституции есть статья, что один из векторов — поддержка связей с диаспорой. Есть Комитет по связям с соотечественниками. С 2012 года они мигрируют на территорию республики. Проводят параллели с беженцами с территории Украины и Сирии»*¹²⁰.

Таким образом, в рамках нормативной институционализации этнические идентификаторы могут присутствовать в официальном наименовании органов публичной власти, их структуре и официальной репрезентации, этничность может иметь значение при распределении важных политико-управленческих позиций. Кроме того, этнические группы могут иметь некие преференции, которые нормативно закрепляются в государственной политике (политических курсах)¹²¹. Далее мы рассмотрим, как он преломляется в кадровой политике республик.

Глава III

Этничность в системе органов публичной власти республик РФ как направление нормативной институционализации

Если говорить об учете этничности в распределении важных политико-управленческих позиций, то важным оказывается этническая структура населения региона¹²². В республиках, где титульная группа доминирует, ее представители устойчиво занимают высшие управленческие позиции, включая высшее должностное лицо.

Так, в Чеченской Республике (ЧР) важнейшие политические, административные и военные должности занимают чеченцы, а все Главы ЧР являлись и являются представителями титульного этноса. В Республике почти нет русских, которые занимали бы высшие должности¹²³. В качестве исключения можно привести в пример Наурский район, в котором с 2004 по октябрь 2016 года Кашлюнов Владимир Александрович занимал должность главы администрации. С 2016 по 2020 гг. эту должность занимал его сын, который сейчас является депутатом парламента Чеченской республики¹²⁴.

Сходная ситуация в Республике Ингушетия, где ингуши доминирует в республиканской политике. Показательно, что в предыдущем составе депутатов Народного Собрания Республики Ингушетия шестого созыва только у одного депутата в справке была указана национальность («русский»): «Светличный Василий Иванович. Заместитель Председателя, Председатель комитета Народного Собрания Республик Ингушетия по национальной политике и связям с общественностью, фракция

«Единая Россия». Национальность: русский»¹²⁵. В действующем созыве также работает один депутат с русской фамилией, но информация о национальности депутатов отсутствует¹²⁶.

В Республике Северная Осетия «титульная» этническая группа также преобладает в составе населения, и ее представители занимают позиции высших должностных лиц. Все руководители республики являются представителями титульной национальности. Так, с апреля 2021 года Главой РСО-Алания является Сергей Иванович Меняйло. В биографии Главы читаем: «Сергей Меняйло родился в 1960 году в осетинском городе Алагир. По национальности — наполовину осетин (по матери), наполовину русский (по отцу)»¹²⁷. При этом русские являются депутатами регионального Парламента, и в настоящее время русский занимает пост председателя Парламента (с ноября 2012 года Председателем Парламента Республики Северная Осетия-Алания является Мачнев Алексей Васильевич)¹²⁸. Характерный подход к обеспечению кадрового баланса отражен в выступлении одного из депутатов от республики в Государственной Думе К. К. Тайсаева. Он назвал республику примером грамотного учета национального фактора в решении кадрового вопроса: «...Председатель Парламента республики Алексей Мачнев, русский по национальности, имеет немалый опыт парламентской деятельности»¹²⁹. Эксперты отмечают, что существует неформальная квота на представительство русских. При этом представительство русских в парламенте и их высокие властные должности не всегда воспринимаются как факт того, что они презентуют русскую общину: «Этничность не политизирована, не значима. Глава воспринимается как представитель всех, а не осетин. Русские вовлечены в культурные традиции осетин»¹³⁰.

Дело в том, что особенностью функционирования автономий в Осетии является их взаимозависимость, обусловленная существованием республиканского межнационального движения «Наша Осетия», в которое «входят все центры, имеющие юридическую организацию. Они вырабатывают единые подходы

по памятным событиям, кризисным ситуациям... выдвигают мнения о кандидатах»¹³¹. Движение было создано 16 ноября 1991 года на учредительной конференции полномочных представителей национально-культурных обществ. К 1992 году полностью сложилась структура движения. Она заключалась в полной автономии каждого общества в отдельности и наличии координирующего органа Совета движения «Наша Осетия», который придает организационной структуре общее, согласованное со всеми его членами направление и оказывает обществам практическую помощь в их повседневной деятельности¹³². По оценкам экспертов, это движение — важная структура для обеспечения межэтнического баланса в республике¹³³.

Во многих республиках действует принцип этнического «квотирования» при распределении властных полномочий. Так, в Кабардино-Балкарии по негласной договоренности между элитными группами главой субъекта является кабардинец, главой правительства — русский, главой парламента — балкарец¹³⁴. В 2014 году русская по происхождению Татьяна Егорова стала председателем парламента, а балкарцы получили пост главы правительства¹³⁵. В СМИ это назначение окрестили как «нетрадиционное решение»: «Традиционно в Кабардино-Балкарии на протяжении многих лет при формировании органов власти соблюдается строгая иерархия по национальному признаку. Возглавляет республику кабардинец, премьер-министр — русский, а спикер законодательного органа — балкарец. Конечно, такой подход можно назвать устаревшим, но все же соблюдение национального равенства в органах власти позволяет сохранить хрупкий мир и спокойствие в республике»¹³⁶. Как отмечалось выше, действующий глава республики К. В. Коков отметил в СМИ, что записался на переписи 2021 года кабардинцем, так как «кабардинцами были его предки»¹³⁷.

Репрезентация по принципу национальной принадлежности играет важную роль в политическом процессе Кабардино-Балкарии. На сайте республиканского парламента

представлены подробные выкладки по национальному составу депутатов, очевидно, что данный вопрос имеет значение в политической повестке республики (Табл. 6).

Табл. 6. Национальный состав депутатов VI созыва¹³⁸

Парламент Кабардино-Балкарской Республики VI созыва			
1.	Кабардинцы	40	57,1 %
2.	Балкарцы	13	18,6 %
3.	Русские	15	21,4 %
4.	Представители иных национальностей	2	2,9 %
Всего		70	100
Президиум Парламента Кабардино-Балкарской Республики			
1.	Кабардинцы	13	62 %
2.	Балкарцы	4	19 %
3.	Русские	4	19 %
4.	Представители иных национальностей	—	—
Всего		21	100

По данным экспертов, в Карачаево-Черкесской республике также сложилась практика этнического квотирования при назначении на административные должности, которая автоматически предполагает, что главой республики должен быть именно карачаевец, русский занимает пост председателя парламента, а должность главы правительства «резервируется» за представителем черкесов¹³⁹.

Значимость подобного квотирования для поддержания стабильности демонстрирует политика Б. Эбзеева (президент КЧР в 2008–2011 гг.), который, возглавив республику, заявил, что будет формировать команду не по принципу

этнического квотирования, а на основе профессиональных качеств, и в 2008 году назначил премьер-министром правительства КЧР этнического грека Владимира Кайшева. Это вызвало недовольство черкесов, которые возобновили протестную активность и поставили вопрос о возможности раздела Карачаево-Черкесии. Как пишут в СМИ, тогда полпред президента в Северо-Кавказском федеральном округе Александр Хлопонин в ультимативной форме потребовал от Бориса Эбзеева назначить главой правительства именно черкеса, а также поставил на вид президенту КЧР неудовлетворительное состояние ряда социальных объектов и проблемы с исполнением бюджета и платежной дисциплиной: «Фактически для Эбзеева это означало начало обратного отсчета, и в феврале 2011 года он досрочно ушел в отставку, а затем был назначен членом ЦИК РФ»¹⁴⁰. Характерно в этой связи интервью одного из общественников республики: *«Исходя из численности народа, за каждой национальностью негласно закреплено место во власти. Именно поэтому во времена Эбзеева и произошел бунт черкесов — потому что бывший глава легким мановением руки отдал их место греку»*¹⁴¹.

Любопытно, что в 2014 году КЧР отказалась от смешанной системы выборов в Парламент в пользу пропорциональной системы именно по причине поиска межэтнического баланса. Как сообщает «Коммерсант», парламентарии посчитали, что система выборов по партспискам позволит гарантировать представительство в парламенте всех национальных групп¹⁴². Как и в случае с КБР, парламентский сайт позволяет собрать данные по национальному составу в парламенте республики (Табл. 7).

Говоря о значении этничности в региональной политике, необходимо затронуть и случай Республики Дагестан, где этническое разнообразие определяет общую специфику политических процессов. Как отмечает известный политолог А. Кынев, с момента распада СССР и формирования в российских регионах собственных избирательных систем Дагестан

Табл. 7. Данные о национальном составе Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской республики V и VI созыва ¹⁴³

	Количество депутатов V созыва	Количество депутатов VI созыва
карачаевцы	22	23
русские	14	14
черкесы	6	6
абазины	3	4
ногайцы	2	2
украинцы	1	0
армяне	1	1
греки	1	0
Всего	50	50

оставался уникальным регионом. Он сохранял коллективный орган в управлении регионом — Государственный совет из 14 человек (по одному из 14 основных этносов) — когда все иные регионы проводили прямые выборы губернаторов. И единственный проводил выборы значительной части депутатов Народного собрания — Парламента — с учетом так называемых «национальных квот»¹⁴⁴.

Исследователи А. Здравомыслов и А. Цуциев пишут: «Выборы в Народное Собрание Дагестана, прошедшие в марте 1999 г., стали важным этапом в утверждении институционального дизайна, опирающегося на квотный принцип поддержания этнической паритетности в органах представительной власти. Парламент республики состоял из 121 депутата, избираемого по одномандатным мажоритарным округам. Особенность дагестанского избирательного закона состояла в том, что республиканский

Центризбирком наделяется полномочиями устанавливать национальные избирательные округа, где правом выдвижения своих кандидатур могут пользоваться только представители определенной этнической группы. Количества таких округов и их национальное распределение также находятся в компетенции Центризбиркома»¹⁴⁵. Некоторые эксперты называли сложившуюся модель формой «коллективной» политической автономии (государственности) дагестанских народов¹⁴⁶ или «консоциальной демократией по-дагестански» («это коллегиальная форма управления, базирующаяся на принципе этнического квотирования»)¹⁴⁷. Дагестану пришлось отказаться от оригинальной системы организации власти после требований унификации электорального законодательства. Тем не менее, по факту распределение властных позиций между этническими сегментами продолжается на конвенциональной основе. Позицию высшего должностного лица стабильно занимает представитель одной из двух основных этнических групп — аварец или даргинец.¹⁴⁸

Значимость этничности демонстрирует и репрезентация депутатского корпуса республики: у большинства депутатов на страницах парламентского сайта указана национальная принадлежность (Табл. 8).

Табл. 8. Национальный состав Народного Собрания Республики Дагестан¹⁴⁹

Национальная группа	Число представителей данной группы в...	
	Парламенте VI созыва	Парламенте VII созыва
аварцы	26	29
даргинцы	11	13
кумыки	11	7
лезгины	8	9
табасараны	5	3
азербайджанцы	3	2

Национальная группа	Число представителей данной группы в...	
	Парламенте VI созыва	Парламенте VII созыва
лакцы	3	2
русские	2	4
агулы	1	2
рутульцы	1	2
таты	1	0
ногайцы	0	2
чеченцы	0	1
Не указано	18	13
Всего	90	89

Подобные институционализированные практики учета этничности характерны не только для республик Северного Кавказа. В Республике Алтай позиция высшего должностного лица устойчиво отведена русскому, а «второстепенную» позицию (председатель парламента) обычно занимает представитель «титულიной» национальности¹⁵⁰. С 2019 года главой республики — Председателем Правительства — является О. Л. Хорохордин. *«Алтайцы занимают должность председателя парламента — это традиция. Глава республики — русский. Негласно существует эта норма. Вероятность избрания алтайца мала»*, — отмечают эксперты¹⁵¹.

На внеочередной XIX-ой сессии Государственного Собрания-Эл Курултай Республики Алтай шестого созыва 29 сентября 2016 года Председателем Государственного Собрания-Эл Курултай Республики Алтай избран Тюлентин Владимир Николаевич¹⁵². Из биографической справки на сайте Парламента следует, что он «родился 14 декабря 1953 года в с. Абай Усть-Коксинского района. Образование высшее, алтаец¹⁵³». Спикер седьмого созыва с 2019 года А. П. Кохоев, также алтаец по национальности¹⁵⁴.

На 2016 год в Государственном Собрании-Эл Курултай Республики Алтай титульная группа имела практически равное представительство с русскими. Ниже приведены данные по составу представительного органа шестого созыва на 2016 год (Табл. 9). С 2017 года данные о национальности депутата перестали публиковаться на сайте парламента.

Табл. 9. Национальный состав Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай на 2016 год¹⁵⁵

Национальность	Количество депутатов
Русские	20
Алтайцы	15
Казахи	2
Теленгиты	1
Немцы	2
Не указавшие	1
Всего	41

Эксперты отмечают, что в советское время в Республике Саха (Якутия) этнический баланс обеспечивался посредством негласной установки: если якут хотел занять руководящую должность, то жена его должна была быть русской. *«Можно изучить биографии выдающихся деятелей советских годов – там везде эта тенденция прослеживается. У первых секретарей обкомов у них смешанные семьи – якуты, но жены – русские»*¹⁵⁶. В 1990-е годы такого не было, но паритет соблюдался всегда: *«В Якутии если вдруг министр – якут, то заместитель – русский, или наоборот. В середине 90-х годов появились в составе правительства другие национальности, до 10 процентов. Но ближе к 2000-м соотношение опять 50 на 50»*¹⁵⁷.

Пост председателя парламента занимают представители титульной этнической группы, но русские всегда оставались в должности заместителей председателя. В парламенте

национальное представительство особой роли не играет, поскольку там в основном лоббисты экономических интересов¹⁵⁸. Кроме того, эксперты отмечают, что в «Администрации и на телевидении саха преобладает, а знание якутского языка желательно при занятии государственной должности»¹⁵⁹.

В Республике Бурятия, русские преобладают в составе населения и до недавнего времени они устойчиво занимали позицию высшего должностного лица. Однако в феврале 2017 года был назначен заместитель министра транспорта РФ Алексей Цыденов — «варяг», но с бурятскими корнями. В одном из интервью он сказал: *«Мой отец — бурят, мать — русская, я, соответственно, метис»*¹⁶⁰. В СМИ однозначно подчеркивался этнический компонент назначения: *«Главой Бурятии впервые назначили политика с бурятскими корнями»*¹⁶¹, *«Бурятии подобрали национального главу»*¹⁶². Вместе с тем, председателем Народного Хурала шестого созыва в 2018 году стал Павлов Владимир Анатольевич¹⁶³. Таким образом, произошла рокировка позиций русских и бурят в отношении занимаемых высших должностей (глава — бурят, спикер — русский). *«Внутренние договоренности есть, ничем не регламентированные. Если министр русский — зам — бурят. Культура, образование, здравоохранение — там преобладают буряты. А крупная промышленность, строительство, ЖКХ — русские. Обязательно хоть один зам министра, но будет бурят»*¹⁶⁴. По данным экспертов, в Народном Хурале большинство депутатов — буряты: *«Буряты более активны»*¹⁶⁵.

В Туве представители титульной национальности составляют большинство населения и доминируют в кадровой политике, но русские демонстрируют свое недовольство этой ситуацией¹⁶⁶. Показательными являются данные, озвученные в письме Союза русскоязычных граждан Тувы в администрацию президента в середине 2016 года: *«В республике из 17 глав районных администраций только один — русский, из 37 членов правительства русских только трое»*. Однако в тувинском правительстве не согласились с обвинениями. В пресс-службе подчеркнули, что

не слышали о существовании организации¹⁶⁷, а состав республиканского кабинета интернациональный: помимо тувинцев и русских есть корейцы и даже уроженцы Хакасии¹⁶⁸.

В биографических справках на официальном портале Верховного Хурала отсутствуют данные по национальности. Тем не менее, по оценкам экспертов, тувинцев в парламенте более двух третей¹⁶⁹. На неформальной основе котируется участие основных этнических групп в управлении: *«Список на выборах согласовывается по национальному принципу, пытаются учесть интересы разных групп. Есть квота для русских»*¹⁷⁰.

Республика Хакасия относится к республикам с явным доминированием русского населения. Руководители республики (председатели правительства) всегда были русскими. Тем не менее, начиная с 1992 года, областной парламент возглавил хакас В. Н. Штыгашев. Согласно исследованиям Е. В. Тышты, на протяжении 1990-х гг. Верховный Совет Республики Хакасия оставался многонациональным. В состав регионального парламента входили представители корейской, азербайджанской национальностей, а представитель чеченской национальности был избран дважды. С 1996 г. отмечается тенденция к снижению доли титульного населения в депутатском корпусе. Так, если в облсовете Хакасского автономного округа (1990 г.) хакасы составляли 14,1% всех народных избранников, в Верховном Совете РХ первого созыва (1992) — 13%, то в Верховном Совете РХ второго созыва их представительство снизилось до 10,6%, что, впрочем, соответствует доле титульного населения в составе населения республики. Сокращение процентного показателя депутатов-хакасов автор связывает со снижением политизированности масс, падением популярности радикальных националистических организаций, установлением национального согласия в республике¹⁷¹.

В Республике Адыгея на конституционном уровне существовало требование владения адыгейским языком, что нормативно фактически закрепляло за титульной группой высший

пост Республики. Ст. 76 принятой в 1995 году Конституции гласила: *«Президентом Республики Адыгея может быть избран гражданин Республики Адыгея, проживший и проработавший в ней не менее десяти лет, в том числе не менее одного года, предшествующего дню выборов, не моложе тридцати пяти лет, свободно владеющий государственными языками Республики Адыгея и обладающий избирательным правом»*¹⁷². Кроме того, до 2003 года в республике действовал двухпалатный парламент, в котором верхняя палата включала по два представителя каждого города и района (районов, где численно преобладают адыги, в республике больше). Подобные конституционные принципы оказались действенными. Во время региональных президентских выборов в Адыгее (январь 1997 г.) избирком республики не зарегистрировал в качестве кандидата единственного русского претендента на высший пост В. Леднева. Основанием для отказа в регистрации стало незнание кандидатом адыгейского языка, а также его работа за пределами республики (Леднев возглавлял департамент в федеральном Министерстве соцзащиты)¹⁷³. Указанная норма была отменена в 2003 году в рамках федеральной кампании по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным.

В Республике Адыгея сложилась достаточно устойчивая практика учета этничности при распределении властных позиций, но идущая вразрез с этнонациональной структурой населения, поскольку первым лицом в республике является адыгеец (М. К. Кумпилов с 2017 года). Несмотря на численное превосходство русских в составе населения, большинство депутатов являются адыгейцами¹⁷⁴.

Пример учета этничности в кадровой политике Адыгеи — история с избранием на должность председателя Парламента Владимира Ивановича Нарожного в 2012 году. 29 декабря 2012 он дважды не смог набрать большинства. Из необходимых для избрания 27 голосов Нарожный набрал всего 24. В ходе повторного голосования за Нарожного отдали свои голоса всего

22 депутата. Затруднения с избранием спикера официально не комментировались, но, как считают некоторые местные эксперты, они были обусловлены сопротивлением той части депутатов, которым хотелось, чтобы вновь избранный спикер был представителем адыгейской национальности. Однако в случае избрания адыгейца оказалось бы, что в регионе, где большинство населения составляют русские, четыре главные должности (глава республики, премьер-министр, спикер регионального парламента и председатель Верховного Суда) заняты адыгейцами. Лишь 16 января 2013 вопрос избрания Нарожного был решен (за 42, против 5)¹⁷⁵.

В Калмыкии сложилась похожая практика: пост главы республики занимает представитель титульной этнической группы, то есть калмык. В настоящее время им является Бату Хасиков. А на должности председателя парламента с 2008 года находится русский — А. В. Козачко¹⁷⁶. Экспертные оценки подтверждают, что «первые» должности закреплены за калмыками, «второстепенные» — за русскими. Однако, если изучить национальную принадлежность людей, оказавшихся на других управленческих позициях, то выяснится, что это в основном калмыки¹⁷⁷. Пропорциональная система, по оценкам экспертов, положительно сказывается на поддержании межэтнического баланса, поскольку позволяет включать представителей различных этнических групп в предвыборные списки. Это используется, в частности, на выборах «Единая Россия»¹⁷⁸.

Этнополитологи Ю. П. Шабаев, А. П. Садохин в своих исследованиях отмечают, что политическая мобилизация этничности в Республике Коми началась в конце 1980-х — начале 1990-х годов и привела к росту политической активности этнических сообществ, к формированию многочисленных этнополитических организаций, среди которых ведущая роль принадлежала национальному движению (ныне именуется межрегиональным общественным движением «Коми войтыр»)¹⁷⁹. Под давлением этого движения власти пошли на создание в структуре

региональной исполнительной власти Министерства национальной политики, приняли «Закон о государственных языках», повышавший статус языка коми, а также «Закон о статусе съезда коми народа», согласно которому съезд этнических антрепренеров приобретал статус «представительного собрания коми этноса» (отменен в начале 2000-х годов).

Основополагающей региональной идеологией вышеназванные авторы называют этнический фаворитизм и деление республиканского социума на «коренной народ» и «некоренных» жителей (составляющих подавляющее большинство населения), которые обнаруживаются в политических практиках и политической риторике и в 2000-е годы. Власти республики использовали этничность. Например, В. Гайзер позиционировал себя как этнический коми. Подтверждением тому является доклад экс-Главы Республики Коми Вячеслава Гайзера на конференции «Единой России» 15 января 2011 г., где, говоря о национальной политике, он заявил: «Развитие культуры коренного народа — наш приоритет»: *«Главным этнополитическим событием года стало то, что этнический фаворитизм был провозглашен главной руководящей установкой правящей партии. Долгое время в практической деятельности властей Республики Коми этот фаворитизм был замечен, и здесь откровенно говорилось о том, что в республике есть «главный народ» и его интересы первичны, а интересы других групп, пусть их представители и живут на земле Коми много сотен лет, менее важны»,* — пишут исследователи¹⁸⁰. Действующий глава Владимир Уйба, вступивший в должность в 2020 году, имеет эстонские корни¹⁸¹.

Мордовия относится к числу регионов, в которых не сложилось устойчивых практик распределения властных позиций с учетом этничности¹⁸². Анализ данных по деятельности Верховного Совета Мордовской АССР, затем — Республики, относительно национального состава депутатского корпуса приведен в сборнике, посвященном 20-летию Парламента «Государственное Собрание

Республики Мордовия история становления и развития 1995–2015 гг.»¹⁸³. В справочных данных отмечается, что этническое распределение соответствовало общереспубликанскому: русским в среднем принадлежало около 56,2% депутатских мест, мордве — 39,2%. Однако в структуре самого Верховного Совета представители мордовской национальности занимали ведущие позиции, они в большей степени определяли политику и направление всей деятельности. Представители мордовской национальности в течение одиннадцати созывов избирались председателями Президиума Верховного Совета Мордовской АССР — главного и постоянно действовавшего высшего органа государственной власти республики. Таким образом, на формирование депутатского корпуса оказывал влияние фактор национальности¹⁸⁴. Аналогичные данные по национальному составу Государственного Собрания представлены на сайте Парламента по первым трем созывам¹⁸⁵. По ним можно зафиксировать снижение доли представительства лиц коренной национальности (Табл. 10).

Первый Президент Чувашии (1994–2010 гг.) Николай Федоров характеризуется как политик, не акцентировавший фактор национальности. Он много сделал для чувашского языка, традиций и культуры, однако не рассматривал этничность в качестве важного критерия при кадровой политике. Эксперты сходятся во мнении, что раз чуваша являются доминирующей группой, то и должность главы республики должна быть занята чувашем. Действующий глава Олег Николаев — чуваш. По данным Википедии, он родился 10 декабря 1969 года в деревне Чербай Красночетайского района Чувашской АССР в чувашской крестьянской семье¹⁸⁶.

В 1990-е годы Удмуртия институционально представляла собой парламентскую систему. При отсутствии должности Главы Удмуртской Республики, две должности (Председатель Парламента и глава Правительства) были самыми важными. Русский А. Волков был председателем регионального парламента, в то время как удмурт П. Вершинин возглавлял Правительство.

Табл. 10. Национальный состав депутатов Государственного Собрания Республики Мордовия I, II, III созыва

	1 СОЗЫВ	2 СОЗЫВ	3 СОЗЫВ
русские	36	39	32
мордва	30	29	11
татары	6	5	4
Другие (украинцы, чувашаи, башкиры)	4	2	2
Не указано	0	0	1

В 2000 году, когда была введена должность Главы Республики, они оба стали участниками избирательной кампании за этот пост¹⁸⁷. Эксперты отмечают, что в избирательную кампанию активно был включен этнический фактор — формула голосования: «русский (А. Волков) — либо удмурт (П. Вершинин)». В результате Волков выиграл и предоставил пост председателя парламента удмуртам. С 2017 года Главой Удмуртской Республики является русский Александр Бречалов. Во время инаугурации 18 сентября 2017 года он принял присягу на удмуртском языке: «*Но я искренне учу язык и проникся ..., я могу сказать, что и стихи уже начинаю понемногу читать*»¹⁸⁸.

В республике Башкортостан башкиры стабильно занимают должность главы республики, а русские — пост председателя парламента. Данные по представительству этнических групп в 1990-е годы фиксировали рост представителей титульной группы — башкир среди представителей исполнительной власти и депутатов Парламента. Исследователи на этой основе делали выводы о процессе этатизации элиты¹⁸⁹.

Указанный тренд на доминирование башкир в представительном органе сменился паритетом: в Государственном Собрании — Курултае Республики Башкортостан пятого созыва

три доминирующие этнические группы (башкиры, татары, русские) были представлены практически поровну (Табл. 11). На страницах депутатов Государственного Собрания – Курултай Республики Башкортостан шестого созыва данные по национальности отсутствуют.

Табл. 11. Данные о национальном составе Государственного Собрания – Курултай Республики Башкортостан пятого созыва (на 01.05.2017)¹⁹⁰

Национальность	Количество
Башкиры	33
Татары	32
Русские	28
Мордва	2
Украинцы	1
Чуваши	1
Лезгины	1
Не указано	12
Итого	110

По оценкам экспертов, в общественном мнении башкирского населения силен стереотип о том, что Главой Республики должен быть башкир. Действующий глава Радий Хабиров позиционирует себя как «башкир»: *«Радий Хабиров – выходец из республики (из деревни Сайраново Ишимбайского района). По национальности он этнический башкир из рода Юрматы, что немаловажно для его признания региональной элитой и легитимности среди коренного населения Башкирии»*¹⁹¹.

С целью консолидации и возрождения башкирской нации в Башкортостане с 1995 года существует Всемирный курултай (конгресс) башкир. На сайте организации констатируется, что она является самой большой башкирской общественной организацией, активно содействующей культурно-национальной

консолидации башкирского народа, претворению в жизнь конституционных прав башкирского народа по сохранению и развитию башкирского языка, возрождению национальной культуры, традиций, реализации и защиты политических, экономических, социальных, культурных, экологических прав и свобод башкир, проживающих не только в Республике Башкортостан, но и в регионах Российской Федерации и странах зарубежья¹⁹².

Республика Татарстан относится к числу регионов, где руководители Республики — представители титульной этнической группы. Должность Председателя Парламента тоже занимает представитель титульной группы. Русские являются депутатами регионального парламента. Однако в целом в Парламенте доминируют представители татарского населения¹⁹³.

Интересный факт, репрезентирующий значение этничности в региональной политике Республики Татарстан, — с апреля 2017 года впервые представитель русских занял пост Премьер-министра Республики. В СМИ назначение А. В. Песошина освещалась как «необычное»: *«Назначение первого вице-преьера правительства РТ Алексея Песошина главой Кабмина республики открывает новую страницу в истории Татарстана: до этого русских на такой должности не было, — ни в Казанском ханстве, ни в советские, ни в постсоветские времена», «назначение премьер-министром русского Песошина — событие исторического значения»¹⁹⁴; «Глава Республики решил вспомнить о необходимости соблюдения этнического баланса»¹⁹⁵.*

Марий Эл относится к регионам, где этнический фактор не столь сильно значим в региональной политике. Выборы 1996 года продемонстрировали конфликт на этнической основе. Его причиной стало требование ко всем кандидатам в президенты Марий Эл знать марийский язык (Конституция РМЭ, ст. 15: «Государственными языками РМЭ являются марийский (горный, луговой) и русский языки» (ст. 76, ч. 2: «Президентом республики может быть избран гражданин РМЭ не моложе 35 и не старше 60 лет, обладающий избирательным

правом, владеющий государственными языками РМЭ»). Как отмечают эксперты, этот конфликт буквально «всколыхнул Марий Эл». В. Кислицын, кандидат в президенты, заявил о том, что не приемлет вмешательство в частную жизнь и считает оскорбительным проходить проверку на знание языка. На экзаменации Центризбиркома он намерен разговаривать на русском и английском языках. Снимать свою кандидатуру в президенты он не собирается. Леонид Маркелов, лидер МО ЛДПР и депутат Госдумы РФ (русский, 33 года), собирающий подписи для регистрации кандидатом в президенты РМЭ, инициировал запрос Думы в Конституционный суд РФ на предмет определения правомерности возрастных и языковых ограничений для президента РМЭ. Эмоциональный обмен протестами и обращениями прекратился лишь в конце октября 1996 г., когда Центризбирком РМЭ все же зарегистрировал кандидатом в президенты РМЭ В. Кислицына, не требуя сдачи экзамена по языкам¹⁹⁶. В итоге, как известно, он и стал Президентом.

Эксперты подчеркивают, что этническая принадлежность Главы Республики не является важным фактором для жителей Республики Марий Эл¹⁹⁷. Однако активные лидеры марийцев довольно часто выступают с публичными выступлениями о недопредставленности «титульной» группы на высших политических должностях¹⁹⁸.

Национальный состав высшего законодательного органа республики Верховного Совета Марийской АССР сохранял паритет в представительстве русских и марийцев. Так, например, по итогам первых выборов 1938 года состоял наполовину из русских (45%) и мари (43%), остальные представляли другие национальности, проживавшие в республике. В Верховном Совете, избранном в 1947 году, уже преобладали представители коренной национальности, на долю которых приходилось 47 депутатских мест, русское население было представлено 36 депутатами¹⁹⁹. В настоящее время представительство титульной группы в Государственном Собрании заметно меньше представительства русских (Табл. 12).

Табл. 12. Сведения о национальности депутатов Государственного Собрания Республики Марий Эл по созывам на момент избрания²⁰⁰

Сведения о депутатах / созыв	I	II	III	IV	V	VI	VII
Всего избрано депутатов	30	67	67	52	52	52	52
мари	13	17	18	11	15	11	14
русский	14	39	41	31	29	33	32
татарин	2	4	5	4	1	4	4
чуваш	—	2	3	3	5	3	—
другой национальности	1	5	-	3	2	1	2

В Республике Карелия этничность не актуализирована и не находится на политической повестке дня. Интересно, что экс Глава Республики Карелия Александр Петрович Худилайнен (24 мая 2012–15 февраля 2017) является по национальности финном-ингерманландцем и владеет финским языком²⁰¹. Действующий глава А. О. Парфенчиков активно позиционирует карельскую специфику²⁰². Многие эксперты отмечают, что как национальная автономия Республика Карелия на сегодняшний день представляет собой искусственное образование и фиксируют угасание финно-угорского компонента, который сохраняется лишь на внешнем уровне позиционирования. Высказываются точка зрения, что из-за незначительного состава титульного этноса в составе населения есть опасение, что Республика в будущем станет просто «территорией» (субъектом без статуса республики), но не «автономией народа»²⁰³.

Глава IV

Символическая институционализация этничности в политике идентичности республик РФ

Существуют разные подходы к определению сущности этнической символики. С точки зрения, например, Э. Смита, символы рассматриваются как ядро культуры народа, позволяют сохранять и передавать особость поколениям. Э. Хобсбаум рассматривает символику через понятие «изобретенная традиция». Под ней он понимает «совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение»²⁰⁴. Среди символов национальной идентичности наибольшее значение отводится трем, это — государственный флаг, гимн и герб.

Этнический компонент включается в символические атрибуты региона через их фиксацию в региональных гербах, флагах и гимнах. Тем самым этничность объективируется в визуальных метках особости, проявляясь материально. Ключевыми проявлениями этнического компонента в региональной символике являются несколько закономерностей.

Язык титульной группы находит проявление в региональных символах через написание названий республики или ее девиза на языке титульной группы наряду с русским (по-башкирски «Башкортостан», по-удмуртски «Удмурт Республика», «Адыгэ Республик» на адыгейском языке и т.д.). В нормативных документах, посвященных символам, как правило, регулируется

и языковой компонент. Например, в законе «О государственных символах Республики Адыгея» читаем: «Государственный герб Республики Адыгея представляет собой круг, сверху обрамленный лентой с надписью «Республика Адыгея» на русском и адыгейском языках. В середине ленты — большая звезда, с боковых сторон — листья дуба, клена, золотые колосья пшеницы, початки кукурузы. Круг замыкается аббревиатурой слов «Российская Федерация» — буквами «РФ», над которыми изображен национальный стол — анэ — с хлебом и солью. В середине круга — главный герой нартского эпоса Саусрыко на огненном летящем коне»²⁰⁵.

Кроме того, как видно из цитаты выше, в символике присутствуют атрибуты исторической идентичности или этнические маркеры, отражающие традиционные орнаменты, героев, виды традиционной деятельности и пр. На государственном гербе Республики Бурятия, например, представлены цвета национального флага (сине-бело-желтый цвета). В верхней части круга изображено золотое соёмбо — традиционный символ вечной жизни (солнце, луна, очаг). Нижнюю часть круга обрамляет голубая лента «хадак» — символ гостеприимства народа Бурятии, центральная часть которой является основанием герба²⁰⁶. В описании символики Республики Алтай придается значение единству народов: «Голубые полосы являются символом чистоты, неба, гор, рек и озёр Алтая. Белые полосы олицетворяют вечность, стремление к возрождению, любви и согласию народов Республики Алтай»²⁰⁷.

Присутствие этнокомпонента связано также с цветовым решением герба или флага. В республиках Северного Кавказа традиционно присутствует зеленый цвет. Например, в законе о флаге Дагестана сообщается: «Зеленый олицетворяет жизнь, изобилие дагестанской земли и одновременно выступает как традиционный цвет ислама (верующие дагестанцы — мусульмане-сунниты). Голубой (синий) — цвет моря (восточную часть республики омывает Каспийское море),

символизирует красоту и величие дагестанского народа. Красный — означает демократию, просветительскую силу человеческого разума в процессе созидания жизни, мужество и храбрость населения Страны гор (Дагестана)»²⁰⁸.

Гимн республики может исполняться на языке титульной группы или иметь многоязычную вариацию. К примеру, гимн Республики Тува «Мен — тыва мен» («Я — тувинец»), принятый в 2011 году, отражает особенности регионального характера. Вот его первый куплет: «Одолев перевал священный, Поднялся я, тувинец, Обрел из жизни кочевой лучшую долю я, тувинец. Я — тувинец, Сын гор с вечными снегами, Я — тувинка, Дочь страны серебряных рек...». Здесь в песенной форме можно видеть, что «тувинцы воспринимают Туву как центр мироздания, как большой отдельный мир, как целую планету»²⁰⁹. Гимн республики исполняется на тувинском²¹⁰. Государственный гимн Республики Алтай также может исполняться на алтайском и русском языках²¹¹. Только закон республики Дагестан не оговаривает языковой момент, а сам гимн размещен на русском языке²¹².

Символика часто связывается с культурными героями территории. К примеру, герб Республики Башкортостан представляет собой изображение памятника Салавату Юлаеву «на фоне восходящего Солнца и его лучей, вписанное в круг, обрамленный национальным орнаментом». Ниже изображен символ, означающий мужество народов — соцветие курая²¹³. Региональная символическая политика связана с почитанием «народных героев», представителей титульной группы.

Название республики при этом является основополагающим знаком, выделяющим группу среди прочих, отвечая на вопрос «кто есть мы?». Стратегией закрепления этнического в идентификации регионов стало требование включения в название автономии этнонима или самоназвания народа. Наличие этнонима в наименовании республики присутствует во всех случаях. Исключение составляет Дагестан, где «титульными» являются несколько этнических групп.

Кроме того, довольно часто в названии субъекта отражается специфика языка титульной этнической группы. Так, для многих российских автономий характерно нормативное закрепление двойных названий (Марийская Республика — Марий Эл, Северная Осетия — Алания, Чеченская Республика — Нохчийн Республика).

Наделение объектов инфраструктуры (коммерческих и социальных предприятий, например, магазинов, ресторанов и пр.) наименованиями (нейминг как инструмент), связанными с той или иной местной, региональной, этнической, конфессиональной и т.д. спецификой позволяют судить о низовом уровне интереса местных жителей к территориальной идентификации, а, значит, могут рассматриваться в качестве маркера интенсивности и стратегической нацеленности в идентификации тех или иных территориальных образований со стороны местных властей и сообщества в целом.

Таким образом, указанный инструмент (наделение именем или нейминг), является важным способом конструирования и поддержания идентичности. В имени (топониме или ониме) находит отражение идентичность сообщества (национальная, этническая, территориальная и пр.), поэтому вопросы переименования всегда вызывают бурные обсуждения и часто приводят к конфликтам.

В исследовательской литературе подчеркивается связь переименования с политическими практиками. Дерек Алдерман отмечает, что нейминг — это мощный инструмент для продвижения идентификации с прошлым и нахождения себя в более широких сетях памяти²¹⁴. Кроме того, наименования объектов также как и названия улиц обеспечивают пересечение идеологических структур с пространственными практиками повседневной жизни²¹⁵.

Имея дело с присвоением какому-либо объекту имя культурного героя, региональное сообщество рефлексировало по поводу достижений этого человека и соотносит себя с ценностными

характеристиками, которое транслирует это имя. Названия этнических групп — этнонимов (русские, татары, башкиры, якуты, чеченцы и пр.) как совокупности людей, ощущающих себя как сообщество, являются ключевыми атрибутами, на основе которых выстраивается этнический дискурс в рамках этих практик.

Л. И. Шерстова, исследуя особенности появления Хакассии в качестве самостоятельного субъекта, отмечает, что в 1923 году в бывшей Енисейской губернии был создан особый уезд, ставший позднее основой автономной области, а затем — республики. В нем по преимуществу было сосредоточено аборигенное население. В постановлении губернской комиссии по этому поводу указывалось: «Выделенному уезду присвоить название «Хакасский» по древнему названию народности, ныне его населяющей»²¹⁶. Решение комиссии базировалось на мнении национальной интеллигенции, поскольку слово «хакас», «хягас» было одной из неточных огласовок древнекитайского наименования енисейских кыргызов. Исследователь подчеркивает именно искусственный характер «внедрения» этнонима «хакас», который должен был стать «понятным и идейным лозунгом для культурно-национального возрождения». Поиск корней, этногенеза продолжается в среде хакасов, которые относятся к тюркоязычному народу.

Стремление закрепить за собой монопольное право на использование этнонима в названии региона провоцирует символическую борьбу. В ситуациях, когда два и более субъекта высказывают претензии на право назваться одним именем, неизбежно возникают конфликты. В. А. Шнирельман в главе «Быть аланами», рассматривая историю о самоназвании Северной Осетии и его пересмотре, отмечает, что дискуссия в среде интеллектуалов и конкуренция с соседями актуализировались в 1994 году в ходе обсуждения проекта ее новой конституции. В итоге в ноябре 1994 года к названию республики было официально добавлено слово «Алания», что наделило «древней

государственной традицией и позволило претендовать на обширные земли, включая Пригородный район»²¹⁷. Атрибуты аланской истории тогда же были закреплены в символике: на гербе Северной Осетии можно видеть аланского золотого барса на фоне серебряных гор.

Однако это не мешает соседним субъектам Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, а также Южной Осетии предъявлять претензии на имя «Алания». Так, 9 апреля 2017 года, одновременно с президентскими выборами, Южная Осетия провела референдум по вопросу переименования республики в Государство Алания. Вопрос, вынесенный на голосование, был сформулирован так: «Согласны ли Вы с внесением изменения в часть 1 статьи 1 Конституции Республики Южная Осетия, изложив ее в следующей редакции: «1. Республика Южная Осетия — Государство Алания — суверенное демократическое правовое государство, созданное в результате самоопределения народа Республики Южная Осетия. Названия Республики Южная Осетия и Государство Алания равнозначны?»». По данным ЦИК республики за переименование проголосовали 80% избирателей²¹⁸. Практически параллельно этому в марте 2017 года на сайте «Change.org» была опубликована петиция «Съезду ингушского народа. Аланам: чеченцам, ингушам, карачаевцам, балкарцам» с требованием «переименовать нынешнюю Республику Ингушетия в Республику Алания». В ответ на публикацию петиции во Владикавказе прошел митинг против того, чтобы Аланией называлась Ингушетия.

В качестве примера влияния этнического фактора можно привести кампанию против проведения референдума по объединению с Краснодарским краем, ставшую центральной темой выборов 2006 года. Активно за референдум и против этнизации республиканской элиты выступали Российская объединенная промышленная партия (в нее вступили лидеры Союза славян Адыгеи) и ЛДПР. Республиканское отделение КПРФ в ходе кампании заявило о том, что оно выступает «за всестороннюю

интеграцию Республики Адыгея для развития территориально и экономически целостного региона». В ответ на агитацию за референдум организации «Черкесский конгресс», «Адыгэ Хасэ», а также ряд зарубежных общественных национальных организаций адыгов потребовали прекратить обсуждение вопроса о возможном объединении Адыгеи и Краснодарского края, угрожая в ответ инициировать вопрос о создании единого черкесского субъекта РФ²¹⁹.

В ряде случаев нормативно могут быть закреплены особые национальные традиции в виде символов республик. К примеру, в 2015 году был принят закон «О национальных видах спорта Республики Саха (Якутия)», который стал первым в Российской Федерации. «Национальные виды спорта Республики Саха (Якутия) – виды спорта, исторически сложившиеся на территории Республики Саха (Якутия) в этнических группах населения, имеющие социально-культурную направленность и развивающиеся на всей территории Российской Федерации²²⁰. К таковым, например, относятся национальные прыжки кылыы, ыстанга и кубогах.

Значительный интерес представляет анализ инструментов политики идентичности, с помощью которых создаются символические маркеры и конструируются культурные границы. Инструмент символического конкурса занимает важное место в этих практиках. При выборе символов и брендов региона, имен значимых культурных героев, при подборе кандидатур для переименования (например, аэропорта) или изображения на значимой визитной карточке (например, новой денежной банкноте) зачастую используются не только природно-географические, но и этнические особенности, которые призваны зафиксировать территориальную специфику. Однако, поскольку эти особенности формируют не только территориальные, но и этнические границы, то провоцируют сильнейшую рефлекссию и дискуссию в сообществах о том, кто есть «мы». Поле символических конкурсов поэтому – важный

источник фиксации значимости этнического маркера и в дискурсах регионов. Речь здесь может идти не только о выборе «материализованных символов», но и о конкурсах, приобретающих ритуальные аспекты. К таковым, можно отнести, например, этнические конкурсы красоты, проводящиеся во многих республиках РФ («Краса народов», «Королева России», «Этно-Красавица» и др.).

В последние несколько лет в России были предприняты попытки конструирования и структурирования общенациональной идентичности (проекты «Имя России», «Россия 10», «Аллея России» и др.). В этом же ряду стоит и еще один проект, который был реализован в конце 2018 года — конкурс «Великие имена России», инициированный Обществом русской словесности, Русским географическим обществом, Российским историческим обществом и Российским военно-историческим обществом²²¹. Выбор имен для аэропортов рассматривался региональными сообществами как знаковый в силу символической роли места — «ворота», «лицо» города. Согласно Положению о конкурсе²²², в качестве имен-претендентов для присвоения аэропортам могли быть предложены имена выдающихся соотечественников, внесших значимый «вклад в развитие и становление России, в том числе получивших мировое признание».

Конкурс «Великие имена России» проходил в восьми городах (Горно-Алтайск, Казань, Набережные Челны / Нижнекамск, Симферополь, Сыктывкар, Чебоксары, Уфа, Якутск) семи республик РФ (Чувашия, Татарстан, Якутия, Алтай, Башкортостан, Коми, Крым). Анализ презентационных материалов — визитных карточек героев на сайте конкурса — показывает, что маркеры «русский», «якутский», «татарский» и пр. являлись важным основанием идентификации героя. Этот вывод справедлив в отношении всех победителей за исключением Николая Лемаева, где на первый план выходили экономические смыслы презентации героя (вклад в развитие города

и основание предприятия и пр.) и космонавта Андрияна Николаева (Чебоксары)²²³.

Примером апелляции к этничности кандидата может служить случай продвижения кандидатуры Григория Чорос-Гуркина в Республике Алтай. На официальной странице Вконтакте написано: «Григорий Иванович Чорос-Гуркин — российский и советский художник. По происхождению — телеут и представитель рода чорос»²²⁴. Указанная аргументация усиливалась фактом соперничества по линии «свой-чужой».

Победу в голосовании одержал художник Николай Рерих с небольшим перевесом (всего 1046 голосов), что вызвало в республике волну недовольства и призывы к митингам²²⁵. Учредители фонда общественной премии имени Григория Чорос-Гуркина обратились к организаторам с просьбой учесть позицию местных жителей и присвоить аэропорту имя художника Григория Чорос-Гуркина, поскольку «победа Рериха воспринимается как несправедливость к одному из символов Республики Алтай». На местных форумах обсуждалась несправедливость итогов: *«Республика Алтай — малочисленный регион, мы не можем противостоять огромной и хорошо организованной армии поклонников Н. Рериха!.. Мы, жители Горного Алтая (независимо от национальности!), бесконечно благодарны нашему великому земляку Чорос-Гуркину за его неизмеримый вклад в развитие культуры и становление нашего региона! Напомним, существенным критерием в отборе имен является связь предлагаемого имени с регионом, его вклад в развитие этого региона. Этому критерию отвечает... только Г. И. Чорос-Гуркин!»*²²⁶.

Как результат, Общественной палатой РФ было принято решение вывести из проекта «Великие имена России» аэропорт Горно-Алтайска, поскольку «данная ситуация идет вразрез с идеологией конкурса — сохранением исторической памяти и объединением жителей региона вокруг имен выдающихся соотечественников»²²⁷.

Другой случай — история с переименованием аэропорта Уфы, где нашли проявление и актуализация этнического дискурса, который оказался связан с выявлением национальной принадлежности («кто татарин, а кто башкир?») главных кандидатов на победу. На странице «Татары между прошлым и будущим» итоги голосования комментировались под заголовком «За новое имя аэропорта Уфы победил татарин Мустай Карим, Татарин Муса Гареев на втором месте». В ней приводились факты, что Мустай Карим — татарин²²⁸. Со своей стороны башкирские активисты отстаивали иную точку зрения. Вконтакте в группе Башкирской общественной организация «Башкорт» развернулась дискуссия на тему этнической принадлежности Мусы Гареева. Большинство участников в ответ на пост («Зачем Аэропорт называть в честь Мустая Карима алло? Во-первых он татар, во-вторых в честь него и так много чего назвали»), доказывали, что Гареев — башкир («с какого перепугу он татар?»)²²⁹. В качестве доказательств использовались данные «Википедии», где на странице о Гарееве написано, что он по национальности — башкир. Кроме того, были опубликованы фотографии наградных листов Мусы Гареева по случаю присуждению звания Герой Советского Союза и медали «Золота звезда», в которых в пункте 5 «национальность» значится, что он башкир. Еще один факт был приведен со ссылкой на самого Мусу Гареева, а именно на его мемуары. В десятой главе книги «Штурмовики идут на цель» он описывает свою встречу с Амет-Хан Султаном и, знакомясь с ним, говорит, что он «башкир»²³⁰. Приведенных фактов, по мнению участников, явно достаточно, чтобы защитить этничность своего героя.

В Крыму голосование за переименование симферопольского аэропорта вызвало крупный общественный интерес, что подтверждает большое число принявших участие в голосовании (277 170 чел.). Этнический компонент проявился при продвижении исторической памяти крымско-татарского населения и вышел в общественно-политическом дискурсе за

границы региона. Во-первых, это можно было наблюдать при лоббировании фигуры крымско-татарского интеллектуала, «просветителя и поэта» Исмаила Гаспринского, который получил признание среди всего мусульманского мира, был «приверженцем прогресса, дружбы славянских и тюркских народов, межконфессиональной терпимости»²³¹.

Во-вторых, в качестве кандидата в списке значился дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан. Однако в 1996 году аэропорт в Махачкале уже был назван его именем, поэтому по положению конкурса должен был быть «дисквалифицирован». Тем не менее, сам факт внесения его фамилии в лист «обрадовал крымских татар»²³². Глава крымско-татарской национально-культурной автономии Эйваз Умеров, продвигавший имя Амет-Хан Султана, отмечал, что в России уже есть два аэропорта, которые носят имя Юрия Гагарина (Оренбурга и Саратова)²³³. Именно имя великого летчика уже давно лоббируют крымские татары в качестве имени для аэропорта Симферополя. По мнению директора Крымского института стратегических исследований Рината Шаймарданова, это была принципиальная позиция добиться присвоению Симферополя имени Амет-Хана Султана, но этничность сдерживает этот процесс: «Будь дважды Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель Амет-Хан Султан представителем одной из признанных в СССР «титолованных» наций — его имя давно и безоговорочно было бы увековечено в названии симферопольского аэропорта. Присвоение главным воздушным воротам Крыма имени Амет-Хана Султана разрушит главный миф крымской истории — миф о «массовом коллаборационизме» крымских татар в годы Великой Отечественной войны»²³⁴. Звучали призывы о том, чтобы обратиться к Президенту России и к организаторам конкурса «Великие имена России» и вывести аэропорт Симферополя из списков конкурса в пользу Амет-Хана Султана.

Ни Гаспринский, ни Амет-Хан Султан в итоговый шорт-лист для голосования не попали. Выбор имени аэропорт шел среди

следующих претендентов: Иван Айвазовский, Екатерина II Великая и Павел Нахимов. При этом в продвижении фигуры художника были задействованы многие известные крымчане. Глава республики Сергей Аксёнов, в частности, отдал свой голос Ивану Айвазовскому: «Айвазовский показывал всему миру картины, где главным героем всегда оставался родной край. Поэтому главные воздушные ворота Крыма, как мне кажется, должны носить имя этого выдающегося человека. К тому же сама архитектура симферопольского аэропорта с фасадом в виде волны созвучна творчеству нашего земляка»²³⁵. 22 ноября 2018 года в аэропорту «Симферополь» прошел флешмоб в поддержку имени великого художника Ивана Айвазовского²³⁶. Поэтому его закономерная победа (54%) никого не удивила.

Многие эксперты указывали на внешние имиджевые преимущества этой победы: «Аэропорт, который представляет собой аллегорию волны, будет правильно связать с именем Айвазовского. Айвазовский — это такая квинтэссенция образа этого аэропорта и крымского образа»²³⁷. Кроме того, Глава Республики Крым Сергей Аксёнов сообщил, что принято решение о создании попечительского совета галереи имени Айвазовского: «Министр культуры России Владимир Мединский и я будем сопредседателями совета. Активное участие в его деятельности также примут министр культуры Крыма, меценаты, деятели культуры, искусства и науки»²³⁸.

Еще одно важное измерение символической институционализации этничности — территориальный брендинг, который относится к так называемой «новой геральдике» и приобретает большую популярность в практической политике в связи с возможностями позиционирования уникальности территории, получения социально-экономических эффектов.

Бренд — термин в маркетинге, символизирующий комплекс информации о компании, продукте или услуге; популярная, узнаваемая и юридически защищённая символика какого-либо производителя или продукта. Специалист по

брендингу территорий А. Стась также указывает на взаимодействие большого количества целевых аудиторий, являющихся носителями и потребителями регионального бренда. В качестве последних выступают: жители региона, туристы, внешние инвесторы, СМИ, другие регионы (соседи), власть более высокого уровня, лидеры мнений (политика, культура, спорт), торговые партнеры. При этом наиболее важными являются аудитории, обеспечивающие поступление денежных средств в регион: инвесторы, туристы, внешние покупатели, население²³⁹. Можно выделить следующие бренды развития территорий: брендинг места происхождения товаров и услуг; брендинг туристического направления; брендинг инвестиционной привлекательности; брендинг места жительства.

Брендинг в настоящей работе понимается как процесс разработки и продвижения регионального бренда, который, в свою очередь, рассматривается как отражение идентичности места в его имидже. Речь идет не столько о визуальном наполнении (логотипе-бренде), сколько о философии и идее, сплачивающих сообщества и определяющих его идентичность. Таким образом, в брендинге укореняется региональная идентичность. Обращение к опыту брендинга, ко всему прочему, позволяет выявить, насколько значим этнический компонент в осмыслении региональной особенности. Поскольку он предполагает выбор и закрепление определенных черт исключительности региона, он может показывать степень общественного консенсуса по поводу данного смысла уникальности.

Важное направление — брендинг места происхождения товаров и услуг (производственный брендинг), при котором существенным становится идентификация товара как произведенного в республике. В эту группу попадают конкурсы и проекты логотипов и маркировок по принципу «сделано в...», «произведено в...».

К примеру, с 2011 года в Саранске велась работа по созданию единого бренда для продвижения продукции республики,

а в 2013 году был проведен республиканский творческий конкурс «Лучший бренд Республики Мордовия»²⁴⁰. Участие в конкурсе приняли несколько известных в республике предприятий. Ими было представлено около 100 эскизов бренда. После подведения предварительных итогов были выбраны лучшие эскизы. Анализ претендентов показывает, что в подавляющем большинстве эскизов использовались элементы мордовской символики: национальный соляренный знак, который содержится на флаге и гербе республики. В итоге правительство республики утвердило эмблему товарного бренда региона. В его основе был закреплен национальный соляренный знак — восьмиконечная розетка или «мордовская звездочка» и надпись «Товары Мордовии»²⁴¹. Как отмечается в презентационных материалах, графический знак «Бренд Республики Мордовии» создан для «продвижения продукции Мордовии на российском рынке и его обладателями уже стали многие предприятия республики. Использование знака способствует продажам продукции и узнаваемости Республики Мордовия в регионах России и за рубежом»²⁴². Решение о праве использования графического знака принимается Межведомственной комиссией по присвоению графического знака «Бренд Республики Мордовия». В разные годы свидетельства на право получали Саранский приборостроительный завод, ООО «Саранский завод лицевого кирпича», Федеральное казенное предприятие «Саранский Механический завод» и др.

В Туве Торгово-Промышленная палата республики при поддержке Фонда Предпринимательства Тувы регулярно проводит онлайн-конкурс на лучшего местного товаропроизводителя «Сделано в Туве»²⁴³. Главная задача проекта — продвижение продукции местных товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынке. В положении отмечено, что цель конкурса «Сделано в Туве» — поддержка местных товаропроизводителей, продвижение их продукции как на региональном, так на российских рынках («конструктивный патриотизм: приоритет

продукции из местного сырья, максимальная локализация производства»). Знак «Сделано в Туве» прошел отбор на специально организованном для этого конкурсе, в котором участвовали 10 конкурсантов, представившие более 50-ти работ. Знак представляет собой стилизованное изображение в виде пятиугольника с разомкнутыми гранями, которое, по замыслу автора, объединяет традиционный знак качества и пятилистник герба Республики Тува. Внутри расположен круг с надписями: «Сделано в Туве» и «Made in Tuva». Плетение внутри круга символизирует надежность, качество, сплоченность. Общий замысел знака — традиционные ремесла в технологичной оболочке²⁴⁴.

Аналогичные проекты осуществляются и в других республиках. Так, конкурс «Сделано в Бурятии» проходит с 2014 года. Цель проекта — информирование населения о качественных товарах местного производства, повышение престижа республиканских производителей, выпускающих высококачественную и конкурентоспособную продукцию, продвижение положительного имиджа Республики Бурятия и повышение конкурентоспособности товаров местного производства на республиканском рынке, популяризация товаров местного производства среди населения Бурятии и повышение узнаваемости у населения продукции местных товаропроизводителей²⁴⁵. Логотип проекта также основан на символическом капитале региона, в котором присутствуют природа и традиции жителей.

Помимо подобных конкурсов и разработки логотипов для них, производственный брендинг может проявляться через фиксацию брендов-ресурсов региона: «... нефть мощнейшего нефтехимического комплекса Башкортостана, который действительно является брендом республики»; «Башкирская нефтянка — это бренд республики. Достижения отрасли подробно описали и оформили в капсулу времени. В честь 85-летия ее заложили рядом с вышкой-бабушкой, чтобы через 15 лет, уже на столетний юбилей, капсулу открыли будущие нефтяники Башкортостана».

Местная кухня и производство товаров питания также важнейший маркер, формирующий конкурентное преимущество территории, один из ключевых компонентов образа территории²⁴⁶. В качестве отдельного направления можно выделить гастрономический брендинг. В Бурятии активно разрабатывается направление гастрономического туризма: гостям республики предлагается продегустировать блюда бурятской традиционной кухни, такие как буузы, бухлер из боргойской баранины, суп с домашней лапшой, пельмени по-баргузински, саламат, бообо, зеленый кирпичный чай с молоком²⁴⁷.

В Башкирии подчеркивается, что кумыс и мед — основные бренды республики. Осетинские пироги «представляют собой вкуснейшее блюдо, неизменно покоряющее всех без исключения, являющееся по праву национальным брендом республики, наряду с осетинским сыром и домашним пивом»²⁴⁸. Горный мед считается брендом республики Алтай. В Адыгее место бренда занял адыгейский сыр: «В этом ряду адыгейский сыр занимает особое место, он давно стал настоящим брендом республики. Поэтому все, кто приезжает в Адыгею, стремятся отведать его и узнать настоящий вкус адыгейского сыра»²⁴⁹. В регионе действуют восемь крупных сыроваренных цехов и более 20 индивидуальных предпринимателей занимаются производством этого продукта. Ежегодно в Адыгее делают свыше восьми тысяч тонн фирменного сыра республики, который поставляется во все крупнейшие города России²⁵⁰. В Карелии как бренд традиционный пирожок из ржаного теста — карельская калитка: «Кухня, вот те же калитки. Калитки делают карелы, калитки делают финны, калитки делают вепсы, калитки делают русские. У всех свои нюансы. Но всё равно это вот такой северный пирожок что называется свой специфический. Я понимаю, что он в Архангельске есть, да, и в Вологде есть и в Мурманске естественно. Теперь он разошёлся везде, и за границей он есть, в Финляндии и т.д. Вот такая специфика нашей республики»²⁵¹. Этот перечень можно продолжать и дальше.

Национальный конкурс продуктов питания 2020 года «Вкусы России» подвел итоги и объявил победителей. Организатором конкурса выступил Минсельхоз России, а принять участие могли все желающие региональные бренды, лучших выбирали россияне. В конкурсе приняли участие 508 региональных брендов из 79 регионов. Голосование проходило на официальном сайте конкурса в течение 12 дней, за это время было отдано чуть более миллиона голосов. Среди победителей республик: адыгейский сыр, алтайский и башкирский мед, казанский чак-чак, бурятские бузы, дагестанская баранина, тувинская баранина, татарский вяленый гусь, карельская форель, крымское вино, осетинские пироги²⁵². Большинство из них связаны с традиционной кухней народов этих регионов.

Причем бренд может быть запатентованным, как это, например, произошло в Республике Алтай: отобранный в рамках конкурсных процедур в 2009 году бренд «Горный Алтай» официально запатентован Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам. Он представляет баланс этнического и территориального в смысловом наполнении: знак отображает традиционную форму жилищ древних алтайцев — аил с распахнутым входом, что символизирует гостеприимство народов Горного Алтая, горный рельеф и самую высокую гору Сибири — Белуху. Соотношение белой и голубой полос на товарном знаке соответствует цветам флага Республики Алтай. Голубая полоса означает бесконечность Вселенной, мир, благополучие, чистое небо, горы, реки и озера республики. Белая полоса олицетворяет вечность, стремление к возрождению, любви, согласию народов Горного Алтая»²⁵³.

Соотнося связь этнического и территориального оснований в региональной идентичности Республики Алтай можно говорить о том, что для этого региону присуща «гражданско-территориальная идентичность», которая включает этнические маркеры. Для выделенной модели характерным оказывается то, что территориальная идентичность здесь не связывается

напрямую с этнической, а используется для целей сплочения сообщества и через территориальность происходит интегрирование разнообразных этнических групп в единый регион — сообщество, акцентирует гражданский характер территориального сообщества. Особое значение здесь придается формированию общей, надэтнической региональной идентичности — алтайской. В Республике Алтай этничность осмысляется региональным сообществом в привязке к природно-географическим основаниям идентичности, формируя понятие «Горный Алтай».

Аналогичные поиски брендов осуществляются в большинстве регионов, в т.ч. в республиках. В Татарстане на сегодняшний день в официальном дискурсе выстраивается мифология о татарстанцах как мультиэтническом сообществе. Здесь показательной будет история создания регионального бренда Татарстана в 2014 году. Разработанный по заказу республиканских властей бренд «Наследие Татарстана» был основан на историко-культурном наследии республики, важной составляющей которого, по мнению разработчиков, являются 10 качеств, формирующих т.н. «татарстанский архетип»: скорость, выносливость, достоинство, пытливость, чутье, следование традициям, мастерство, единство, упорство и целеустремленность. Каждое из выделенных качеств визуально было представлено в виде элементов стиля нового бренда (скорость была символизирована, например, через изображение лошади, выносливость представляли борцы куреш. Цветовой основой визуального стиля бренда были выбраны оттенки красного цвета, которые отображали три культурные традиции, присущие Татарстану: ярко-красный — Славянская традиция, светло-красный — Монгольская традиция, темно-красный — Булгарская традиция. Переплетаясь вместе, они должны создавать «символичную цветовую систему, верную для всех татарстанцев вне зависимости от этнической и конфессиональной принадлежности». Идея, как видно, базировалась на территориальной основе — «татарстанскости», суть которого была сформулирована в «Концепции бренда» как «движение

вперед» или «(постоянное) совершенствование (мастерства)», «самореализация через неустанное совершенствование»²⁵⁴.

Таким образом, в Татарстане предприняли попытку культивирования «культурного кода территории» через мультикультуру и территориальность, оформляющую единую культурно-географическую общность: «Брендинг опирается не на татар, а на татарстанцев. Конечно, отсылка на этничность есть»²⁵⁵. Однако стоит отметить, что при постановке вопроса о том, кто такие татарстанцы, ответ неизбежно обнаруживал превалирующую роль титульной этничности в концепции бренда: татарское наследие, символы и бренда — это то, на основе чего интегрировались прочие особенности регионального сообщества. Отвечая на вопрос «с чем познакомите приезжих?», большинство экспертов отметили этническую специфику: «С татарской кухней. Чак-чак. Язык, культура, кухня, театр, спортивные команды. Чем мы отличаемся от других регионов? Конечно, этническим компонентом»²⁵⁶. В 2015–2016 годах был принят новый, в основном туристический, бренд «Татарстан — 1001 удовольствие», где делается акцент на комфортном проживании и пребывании в республике.

В Башкортостане в 2019 году был презентован туристский бренд-логотип TERRA BASHKIRIA и слоган «Душа Урала. Сердце Евразии». Оформление бренда представляет собой «переработку» башкирского орнамента, который играет яркими цветами на черном фоне, в контрастных сочетаниях. «В этих пикселях можно увидеть что угодно, главное — национальный колорит»²⁵⁷.

Перспективным направлением развития территориального брендинга является развитие сферы творческих индустрий: «Безусловно, символы «замыливаются», хочется инноваций, хотя некоторые считают, что это пустая трата денег. Но должны быть какие-то опоры, чтобы традиции передавались, стабилизировались в сознании. Среди молодежи есть запрос. Хотя, скорее, это касается не этнокультурного плана, а поддержки малых форм бизнеса, стартапов»²⁵⁸.

Глава V

Праздники в системе политики идентичности республик РФ: роль этнокомпонента

Праздничный дискурс отнесен к символическому уровню институционализации этничности и связан с конструированием единого сообщества за счет формирования чувства «мы»²⁵⁹, солидаризацией с праздничным событием как значимым для региона. Специалист в области исследования праздничного дискурса В. Н. Ефремова определяет праздник как «комплекс относительно стабильных и устойчивых во времени, постоянно воспроизводящихся дискурсивных практик и политических взаимодействий вокруг символического события или даты»²⁶⁰. Праздники, возведенные на уровне политики в статус официальных, являются инструментом работы с коллективной памятью. В этом смысле они репрезентируют важные, значимые события, поэтому обладают мобилизационным потенциалом и с учетом политической повестки способны трансформироваться и корректироваться на нормативном уровне. Таким образом, праздник связан с культурной памятью, следовательно, при праздновании вспоминаются определенные герои, события истории.

Немецкий историк Я. Ассман отмечает связь символической политики и идентичности, осуществляемую посредством праздника: «Праздники и обряды в регулярности своего повторения обеспечивают передачу и распространение знания, закрепляющего идентичность и тем самым воспроизведение культурной идентичности»²⁶¹. Значение праздничных дат велико в силу эмоционально-психологической составляющей, благодаря чему

становится возможным ощутить коллективность: «В празднике всегда заключено нечто возвышающее, что извлекает из обыденности тех, кто в нем участвует, и поднимает всех до некой всеохватывающей общности»²⁶².

Можно отметить обязательное наличие даты получения автономии в календаре важных дат сообщества (день республики). Этническая специфика акцентируется в законах, поздравительных дискурсах и речах по случаю этих дат. Этничность может закрепляться в праздничных датах республик на законодательном уровне, например, за счет закрепления статуса праздников, которые поддерживают традиции титульных народов. Рассмотрим подробнее разнообразие праздничных дат в республиках РФ.

Закон Республики Татарстан от 19 февраля 1992 г. N 1448-ХII «О праздничных днях и памятных датах Республики Татарстан» устанавливает следующие региональные праздники: 26 апреля — День родного языка, Русский народный праздник «Каравон», Татарский народный праздник «Сабантуй», Ураза-байрам, 30 августа — День Республики Татарстан, Курбан-байрам, 6 ноября — День Конституции Республики Татарстан. Особо стоит отметить доминирование в календаре национальных и конфессиональных праздников. К примеру, Законом от 14 октября 2010 г. № 74-ЗРТ «О внесении изменений в Закон Республики Татарстан «О праздничных и памятных днях Республики Татарстан»» была установлена памятная дата: День официального принятия Ислама Волжской Булгарией — 21 мая²⁶³. По подсчетам историков, именно 21 мая 922 года в Волжскую Булгарию, находившуюся на территории среднего Поволжья, прибыло арабское посольство для закрепления статуса исламской страны²⁶⁴.

Закон Республики Алтай от 24 апреля 2003 г. N 11–11 «О праздничных и памятных днях, юбилейных датах в Республике Алтай» определяет перечень региональных праздников. Среди них, помимо памятных дат (1 июня — День образования

Горно-Алтайской автономной области, 7 июня — День принятия Конституции Республики Алтай, 3 июля — День образования Республики Алтай, 11 октября — День памяти — Эземнин Кюни, 25 октября — День принятия Декларации о Государственном суверенитете Горно-Алтайской автономной Советской Социалистической Республики), отдельно прописаны народные праздники: Эл-Ойын (Всенародные игры — национальный алтайский спортивный праздник, с участием всех живущих Республике Алтай народов и фольклорных групп; Чага-Байрам (Чагаа — Байрам) — праздник Нового года; Тюрюк-Байрам — праздник кедра; Масленица — проводы зимы (по славянскому календарю); Наурыз — Новый год (по мусульманскому календарю); Родники Алтая — фестиваль русского народного творчества; Купальская ночь — фестиваль русского фольклорного творчества²⁶⁵.

Согласно Закону, из всех выше обозначенных лишь день проведения Чага-Байрам (Чагаа-Байрам, алтайский Национальный праздник (Алтайский Новый год)) является нерабочим праздничным днем. Он не имеет четкой даты, вычисляется по лунному календарю и выпадает на новолуние в конце февраля — начале марта. В этот день во всех муниципальных образованиях Республики Алтай проходят народные гулянья, праздничные концерты и спортивные состязания.

Закон Республики Бурятия от 23 декабря 2008 года «О праздничных днях в Республике Бурятия» устанавливает один праздник — Первый день Нового года по лунному календарю — праздник Белого месяца «Сагаалган» (дата устанавливается ежегодно)²⁶⁶. Указом Главы Республики Бурятия в 2017 году 27 февраля — первый день Нового года по лунному календарю, праздник Белого месяца «Сагаалган» — объявлен нерабочим праздничным днем на территории Республики Бурятия²⁶⁷. Согласно описанию, буддийский новый год Сагаалган — «праздник белой молочной пищи, почитания старших, обновления человека и природы, открытости и чистоты

помыслов, надежды и добрых ожиданий. В традиции тибетско-монгольского буддизма Сагаалган является первым из шести самых важных ежегодных праздников — хуралов»²⁶⁸.

Также в Бурятии отмечаются и другие праздники в соответствии с национальными и религиозными традициями народов, проживающих на территории республики: Сурхарбан — Праздник лета и Эрын Гурбаан Наадан (букв. Три игрища мужей).

Закон Республики Тува от 12 февраля 1999 года № 143 «О праздничных днях Республики Тува»²⁶⁹ устанавливает три группы праздников:

1. Государственные праздники Республики Тува: День Республики Тува (15 августа); День Конституции Республики Тува (6 мая).

2. Народные праздники Республики Тува:

Шагаа (Новый год по лунному календарю) — это традиционный тувинский праздник проводов старого года и встречи нового. Наступление Нового года празднуют три дня подряд, люди, играют в различные игры, поют песни, играют на музыкальных инструментах, слушают сказителей, устраивают гадания. Зачастую это действие происходит в юрте самого старого и почитаемого человека²⁷⁰.

Наадым (праздник животноводов). Дата и место, а также порядок проведения народного праздника Наадым ежегодно устанавливаются постановлением Правительства Республики Тува. Обязательно включает в себя национальную борьбу куреш, конные скачки, стрельбу из лука, конкурсы на лучшую национальную юрту, лучшие национальный костюм и снаряжение коня.

3. Праздничные дни: День отцов (третья суббота ноября); День рождения, Просветления и Паринирваны Будды Шакьямуни (дата устанавливается ежегодно постановлением Верховного Хурала (парламента) Республики Тува в соответствии с восточным лунным календарем); День пчеловода (четвертое воскресенье августа).

Особо стоит отметить, что День Республики Тува, День Конституции Республики Тува, дни проведения народных праздников Шагаа и Наадым являются нерабочими праздничными днями в Республике Тува. При совпадении выходного и нерабочего праздничного дней выходной день автоматически переносится на следующий после праздничного рабочий день. Таким образом, тувинские национальные праздники имеют статус нерабочих дней.

Кроме того, Указом главы Тувы Шолбана Кара-оола, подписанным 12 августа 2015 года — 17 августа был провозглашен днем горлового пения — хоомей. Этим же указом были определены критерии для присуждения почетных званий исполнителям горлового пения, в числе которых победы на республиканских и международных фестивалях-конкурсах исполнителей горлового пения «Хоомей». В Республике также предусмотрены специальные льготы для профессиональных исполнителей горлового пения. Поскольку научно доказано, что длительное и многократное его воспроизведение неблагоприятно воздействует на организм артиста. Приказом Минздравсоцразвития РФ от 30.03.2011 № 251н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников культуры, искусства и кинематографии» была внесена в Единый квалификационный справочник должность «артист горлового пения (хоомейжи)». Это служило основанием для досрочного выхода на пенсию, согласно ст. 21 Федерального закона от 17 декабря 2001 года № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».

В республике Якутия установлен следующий праздничный календарь: 13 февраля — День родного языка и письменности (с 1996 г.)²⁷¹; 5 марта — День народного мастера (с 2012 г.)²⁷²; 19 марта — День Арктики (с 2015 г.)²⁷³; 23 марта — День правовых знаний (с 2011 г.)²⁷⁴; Первая суббота апреля — День охотника (с 2012 г.)²⁷⁵; Первое воскресенье апреля — День отца

(с 1999 г.)²⁷⁶; 27 апреля (нерабочий день) — День Республики Саха (Якутия) (с 1992 г.)²⁷⁷; 21 июня (нерабочий день) — День национального праздника «Ысыах» (с 1992 г.)²⁷⁸; 2 июля — День реки Лены в Республике Саха (Якутия) (с 2013 г.)²⁷⁹; Вторая суббота сентября — День велосипедного спорта (с 2010 г.)²⁸⁰; Четвертое воскресенье сентября — День предпринимателя (с 2002 г.)²⁸¹; Третье воскресенье октября — День матери (с 1993 г.)²⁸²; 23 октября — День работника ювелирной и алмазогранительной промышленности (с 2010 г.)²⁸³; 25 ноября — День Олонхо (с 2006 г.)²⁸⁴; 27 ноября — День профсоюзного работника (с 2011 г.)²⁸⁵; 30 ноября — День Хомуса (с 2011 г.)²⁸⁶; 5 декабря — День детского движения (с 2014 г.)²⁸⁷.

Среди этого перечня праздничных дат есть и национальные праздники, особое значение среди которых имеют: День родного языка и письменности, день мастера, день национального праздника «Ысыах» («Праздник кумысопития 21 июня объединяет все народы»²⁸⁸), день олонхо (якутского героического эпоса, провозглашенного ЮНЕСКО Шедевром устного и нематериального наследия человечества), день хомуса, якутского национального варганного инструмента.

В Хакасии два из трех нормативно установленных праздника имеют этническую основу. Первый — это праздник Чыл Пазы (на русском языке — голова года или начало года), который празднуется 22 марта²⁸⁹. Праздник отмечает приход весны и связан с древними представлениями о цикличности времени, согласно которым год «рождается», «живёт» и «умирает» вместе со сменой сезонов: *«В этот день принято разводить костер для сжигания специальных черных лент. Их нужно завязать по числу бед за прошлый год и бросить в огонь. Остальные ленточки с просьбами и пожеланиями завязываются на «хазын» — священную березу. На новогоднем столе обязательно должны появиться блюда из мяса и молочные продукты»*²⁹⁰.

Второй праздник отмечается в третье воскресенье сентября и называется День тюркской письменности и культуры²⁹¹.

В День тюркской письменности и культуры проходят фольклорно-обрядовые праздники, творческие встречи, семинары и другие мероприятия. Кроме того, в Хакасии установлена дата Дня республики — 3 июля²⁹².

Праздничный календарь Республики Калмыкия очень разнообразен и определяется Законом от 13 октября 2004 г. N 156-III-3 «О праздничных и памятных днях в Республике Калмыкия». В нем устанавливаются следующие праздники²⁹³: Калмыцкий национальный праздник Цаган Сар (нерабочий день) (дата устанавливается ежегодно, является календарным калмыцким праздником, приуроченным к окончанию зимнего и началу весеннего сезона. Дата праздника ежегодно исчисляется по лунному календарю)²⁹⁴; «День калмыцкой поэзии» (13 марта); День принятия Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия (5 апреля, нерабочий день); День степи (третья суббота апреля); День калмыцкого чая (третья суббота мая); «День рождения Будды Шакьямуни» (нерабочий день, дата устанавливается ежегодно); День Казанского кафедрального собора (4 ноября); «Зул» (наступление Нового года по лунному календарю, (нерабочий день, дата устанавливается ежегодно)); День памяти жертв депортации калмыцкого народа (28 декабря, нерабочий день). Как видно из приведенного списка, шесть праздников связаны с этноконфессиональной спецификой республики.

В календаре знаменательных и юбилейных дат Чеченской Республики также доминируют эта повестка²⁹⁵. Установлены и празднуются следующие даты: День почитания эвлия-устаза Кунта-Хаджи Кишиева (3 января)²⁹⁶, День восстановления государственности чеченского народа (9 января)²⁹⁷, День Конституции Чеченской Республики (23 марта, нерабочий день)²⁹⁸, День мира в Чеченской Республике²⁹⁹ (16 апреля, нерабочий день), День чеченского языка (25 апреля)³⁰⁰, День памяти и скорби народов Чеченской Республики (10 мая)³⁰¹, День Республики (День гражданского согласия и единения,

6 сентября)³⁰², День чеченской женщины (20 сентября, третье воскресенье сентября)³⁰³, День молодежи Чеченской Республики (5 октября)³⁰⁴.

Рассмотрим подробнее некоторые даты календаря знаменательных дат Чеченской республики³⁰⁵. 4 сентября 2002 г. глава Временной администрации Чечни Ахмат Кадыров подписал указ об учреждении праздника — Дня республики. Второе название этого праздника — День гражданского согласия и единения. Символично, что фактически речь шла о переименовании даты, которая на протяжении 1990-х годов называлась «Днем независимости Чеченской Республики». Объявление даты празднования связывалось с консолидацией чеченского общества и продолжением исторических традиций.

День конституции республики празднуется 23 марта. В этот день отмечается сам выбор чеченского народа быть в составе России, который рассматривается как историческое событие в жизни народов Чеченской Республики.

25 апреля 2007 года был подписан закон «О языках в Чеченской Республике». К этой дате было приурочено появление дня чеченского языка: «В целях сохранения, совершенствования и дальнейшего развития чеченского языка, повышения его роли в развитии чеченской культуры и самобытности³⁰⁶. Язык был объявлен фундаментом самобытности чеченского народа.

Кроме того, на уровне республиканского руководства поддерживаются традиционные для мусульман праздники — Священный месяц Рамадан и День Курбан-Байрам. В течение месяца Рамадан устанавливается сокращенный режим работы на час, а день Курбан-Байрам объявляется выходным днем для торжественных молебнов и совершения жертвоприношения.

В 2009 и 2010 годах были учреждены два новых праздника. Первый — «День рождения Пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует)», который отмечается 12 числа третьего месяца Раби аль-авваль исламского календаря. В течение двух лет (8–9 марта 2009 г. и 25–26 февраля 2010 г.)

в республике проводятся масштабные празднования, приуроченные к этой дате. Во всех районных мечетях республики читают молитвы и проводят обряды зикра. В 2010 году появляется еще один региональный праздник — День почитания Кунта-Хаджи Кишиева, который ежегодно отмечается 3 января. Дата была приурочена к «аресту 3 января 1864 года и последующей ссылке в Калужскую губернию выдающегося религиозного деятеля, эвлияа — устаза Кунта-Хаджи Кишиева»³⁰⁷.

Интересным является утверждение «Дня чеченской женщины», который с 2009 года датируется третьим воскресеньем сентября, «отмечая выдающиеся заслуги чеченской женщины в становлении и развитии Чеченской Республики, отдавая дань уважения массовому подвигу 46-ти девушек, героически погибших при переправе через Терек после падения села Дади-Юрт 15 сентября 1819 года, учитывая проявленную высочайшую ответственность за судьбы чеченского народа при депортации 1944 года, а также в событиях 1994–2004 годов, и в целях усиления роли чеченской женщины в жизни общества»³⁰⁸, — объясняется в указе президента появление этой даты. Особенность данной даты связана, с одной стороны, с особым отношением к женщине в исламе, с другой — она мотивирована дискурсом, характеризующим женщину-воина, борца. Долг женщины — это не только служба мужу и воспитание детей, но и служение общему делу. Этим делом является воспитание детей в духе национальных традиций и обычаев, сохранение семьи.

16 апреля Р. А. Кадыров объявил днем мира в Чеченской Республике: «В ознаменование завершения контртеррористической операции в Чеченской Республике, отмечая приверженность чеченского народа идеалам мира и согласия, а также отдавая дань уважения памяти первого Президента Чеченской Республики А. А. Кадырова, посвятившего свою жизнь установлению стабильности и спокойствия в регионе»³⁰⁹.

Еще одна памятная дата, появившаяся в календаре знаменательных дат республики в 2010 году — день восстановления

государственности чеченского народа³¹⁰. «Отмечая общественное и политическое значение исторического события — факта принятия 9 января 1957 года Указа Президиума Верховного Совета СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР» и Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области», которыми была восстановлена государственность чеченского и ингушского народов. Речь идет о восстановлении республики и возвращении на родину депортированных в годы войны чеченцев.

Логическим следствием предыдущей даты стало появление Дня памяти и скорби в Чеченской Республике — 23 февраля: «В память о жертвах трагических событий, связанных с актом величайшего произвола и беззакония на государственном уровне в отношении чеченцев — их насильственным переселением в Среднюю Азию и Казахстан 23 февраля 1944 года, отдавая дань уважения отцам и матерям, выдержавшим все тяготы и лишения в условиях спецпоселения»³¹¹. Дата была приурочена к 66-й годовщине насильственной депортации чеченцев в Среднюю Азию и Казахстан. Депортация стала одной «из самых страшных страниц в истории чеченского народа», «тяжким испытанием», «геноцидом», «трагедией», преодолев которую чеченцы «верны традициям, сохранив себя как нацию, сохранив свою культуру и самобытность»³¹².

Таким образом, в праздничном календаре Чеченской Республики в объявленных светских датах доминируют «памятные даты», отдающие дань памяти печальным для региона событиям.

Дни памяти институционализированы и в других северокавказских республиках. Например, в Кабардино-Балкарской Республики установлены следующие даты:

- 28 марта (нерабочий день) — День возрождения балкарского народа³¹³;
- 21 мая (нерабочий день) — День памяти адыгов (черкесов) — жертв Русско-Кавказской войны³¹⁴;

- 1 сентября (нерабочий день) — День государственности Кабардино-Балкарской Республики (День Республики)³¹⁵;
- 20 сентября (нерабочий день) — День адыгов (черкесов)³¹⁶.

Кроме того, нерабочими днями (дата устанавливается ежегодно) являются Ураза-байрам и Курбан-байрам.

Наиболее важными региональными праздниками Карачаево-Черкесской Республики являются:

- 12 января (нерабочий праздничный день) — День образования Карачаево-Черкесской Республики;
- 3 мая (нерабочий день) — День возрождения карачаевского народа. 3 мая 1957 года первые семьи карачаевцев вернулись из мест депортации на историческую родину. Празднование обычно начинается с торжественного митинга на станции поселка Эркен-Шахар, куда прибыли первые эшелоны с возвращающимися карачаевцами³¹⁷;
- 3 июля (нерабочий праздничный день) — День единения народов Карачаево-Черкесской Республики³¹⁸.

Кроме того, отмечаются (нерабочий день) (дата устанавливается ежегодно) Ураза-байрам и (нерабочий день) (дата устанавливается ежегодно) Курбан-байрам.

В Ингушетии 30 октября установлен День памяти жертв трагических событий осени 1992 года, вошедших в историю России как осетино-ингушский конфликт. В Указе о праздновании даты говорится, что «30 октября 1992 года — печальная и скорбная дата в истории ингушского народа, когда произошел конфликт между гражданами ингушской и осетинской национальности, приведший к гибели ни в чем неповинных людей»³¹⁹. Кроме того, в республике празднуются: День Конституции Республики Ингушетия (27 февраля)³²⁰, День единения Ингушетии с Россией (17 марта)³²¹, День образования Республики Ингушетия (4 июня)³²², День Государственного флага Республики Ингушетия (11 июля)³²³. В Ингушетии есть и свой

«мужской» день: 1 марта — официальный праздник День Джигита. 23 февраля 1944 года ингушский народ был подвергнут геноциду, ингушских мужчин поздравлять не рекомендуется.

Закон Республики Адыгея от 14 февраля 1995 г. № 168–1 «О праздничных днях и памятных датах»³²⁴ устанавливает следующие региональные праздники: День памяти воинов, погибших в локальных конфликтах (2 января); День освобождения Адыгеи от немецко-фашистских захватчиков (18 февраля); День Конституции Республики Адыгея (10 марта); День парламентаризма Республики Адыгея (17 марта); День семьи Республики Адыгея (15 мая); День памяти и скорби по жертвам Кавказской войны XIX века (21 мая); День защиты детей в Республике Адыгея (1 июня); День принятия Декларации о государственном суверенитете Республики Адыгея (28 июня); Ураза-Байрам (дата устанавливается ежегодно, нерабочий день); День репатрианта (1 августа); День памяти о боевом содружестве горцев Адыгеи и казаков Кубани в годы Первой мировой войны (5 сентября); День национального адыгского (черкесского) костюма (28 сентября); День образования Республики Адыгея (5 октября, нерабочий день); День ветерана (последняя пятница октября).

Праздники Республики Дагестан также разнообразны и представлены следующими датами: Ураза-байрам (дата устанавливается ежегодно, нерабочий день)³²⁵, День Конституции Республики Дагестан (26 июля, нерабочий день)³²⁶, День белых журавлей (8 сентября)³²⁷, Курбан-Байрам (дата устанавливается ежегодно, нерабочий день)³²⁸, День единства народов Дагестана (15 сентября, нерабочий день)³²⁹, День дагестанской культуры и языков (21 октября)³³⁰.

В Северной Осетии нормативно регулируется установление трех дат: День осетинского языка и литературы (15 мая)³³¹, День образования профсоюзного движения в Северной Осетии (5 июля)³³², День республики (Июль)³³³.

В республиках Мордовии и Коми нормативно установлены только дни республик. 22 августа (нерабочий день) отмечается

День Республики Коми³³⁴. Это единственный праздник в регионе, утвержденный в честь образования Республики и исторической значимости становления ее государственности. 10 января отмечается День Мордовской республики. В этот день 10 января 1930 года Президиум ВЦИК преобразовал Мордовский округ Средневолжского края в Мордовскую автономную область с центром в городе Саранске.

В Марий Эл 4 ноября установлен День Республики Марий Эл. Праздник принят в честь образования Марийской автономной области (1921 год) и имеет государственный статус. Впервые праздничное торжество состоялось 1 марта 1921 года. Кроме того, 10 декабря закреплено празднование Дня марийской письменности. Он утвержден Указом Президента Республики Марий Эл от 18 ноября 1998 года.

В Чувашской Республике установлены три даты: День чувашского языка (25 апреля)³³⁵, День государственных символов Чувашской Республики (29 апреля)³³⁶ и День Республики (24 июня). Последняя дата как официальный праздник впервые была учреждена в 1995 году в ознаменование 75-летия со дня образования Чувашской автономной области. 4 мая 2000 года Президент Чувашской Республики, учитывая историческую значимость становления чувашской государственности, подписал Закон, в соответствии с которым 24 июня объявлен государственным праздником — Днем Республики³³⁷.

В Удмуртии 4 ноября празднуется День Государственности Удмуртской Республики (нерабочий день). Весной и осенью отмечаются народные праздники: «Семьк», «Гербер», «Сабантуй»³³⁸. В честь успеха «Бурановских бабушек» на «Евровидении-2012» также установлен День бабушки, который отмечается ежегодно 26 мая³³⁹.

Законы Республики Карелия регулируют два праздника, которые не связаны с этничностью: День Республики Карелия (8 июня)³⁴⁰, День образования профсоюзного движения в Республике Карелия (16 сентября)³⁴¹. Кроме официальных

праздников в Республике Карелия отмечаются национальные и местные праздники: Международный день родного языка, День Калевалы, праздник вепсской культуры «Древо жизни», Иванов день, День топора, День карельской и вепсской письменности и другие. Каждый год в Финляндии и Карелии в день праздника проходит «Калевальский карнавал» в форме уличного костюмированного шествия, а также театрализованных представлений по сюжету эпоса и музыкального песенного марша. В День карельской и вепсской письменности, 20 апреля, все желающие могут проверить свой языковой уровень.

Таким образом, присутствие этнического дискурса в праздничном календаре может включать культивирование культурных героев, а также имиджевые успехи. Очень показательным в этой связи установление «Дня бабушки», который создан в честь успеха «Бурановских бабушек» на «Евровидении-2012» (коллектив занял 2 место на музыкальном конкурсе в мае 2012 года в городе Баку). Согласно Указу Президента Республики Удмуртии, «День бабушки в Удмуртии установлен в целях сохранения семейных традиций, повышения социальной значимости старшего поколения»³⁴². В этом же ряду стоит учреждение 8 сентября 2016 года — Дня белых журавлей в Республике Дагестан — праздника в честь известного дагестанского поэта Расула Гамзатова и одновременно «памяти павших на полях сражений»³⁴³.

«Днём республики», определяемым как главный региональный праздник, в российских автономиях считается дата образования республики или принятия конституирующих статус региона документов. Поэтому стоит отметить вариативность названий данного праздника. В большинстве республик он именуется как «День республики», а в некоторых случаях как «День образования Республики» или «День государственности». Отличие может проявляться и в статусе праздничного дня (рабочий или нерабочий день), что также не может не влиять на транслируемые поздравления. В Татарстане, например, День

Республики празднуют 30 августа, поскольку именно в этот день в 1990 году Верховный Совет Татарской АССР принял Декларацию о государственном суверенитете Татарской ССР³⁴⁴. В Удмуртской Республике празднование Дня Государственности Удмуртской Республики совпадает с общероссийским праздником 4 ноября — Днём народного единства. Совпадение обусловлено тем, что Декрет об образовании Вотской автономной области, ставший институциональным оформлением государственности Удмуртии, был принят 4 ноября 1920 года³⁴⁵.

Дискурс-анализ текстов поздравлений в 20 республиках за период с 2012 по 2019 гг. позволяет сделать вывод о присутствии мотива межэтнического мира, согласия и единства народов, проживающих на территории республики, в исследуемых единицах наблюдения за исключением Республики Карелия³⁴⁶. Такой мотив хотя и не оказывается связанным с манифестацией особенности только титульной этнической группы, но подчёркивает осмысляемую значимость этничностей во множественном числе как феномена, свойственного российским «национальным республикам». Представляется, что наиболее удачным образом сущность проявляемой институционализации этничности в политике идентичности российских этнических региональных автономий передаёт формулировка модели акцентуации сбалансированного этнического разнообразия.

Глава VI

Нарративно-мифологический уровень институционализации: вариативность институционализации этнокомпонента

Как уже отмечалось выше, нарративно-мифологический уровень институционализации этничности в политике идентичности направлен прежде всего на передачу исторической памяти сообщества. Основу репрезентации прошлого составляет нарратив, под которым, вслед за О. Ю. Малиновой, мы понимаем «сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий»³⁴⁷. Миф является одним из наиболее распространенных типов нарративного повествования.

Политические мифы обычно классифицируют на основе их тематики, выделяя мифы о происхождении, о конце и разрушении мира, мифы о мессианской идее и о конце тысячелетия, мифы о героях, о времени и вечности, мифы о царях и т.д.³⁴⁸. Среди мифов регионов встречаются мифы об «особом» региональном государстве, которые предназначены для того, чтобы доказать их необычайную природу; мифы об особой исторической миссии провинции; мифы об особом народе, населяющем провинцию; мифы о первоначальном заселении территории и первопоселенцах, преодолевающих сопротивление сил природы и коварных жителей; мифы о «золотом веке» провинции; мифы о «своих» и «чужих»; мифы о «злом гении»; мифы о «культурных героях»; антимосковские мифы³⁴⁹. В данной главе будут рассмотрены примеры наиболее распространенных мифов республик, в которых находит проявление этничность.

Первым в их ряду стоит **миф об особом «народе» региона**. В смысловом ядре данного мифа лежит представление об особом национальном характере / менталитете жителей территории. Подобный тип мифов встречается не только в этнических регионах, однако в республиках он приобретает особый аспект, в котором наполнение ценностного ядра и объяснение типического поведения увязывается с особенностями титульного населения региона.

Характерный пример — республика Якутия, которую один из экспертов образно сравнил с «обособленным большим островом»³⁵⁰. В плане ментальности и социальной коммуникации очень большую роль здесь играет специфика северной ментальности. Речь идет о суровых природно-климатических условиях, которые диктуют строгое соблюдение принципов взаимовыручки, взаимной поддержки. Неслучайно, Якутия считается одним из мест появления современного человека. Речь идет о гипотезе немецкого путешественника и натуралиста Морица Вагнера, который считает, что появление человека стало возможным благодаря морозам, которые заставили его бороться за жизнь. По мнению некоторых ученых-археологов, человек заселил территорию современной Якутии в глубокой древности, в эпоху раннего палеолита. Тогда же появились первые археологические памятники. Каменные орудия появились примерно в то же время, что и человек умелый, поскольку для изготовления подобных однотипных орудий требовалось немало сообразительности. Находкам в Якутии около 2,5 миллиона лет³⁵¹.

Особенности национального характера якутян стали объектом исследовательского интереса еще в XIX веке. Первооткрывателем тайны психологических особенностей якутского региона был известный иркутский благотворитель, купец и золотопромышленник Иннокентий Сибиряков, выделивший деньги на организацию экспедиции в Якутию, итогом которой стала книга «Программа для собирания сведений о нравах

и национальном характере якутов» (1894 год). Уже в XIX веке при определении типологических черт якутского характера исследователи исходили из условий существования населения, закалывающих необходимые для выживания качества. К примеру, Ричард Маак по типу темперамента определил якутов сангвиниками и дал им следующую характеристику: *«Невзгоды жизни сделали якута мало впечатлительным к влияниям холода и жара... Способны переносить голод, но при изобилии пищи в состоянии уничтожить невероятные ее количества. Вообще весьма характерная черта якута — приспособляться к условиям посещающих его или в соседстве с ним живущих народностей... Молчаливых якутов я встречал редко... Между здоровыми якутами молчаливых я, по крайней мере, не встречал... Ни у одного из коренных племен Восточной Сибири не развита так словоохотливость, как у якутов»*³⁵².

Выводы современных исследователей подтверждают наличие у якутов качеств характера, обнаруженных еще в позапрошлом веке. Известный этносоциолог Л. М. Дробижева отмечала, что люди, живущие в Якутии, очень стойкие, поскольку им все время приходится бороться с морозами и с паводками: *«Это вам не Краснодар и Ставрополье»*. Кроме того, в Якутске осталось много семей политических ссыльных, поэтому свободу они ценят более чувствительно и толерантность считают не только общечеловеческой, но и местной, региональной ценностью³⁵³.

В настоящее время в Якутии большое значение придается формированию общей, наднациональной, региональной идентичности. Развитие этого процесса должно способствовать предотвращению возможных национальных конфликтов и объединению социума в единое целое. Определенные рубежи в этом направлении достигнуты. Общим термином, обозначающим всех жителей региона, в настоящее время стало слово «якутяне»: *«Якутянин — это человек, который тут живет, толерантен, может быть и не тут родился, но считает ее своей второй родиной»*³⁵⁴.

Таким образом, региональная специфика Якутии в преломлении сообщества объясняется синтезом природно-климатических факторов и особенностей менталитета. Схожие процессы можно наблюдать и в других республиках. В республике Тува, например, соотношение веса географических и культурных факторов в объяснении особенностей народа смещается в сторону культуры этнической группы.

Специалисты по истории и культуре Тувы отмечают, что владычество Цинской династии императорского Китая привело к тому, что у тувинской власти усилился личностный характер. Подчиняться надо было не просто правителю, но конкретному человеку, от воли которого зависела судьба твоя и твоих близких. Отсюда — актуальность послушания и господства, которые и сегодня для тувинцев остаются крайне важными, образуют характерную черту их культуры. Кроме того, большое значение отдается патриархально-родовым отношениям, поскольку предпочтение отдавалось самому уважаемому, опытному, знающему человеку³⁵⁵. Следовательно, общинность и потребность в «сильной руке» могут свидетельствовать о патриархальной (подданнической) политической культуре.

Местный (тувинский) фольклор также говорит о замкнутости сообщества и важности земляческих чувств. К примеру, возьмем песню «Мен — тыва мен» («Я — тувинец»), считающуюся неофициальным гимном республики. Вот ее первый куплет: *«Одолев перевал священный, Поднялся я, тувинец, Обрел из жизни кочевой лучшую долю я, тувинец. Я — тувинец, Сын гор с вечными снегами, Я — тувинка, Дочь страны серебряных рек...»*. Здесь в песенной форме можно видеть, что «тувинцы воспринимают Туву как центр мироздания, как большой отдельный мир, как целую планету». Отсюда и сильная тяга тувинцев к территориальным, локальным идентичностям, ассоциирование с природой и боязнь быть оторванным от того «клочка земли, где их родители пасли скот»³⁵⁶.

Примерами институционализации ментальных и ценностных установок могут служить своды моральных правил или

кодексы чести народов. Институционализация в данном случае будет проявляться, во-первых, в фактах наличия подобных Кодексов моральных сводов, во-вторых, в их нормативном закреплении. Например, на сайте Верховного Хурала (парламента) Республики Тува размещены «Кодекс чести мужчины Тувы» и «Свод заповедей матерей Тувы»³⁵⁷.

В республиках Северного Кавказа распространены кодексы и своды моральных правил, которые основываются на этнокомпоненте (например, адыгский свод правил и законов «Адыгэ хабзэ», чеченский этический кодекс чести «Къонахалла» и др.). Например, национальный характер ингушей, по замечаниям исследователей, формировался под влиянием средневекового военного кодекса чести, в который заложено уважение к мужественности, стойкости духа, отсутствию малодушия: «В генах ингушского народа записан код взаимопомощи, терпимости, добра, совести, долга»³⁵⁸. При этом взаимопомощь может приобретать гипертрофированное выражение. Так, если гостеприимство есть практически у всех народов мира, то, оказавшись в ингушском доме, гость получает «хозяев, готовых в случае опасности биться за него до последнего вздоха». Писатель Рамазан Цуров пишет, что нередко случаи и в далеком прошлом, и ныне, когда хозяин и его сыновья погибали у порога собственного дома, защищая гостей или любых людей, бежавших от преследования под их крышу³⁵⁹. Описывая особенности национального характера ингушей, автор ссылается на слово «яхъ», приблизительный перевод которого «соперничество, длящееся всю жизнь». В современности это проявляется в соревновании в достижении богатства.

Миф об особом народе сильно актуализирован в северокавказских республиках. По замечанию З. А. Жаде, у народов Северного Кавказа сложилось свое понимание этнической идентичности, где центральным образом выступает родная земля, которая рассматривается как святыня. К факторам, обуславливающим северокавказскую геополитическую идентификацию

автор относит: природно-климатические факторы; кавказский менталитет и стереотипы поведения; региональную культуру, включающую ценности всех народов, населяющих регион; религию; быт, сочетающий элементы этнические и регионально-типические, связанные с природной средой; систему региональных ценностей и интересов совместного проживания и самореализации на данной территории³⁶⁰.

Уникальность Северного Кавказа, следовательно, связана с географическими и культурными особенностями территории. Томас Баррет в работе «Линии неопределенности: северокавказский фронт России» находит параллели между процессами, сопровождавшими русскую экспансию XVIII–XIX веков на Кавказе и покорением американского Дикого Запада³⁶¹. Во многом будучи границей, фронтиром, Кавказ являлся контактной зоной и барьером между цивилизациями и империями Средиземноморья, Передней Азии, Восточной Европы. Современная культура Северного Кавказа исторически сформировалась в результате диалога кавказской горской, исламской и русской цивилизаций и культур.

Обратимся для примера к Дагестану, что в переводе означает «горная страна», где происходит неизбежное перемешивание различных этнических групп и переселенческих потоков. Это единственная республика в составе РФ, где «титულный» статус закреплен не за одним и не за двумя, а за целой группой народов. Несмотря на межнациональный состав населения (аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, табасаранцы, ногайцы, рутульцы, агулы и др.), исследователи находят у Дагестана самобытную культуру и общие психологические особенности³⁶². Будучи горцами по своей сути, дагестанские народы уделяют большое внимание воспитанию таких качеств как уважение к старшим, почитание родителей, скромность, честность, чувство долга, верность в дружбе, готовность всегда прийти на помощь (существует морально-этический кодекс горцев «Намус», что переводится как «честь», «достоинство»). Накладывает свой

отпечаток и то, что в Дагестане выражен исламский религиозный фактор³⁶³. Соответственно, имиджевый потенциал и позиционирование региона находятся под влиянием «национального» и исламского факторов.

В региональной истории Чеченской республики центральной сюжетной линией выступает идеал гордого чеченца, «борца» за свой народ. Тема борьбы с несправедливостью, выживание и культурное самоопределение создает образ «региона — вечного борца». К примеру, в региональном гимне поется:

*«Как бы ты ни горела огнем несправедливости Чечня,
Ни падала и вставала, чтобы жить.
Молния Кавказа, колыбель свободы,
Берегли честь твоей земли гордые люди»³⁶⁴.*

Мифологическим олицетворением борцовских качеств регионального сообщества стал символ Волчицы, изображенный на чеченском гербе. Согласно одной из вайнахских легенд, волчица защитила Землю и поэтому является символом мужества и стойкости, олицетворением свободы и жизни на Земле³⁶⁵.

Самобытность чеченского народа связана с определением черт его характера. Среди них особое место занимают твердая воля, мужество и благородство. Для обозначения всех особенностей чеченского характера в одном слове используется понятие «нохчалла», от «нохчо», что значит — чеченец. Считается, что исторически сложился чеченский «кодекс чести», описывающий качества и традиции чеченского народа. В этом Кодексе прописаны такие типические особенности характера и поведения чеченца как: справедливость, уважение к людям (независимо от их возраста и социального статуса), честь, вера, дружба, вежливость, гостеприимство, сдержанность, почитание женщины и др. Изложение построено по принципу притч и выведения формул характера. К примеру, уважение к родственникам своей матери или своей жены мужчина подчеркивает тем, что сходит с коня прямо при въезде в село, где они живут

и т.д. Прописывается также особое отношение к защите отечества: *«должен помнить о том, что для него Отечество, личное достоинство и честь дороже жизни»*³⁶⁶. Стоит отметить, что восприятие данного Кодекса не сводится к отношению к нему как своду рекомендаций. Каждый истинный чеченец следует данным правилам добровольно и сознательно. В этом понятии — формула того, каким должен быть настоящий чеченец³⁶⁷. Обобщенно данные принципы рожают образ гордого чеченца — «горца», обладающего твердыми принципами, которые он будет непоколебимо отстаивать.

При этом, рассматривая чеченскую самость, следует отметить, географический, а шире — ментальный раскол региона. Чеченский кодекс «нохчо» характерен лишь для той части регионального сообщества, которая осознает себя на основе этнонационального самоопределения: «Если, пользуясь географической типологизацией, но подразумевая под ней типологизацию аксиологическую, разделить чеченцев на две группы, то мы получим северную, равнинную Чечню с урбанизированными, ориентирующимися на культуру и цивилизацию российскими гражданами, и южную, горную Чечению, где в относительно неискаженном виде сохраняется общественная жизнь, основанная на первоизданном, варварском «принципе крови»»³⁶⁸.

Тем не менее, несмотря на это, термин «нохчо» как фиксирующий особенности чеченского характера предлагалось даже возвести в ранг основного регионального имени. По Конституции Чечни, принятой на всенародном референдуме в марте 2003 года, название «Нохчийн Республика» существует как эквивалент названию «Чеченская Республика». В сентябре 2006 года тогда президент Чечни Алу Алханов озаботился имиджем республики в регионах России. Для этого он предложил переименовать Чечню в Нохчийн Республика. По его словам, термин «Чечня» неправильно используется отдельными СМИ, политиками и общественными деятелями: «Слово «Чечня» содержит негативную окраску, воспринимается отрицательно и не

имеет юридической базы», поскольку в Конституции республики название Нохчийн Республика существует как эквивалент названию Чеченская Республика³⁶⁹.

Основной аргумент сторонников переименования был связан со стремлением отойти от уничижительных ассоциаций, которые зачастую сопровождают названия «Чечня». Идея так и осталась нереализованной. К тому же, по мнению большинства экспертов, новое имя республики не привело к какому-то серьезному изменению в имидже Чечни: «Нас весь мир на протяжении нескольких сотен лет знает как чеченцев. Не стоит забивать голову людям»³⁷⁰, — отмечали ученые из Академии наук Чеченской республики.

Стоит отметить, что миф «об особом народе» может эволюционировать. Могут возникать новые элементы во внешней атрибутике уникальности жителей. Так, в Удмуртии одной из наиболее значимых внутренних региональных мифологем в последнее время стало выстраивание образа удмуртов как самого рыжего этноса. Ученые региона, подсчитав «индекс рыжести», выяснили, что он в республике составил 70 процентов и по количеству рыжих на душу населения жители Удмуртии уступают только ирландцам. Кроме того, в одной из множества версий легенд, которыми успел обрасти этот миф, удмурты предстают потомками самых древних людей на Земле, поскольку так называемый «ген рыжести» является одним из самых устойчивых и старых во всем наборе человеческих хромосом, и, передаваясь от отца к сыну, четко указывает на почтенный возраст рода человека. А по другой версии, удмурты — это чуть ли не потомки инопланетян.³⁷¹ С 2004 года в регионе ежегодно проходит «Рыжий фестиваль»³⁷² и выстраивается бренд Ижевска как «столицы рыжих». Как гласят официальные источники, к которым восходит история первого рыжего праздника, ставшего победителем городского конкурса проектов «Ижевск — культурная столица Поволжья-2004», он «направлен на создание нового позитивного имиджа столицы Удмуртии посредством развития диалога культур»³⁷³.

Этнологи и регионоведы Удмуртии считают, что эта рыжесть, *«эта самобытность даст еще одну маленькую красочку для нашего города, которому так не хватает яркости, “самости”... никого не обидит, если Ижевск станет самым солнечным городом на земле»*³⁷⁴. За пять лет проведения фестиваля, утверждение *«Я рыжий, и этим я горжусь!»* постепенно приобретает все большую значимость для жителей³⁷⁵.

Не меньший интерес для характеристики мифологического среза институционализации этничности имеет **миф об «особом» региональном государстве** или опыте государственности республик.

Представление о древности государственности якутов и вкладе нации в формирование российского государства встречается в республике Якутия. В вышедшей в 2004 г. книге *«Якутская национальная стратегия»* упоминается об исторических предках якутов прибайкальских курыканах, создавших в VI веке нашей эры Курыканское государство. Это служит основанием для вывода, что у древних якутов был реальный исторический опыт государственного строительства: *«В сущности, якутский мир был своего рода субимперией в составе Российской империи, но не как центробежной стихии, а наоборот — центростремительной силы, консолидирующей огромную многоэтничную территорию в рамках единой Российской империи... Российская империя была для якутов не завоевавшим их государством, а также и их империей, которой они преданно служили»*³⁷⁶.

Конституционный суд Республики Саха (Якутия) в октябре 2016 г. постановил внести в Конституцию республики уточнения относительно правового статуса коренного народа Якутии. Согласно постановлению суда, коренным народом Якутии следует считать представителей якутского этноса. Согласно постановлению Конституционного суда Якутии было закреплено *«признание территории Саха (Якутии) родной землей и исторической родиной якутского народа, источником его*

экономического благополучия, уникальной культурной и языковой идентичности, а конституционно-правовой статус Республики Саха (Якутия) — формой его социально-политической и государственно-правовой организации, как исторически своеобразной национальной общности в составе Российского государства»³⁷⁷. В постановлении также говорится о «совокупности естественных коллективных прав коренного народа Якутии, именем которого названа Республика Саха (Якутия)». Некоторые эксперты увидели в этом опасные юридические казусы, которые грозят созданием в многонациональной Якутии этнократического режима³⁷⁸.

В республике Алтай сложился лозунг «Алтай — сердце Евразии», поскольку считается, что тюркский мир берет начало на алтайской земле. Утверждается, что на территории Алтая был образован первый Тюркский каганат — многонациональное государство, возникшее в 552 году и оказавшее позитивное воздействие на формирование государственности многих народов Азии и Восточной Европе. 6 июля 2006 году на административной границе Республики, на берегу реки Катунь («главной водной артерии Алтая», «священной»), состоялась церемония открытия изготовленного в Татарстане памятного знака «Алтай — сердце Евразии».

Тува — самый молодой субъект РФ, поскольку она последней вошла в состав России. Произошло это в середине XX столетия после череды крупных событий: освобождения из-под власти маньчжурского Китая в 1911 году и принятия под протекторат России в 1914 году. Чуть позже было провозглашение Тунгусо-Тувинской народной республики в 1921 году и лишь в 1944 году ее вхождение в состав СССР. Этот факт постоянно используется в официальном дискурсе: «*Надо было определиться: куда повернуть? Стать ли самостоятельным государством, войти ли на автономных правах в состав Китая или обратиться на север — к России? Наши мудрые предки приняли решение — повернуть на север*»,³⁷⁹ — отмечал бывший президент

республики Шериг-оола Ооржак. В честь этого исторического решения у слияния Большого и Малого Енисея был заложен памятный камень, и сразу же началось строительство города. Его назвали Белоцарск (с 1918 г. Кызыл). Это событие празднуется как национальный праздник. Так, в 2014 году отмечалось 70-летие вхождения Республики Тува в состав РФ и 100-летие основания Кызыла.

Важной составляющей мифа особости региона является защита права на свою территорию. Зачастую эта тема обостряется в том случае, если возникает вопрос потенциального укрупнения. Показательны, например, события 2006 года, когда во время празднования 250-летия добровольного вхождения алтайского народа в состав России была озвучена тема объединения Алтайского края и Республики Алтай. Тогда Александр Назарчук, председатель Алтайского краевого Совета народных депутатов, заявил о необходимости объединения и это было воспринято как оскорбление, усугублённое еще и тем, что прозвучало накануне празднования юбилея. Спикер Госсобрания РА Иван Белеков сообщил, что разговоры об объединении накануне праздника — звучат особенно оскорбительно, и подчеркнул, что только граждане могут решать этот вопрос³⁸⁰.

Общественное мнение также воспротивилось этому процессу. Совет зайсанов (глав родов) Республики Алтай выступил с обращением к жителям Горного Алтая. В нем, в частности, сообщалось: *«Статус республики помог всем нам пережить тяжелейший период постсоветской стагнации. Поскольку статус республики дает возможность, минуя промежуточные звенья, напрямую обращаться и общаться с федеральным центром, входит отдельной строкой в бюджет государства и самим формировать и распоряжаться собственными средствами... Мы, потомки тех двенадцати алтайских зайсанов, решивших навеки соединить судьбу своего народа с Россией, обращаемся к вам, дорогие земляки, грудью встать на защиту статуса республики. На этой земле нам жить, растить детей и, когда придет пора,*

быть погребенными в ней. А варягам, как бы они не рядились в тоги доброхотов, мы, местные жители — алтайцы, русские, казахи — как таковые не нужны. Им нужна лишь наша земля»³⁸¹.

Характеристика особости региона может лежать в плоскости ее отличительных объективных особенностей. Например, уникальность Ингушетии заключается, прежде всего, в том, что это единственный новый субъект РФ, созданный не путем объединения, а путем разделения старого. Еще один уникальный момент — это специально построенная новая столица республики, Магас, которая в настоящее время является самым маленьким городом России. Смыслами уникальности Ингушетии выступают мотивы молодости и начала. Непременным атрибутом визитной карточки территории является указание, на то, что это «самая молодая республика» (образована 4 июня 1992 года) и «начинающий субъект РФ». «Молодость» региона декларирована не только историческим фактом основания региона, но и в разрезе населения — жители Ингушетии сегодня считаются самыми молодыми в России — средний возраст жителей 28,7 года³⁸².

Еще одним значимым нарративом республик выступает **мифология «единения» с Россией**. Выражается она через празднование юбилеев «вхождения» в Россию, актуализирующих дискурсы опыта собственной автономности, единения народов, единения с государством.

Так, официально датой «вхождения Осетии в состав России» считается в настоящее время 1774 год, когда в Моздоке состоялись переговоры между Астраханским губернатором, в сферу подчинения которого входили российские земли на Северном Кавказе, и группой осетинских старшин. Идея связующего звена России и Закавказья, дополняется ориентацией на Россию: «Вхождение в Россию было массовым, народным «проектом» — чем собственно, и обусловлена глубина интеграции в российское общество»³⁸³.

Региональная история прочно вписывает Удмуртию в российское пространство, свидетельство чему празднование

450-летней годовщины добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства, которое «стало объединяющим всех без исключения жителей республики праздником»³⁸⁴. *«Празднование 450-летия добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства явится еще одной вехой, очередным этапом, подтверждающим правильность сделанного нашими предками исторического выбора, смотром современных достижений одного из регионов страны. Это, несомненно, будет способствовать сплочению, упрочению дружбы и согласия, взаимопониманию народов многонациональной Российской Федерации, процветанию Великой России»*³⁸⁵.

Цементирующей основой региональной уникальности республики Адыгея выступает историческая память региона. Хотя внешне Адыгея активно демонстрирует лояльность по отношению к России и включение в общероссийское пространство, но внутри крайне болезненно воспринимает попытки манипулирования историческими фактами. 450-летие добровольного вхождения Адыгеи в состав Российского государства, отпразднованное в 2007 году, нашло много противников в регионе: *«Сегодня нет оснований говорить о добровольном присоединении (вхождении) западных адыгов к России. Здесь речь может идти о военно-политическом соглашении, направленном против Крымского ханства...»*³⁸⁶. Тем не менее, что касается внешнего позиционирования события, то региональные власти вполне успешно использовали юбилей для привлечения внимания к региону: *«С позиции сегодняшнего дня мы отчетливо осознаем, что наши предки четыре с половиной века назад сделали верный исторический выбор. Празднование круглой даты истории еще раз наглядно продемонстрировало, что наша республика является неразрывной частью большой страны и по праву входит в единую семью народов России»*,³⁸⁷ — отметил Президент республики.

В сентябре 2017 года Якутия отметила 385-летие вхождения в состав России. В дискурсе это воспроизводилось через идею «Навеки вместе»: *«Российская империя прирастала землями*

постепенно. Каждый народ самостоятельно выбирал новый исторический путь — стать частью Великой России, войти в дружную семью народов. Якутия вошла в состав Российского государства в 1632 году — второй среди нынешних республик Российской Федерации (после Удмуртии, которая стала частью России с 1552 года). Вхождение Якутии в состав России стало судьбоносным историческим решением, определившим дальнейший путь развития уникального во всех отношениях северного региона»³⁸⁸.

Проблема бесконфликтного существования и исторической памяти определяет важные векторы региональной идентичности Карачаево-Черкесской Республики. Проблема депортации представителей карачаевского народа в Среднюю Азию осенью 1943 года, обвиненных в пособничестве гитлеровским войскам, привела к тому, что большая часть репрессированных погибла. Дата депортации — 2 ноября — объявлена днем памяти. Президент республики Борис Эбзеев в 2009 году предложил 2 ноября сделать днем милосердия и подаяния: *«И я думаю, это то подаяние, которое будет угодно Всевышнему, самый прекрасный садака в память о тех 43 тысячах карачаевцев, которые своими мертвыми телами усеяли скорбную в несколько тысяч километров дорогу из Карачаево-Черкесии до степей Казахстана и Киргизии. Пусть трагедия карачаевского народа никогда не постигнет ни один народ в нашей многонациональной республике, и в нашей многонациональной России, и пусть будет светлая память тем тысячам и тысячам людей, которые не дожили до сегодняшнего дня», — заключил в своем выступлении глава»³⁸⁹.*

В дискурсе юбилеев чаще всего фигурирует мифология «добровольного вхождения» (Табл. 13). Интересным исключением является риторика главы Республики Мордовия, который говорит о «единении мордовского народа с народами российского государства»³⁹⁰. Еще более яркий случай нового юбилея «воссоединения с Россией» представляет Республика Крым. Показательно, что не празднуют такие юбилеи Республика Татарстан

Табл. 13. Дискурсы последних крупных юбилеев «единения» республик с Россией с 2000-х ³⁹¹

Республика	Год юбилея	Юбилей	Дискурс республиканского центра
Адыгея	2017	460 лет	Добровольное вхождение
Алтай	2016	260 лет	
Башкортостан	2017	460 лет	
Бурятия	2021	360 лет	
Дагестан	2013	200 лет	Вхождение
Ингушетия	2020	250 лет	Единение с Россией
Кабардино-Балкария	2017	460 лет	Добровольное вхождение
Карачаево-Черкесия	2007	450 лет	
Калмыкия	2019	410 лет	
Крым	2019	5 лет	Воссоединения с Россией
Марий Эл	2002	450 лет	Вхождение
Мордовия	2012	1000 лет	Единение мордовского народа с народами российского государства
Республика Северная Осетия – Алания	2014	240 лет	Вхождение
Тува	2014	70 лет	Добровольное вхождение
Удмуртия	2008	450 лет	
Хакасия	2007	300 лет	
Чувашия	2021	470 лет	Вхождение
Якутия	2012	380 лет	

и Чечня. Что касается Татарстана, то падение Казани занимает важное место в исторической памяти: *«А есть у нас, например, день памяти и скорби в честь падения Казани, он собирает не так много людей, как раньше собирал, я в детстве еще помню. Опять же люди хотели бы прийти, но боятся. Участвует 300–350 человек ежегодно... В пабликах очень много этой тематики, связанной с падением Казани. Опять же не против русских, Иван Грозный воспринимается как тиран»*³⁹².

В республиках, как и во всех регионах, складываются свои **пантеоны региональных героев**, культивирующие мифы о культурных героях. В их числе оказываются и «национальные герои», в презентации которых важным является этнокомпонент. Выше отмечалось, как этничность проявилась в выборе героя в конкурсе «Великие имена России». Исследование показывает, что чаще всего республики репрезентировали себя в рамках конкурса через имя героя, связанного с титульной этничностью³⁹³.

Так, в Бурятии конструируется миф вокруг Чингисхана — «святых монгольских народов»³⁹⁴. Чингисхан становится ключевой фигурой, на основе которой конструируется «азиатская философия» региона, его «монгольская идея». Многие прямо подчеркивают: *«Чтобы монгольским народам восстановить свое былое (имперское) величие «в современной форме», «закат превратить в восход», необходимо «восстановить духовную традицию» и на основе «философии Чингис-хана» «сформировать будущую центрально-азиатскую философию», которая «поможет понять значение великой монгольской идеи» и «пробудить традиционную этическую энергию»*³⁹⁵.

Родство с Чингисханом находят не только в идейном, но и в генетическом плане. Так, в 2007 году было проведено исследование ДНК на момент родства с великим завоевателем, по результатам которого среди бурят было найдено пятеро предполагаемых чингизидов, что позволило выявить долю чингизидов во всем регионе — 2,3%. Каждому из мужчин, участвовавшему

в эксперименте и получившему положительный результат, были выданы официальные свидетельства о родстве с «великим завоевателем»³⁹⁶.

В некоторых республиках появляются современные герои, в т.ч. связанные с новейшей историей. Особенностью символического оформления региональной уникальности Чеченской республики стала кампания по возведению в ранг символа фигуры первого Президента республики Ахмата Кадырова, трагически погибшего во время террористического акта на стадионе «Динамо» города Грозного 9 мая 2004 года. За мужество и героизм, проявленные при возрождении Чеченской Республики и в борьбе с терроризмом, Ахмату Абдулхамидовичу Кадырову присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

«Кадыризация Чечни» — так назвали СМИ процесс увековечивания памяти первого президента, проявившейся в переименовании улиц, возведении памятников, присуждении его имени официальным и неофициальным учреждениям³⁹⁷. В честь Кадырова были переименованы проспект Кадырова в Грозном и улица Кадырова в московском районе Южное Бутово. День рождения экс-президента 23 августа празднуется как главный день республики. В 2004 году было объявлено, что каждый чеченский мальчик, появившийся на свет 23 августа (день рождения А. А. Кадырова), получит 10 тысяч рублей, если родители назовут его Ахмад Хаджи. Кроме того, все родившиеся 23 августа дети получили по пять тысяч рублей. В этот день каждому детскому саду Чечни были выданы по 10 велосипедов, а общественный транспорт работал бесплатно³⁹⁸. Издается множество альбомов и книг о погибшем республиканском лидере, был снят художественный фильм «Ахмад», посвященный жизни Кадырова.

Это далеко не полный перечень символических и ритуальных акций в рамках утверждения регионального мифа о культурном герое в республике. Были попытки даже переименовать столицу республики город Грозный в Ахмат-Калу. Нынешний президент,

сын первого президента Чечни Рамзан Кадыров, позиционирует себя, прежде всего, как преемник отца. Все значимые события в регионе проходят под именем первого Президента Чеченской Республики, Героя России Ахмата-хаджи Кадырова.

В политическом процессе Республики Тува важное место занимает фигура министра обороны Российской Федерации Сергея Шойгу — регионального культурного героя. В республике существует настоящий культ нынешнего министра обороны России (при этом для жителей Тувы характерно стойкое убеждение, что Шойгу, по сути, является вторым лицом в российском государстве после Владимира Путина³⁹⁹): «Помог авторитет Сергея Шойгу. Чрезвычайного министра знают и уважают во всей России, то, что его родина — Тува, отпечаталось в сознании многих»⁴⁰⁰. Для земляков важно, что он «свой», «тувинец», он участник большой российской политики и один из самых влиятельных министров — так пишут о нем местные СМИ. Все опрошенные эксперты сошлись во мнении, что Сергей Кужугетович Шойгу — это национальный герой: *«он просто наш. Земляк. У него авторитет. Он почетный житель республики Тува. У нас есть дом-музей семьи Шойгу в городе Чадане, где он родился. Набережная имени отца. Город весь пропитан Шойгу»*; *«У него авторитет. Он почетный житель республики Тува... Город весь пропитан Шойгу»*; *«Уроженец Тувы, сейчас второе лицо в государстве. Безоговорочный авторитет Шойгу. Его слово в Туве — это закон. Он выше всех властей. Его люди очень действительно любят»*⁴⁰¹.

Наименованию в честь «героев» часто подвергаются различные объекты социальной и коммерческой инфраструктуры: фирмы, школы, библиотеки, университеты и т.д. В 2015 году Сыктывкарскому государственному университету, к примеру, было присвоено имя «великого сына народа» Питирима Сорокина⁴⁰².

Религиозные представления также являются частью нарративно-мифологического уровня институционализации этничности.

Одним из принципиальных идентификаторов Чеченской Республики является религиозный фактор — суннитский ислам. Образ мусульманского региона активно поддерживается и продвигается региональными элитами (в Грозном построена крупнейшая в Европе соборная мечеть им. Ахмата Кадырова «Сердце Чечни», а основные региональные праздники вписаны в религиозный календарь).

Интересным примером значимости религии является Республика Калмыкия. Для калмыков важной специфицирующей особенностью является буддизм: «Калмыкия — единственный регион в Европе, населенный буддистами. Здесь живет 320 тысяч человек — в основном это потомки золотоордынцев, после отступления монгольских ханов из России решивших не возвращаться на родину»⁴⁰³; «Буддизм — доминирующий идентификатор этнической идентичности калмыков, не язык»,⁴⁰⁴ — считают эксперты. К. Илюмжинов, будучи президентом республики, даже построил в Калмыкии самый крупный в Европе буддистский храм, а Далай-лама принимал участие в его освящении, тем самым, закрепив за Калмыкией статус центра европейского буддизма⁴⁰⁵. Несмотря на то, что родной язык калмыков — калмыцкий, владеет им менее 44% от численности калмыков, в общении доминирует русский язык: «Это русскоязычный регион. Это объединяющий, контр конфликтогенный фактор»⁴⁰⁶.

Во многих республиках активно поддерживаются традиционные верования коренных народов. К примеру, традиционной религией алтайцев считается шаманизм. В начале XX века на Горном Алтае начала возникать новая религиозная идеология «белая вера» — бурханизм. В его основе лежали элементы исторических мифов алтайского народа. На основании изучения имеющихся исторических материалов ученые пришли к выводу, что «белая вера» — ак дьанг (ак буркан jнг) представляет собой религиозную систему, органично включающую в себя традиции центрально-азиатского буддизма, древнетюркские «тенгрианские» и шаманские обряды и культы⁴⁰⁷. По мнению

некоторых экспертов, «белая вера — фактор раздробления алтайцев»⁴⁰⁸. В целом, сосуществование различных религий оценивается позитивно: «Стабильность удается сохранить за счет особых отношений, которые здесь сложились исторически. Пересеклись все три мировые религии, которые вынуждены были жить бок о бок, уживаться»⁴⁰⁹.

Воспроизводство этничности на уровне нарративов, таким образом, позволяет формировать устойчивые этнообразы, а их повторяемость через ритуалы (например, праздники) обеспечивает интеграцию сообщества.

Заключение

Предложенный автором настоящего исследования подход позволяет анализировать вариативность проявлений разнообразных этнических индикаторов в политике идентичности (на уровне институтов, символов и нарративов). Безусловно, в данной книге затронуты лишь основные грани, намечены перспективные и потенциальные области, каждая из которых способна в будущем составить полноценный объект для самостоятельного исследования. Базовый постулат, вокруг которого велось рассуждение — этничность выступает ресурсом политической борьбы за смыслы, ценности и идеи. Поэтому она является частью политики идентичности. Первоначальный характер такой политики — дискурсивный, однако дискурсы институционализируются в устоявшихся практиках.

Предложенное авторское понимание институционализации этничности в политике идентичности связано с анализом укоренения этнических категорий в политическом процессе республик и выполнении ими роли поддержания, изменения региональных институциональных порядков. В соответствии с данным положением предложена аналитическая модель, предполагающая выделение трех уровней процесса институционализации этничности в политике идентичности: нормативного, нарративно-мифологического и символического. Показано, что нормативный уровень связан с укоренением этнических категорий в политических институтах региона, что проявляется в нормативном закреплении этнического дискурса. Значимыми направлениями институционализации на данном уровне являются проявление этничности в нормативных документах, в распределении властных позиций, а также языковая политика, выражающая этнические преференции и др. Нарративно-мифологический уровень направлен на определение значимости этнических маркеров в дискурсе

региональной исторической памяти и мифотворчестве. Символический уровень был определен как инкорпорирование этничности в символические атрибуты региона.

Безусловно, выделенные уровни (нормативный, символический, нарративно-мифологический) и предложенная модель институционализации этничности в политике идентичности является аналитическим конструктом. Важно подчеркнуть взаимосвязь между каждым из них, поскольку очевидно, что формирование символического атрибута не обходится без его мифологизации (или может происходить наоборот: на основе значимого мифа устанавливается символический объект, например, памятник) и нормативного закрепления. Вместе с тем понятие «институционализации этничности в политике идентичности» открывает новые возможности в проведении сравнительных исследований политических процессов в этнических регионах.

Этнические маркеры являются важными для понимания специфики российских республик. Во-первых, они фиксируют срез особенностей сообщества, который может быть описан в объективированных категориях, они более понятны людям и воспринимаются как «свои» в силу осязаемого присутствия в региональной жизни. Маркеры этничности, таким образом, связаны с культурно-психологическим ядром ценностей регионального социума, определяют сложившиеся ментальные особенности, традиции и обычаи жителей. Во-вторых, этнические маркеры региональной идентичности могут приносить символические дивиденды: привлекают туристов, помогают выстраивать межрегиональные связи, способны вписать регион в более широкий макрорегиональный субъект (финно-угорский мир, например).

Можно констатировать, что во всех республиках РФ титульный этнос и связанные с ним феномены становятся важнейшими атрибутами региональной идентичности. Однако их функциональная роль и вариации трактовки отличаются.

В некоторых республиках наблюдается тренд в сторону утилитарной инструментальности, который означает фокус в сторону лишь формального присутствия этничности в идентичности региона. В таком случае этнические особенности населения становятся одним из компонентов общей уникальности региона наряду с географией, историей, культурой и др. В этом смысле прослеживается зависимость от соотношения этнических групп в составе населения: чем выше доля титульного этноса, тем выше степень значения этнических маркеров идентичности республики.

Однако важно понимать, что этнические маркеры могут становиться и точкой конфликта, разделяющей региональное сообщество. Политизация языка и религии титульной группы являются основополагающей темой идентификационных конфликтов в республиках РФ. Поэтому стоит особо отметить роль этнического компонента как важного ресурса позиционирования региональной уникальности сообщества, в том числе через культивирование идеи стабильности, многосоставности и мира в регионе. В этом курсе на грамотное управление «осознанием многообразия» лежит важное условие укрепления целостности страны и общероссийской гражданской идентичности.

Библиографический список

1. Acharya A. Do norms and identity matter? Community and power in Southeast Asia's regional order // *The Pacific Review*. 2005. Vol. 18. No 1. P. 95-118
2. Alderman D. Place, naming and the interpretation of cultural landscapes, in: *The Ashgate research companion to heritage and identity*, ed. by B. Graham, P. Howard, pp. 195
3. Anderson B. *Imagined Communities: Reflection on the Origin and Spread of rationalism*. London. 1983
4. Archilés F. & Martí M. Ethnicity, region and nation: Valencian identity and the Spanish nation-state. *Ethnic and Racial Studies*. 2001. Vol. 24. No 5. P. 780. DOI: 10.1080/01419870120063972
5. Arunkumar M.C. Meitei Diaspora and the Identity Politics // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2010. No 1-2. P. 1-12. DOI: 10.1080/09766634.2010. 11885533
6. Azaryahu M. The power of commemorative street names // *Environment and planning D: Society and Space*. 1996. No 14(3). P. 311-330
7. Béland D. Identity, politics, and public policy // *Critical Policy Studies*. 2017. Vol.11. No. 1. P. 1-18. <https://doi.org/10.1080/19460171.2016.1159140>
8. Bernstein M. Identity Politics // *Annual Review of Sociology*. 2005. Vol. 31. P. 47-74. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.29.010202.100054>
9. Bieber F. Institutionalizing Ethnicity in the Western Balkans Managing Change in Deeply Divided Societies. – ECMI Working Paper. No 19. February. 2004. http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2009/1899/pdf/working_paper_19.pdf
10. Boyne S., Hall D. Place promotion through food and tourism: Rural branding and the role of websites // *Place Branding*. 2004. No 1. P. 80-92.
11. Brubaker R. *Nationalism Reframed. Nationhood and National Question in the New Europe*. Cambridge, 1996
12. Brunila K. & Rossi L.-M. Identity politics, the ethos of vulnerability, and education // *Educational Philosophy and Theory*. 2018. Vol. 50. No 3. P. 287-298. <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1343115>
13. Castells M. *The Power of Identity*. Oxford: Blackwell. 2004
14. Clammer J. The institutionalization of ethnicity: The culture of ethnicity in Singapore // *Ethnic and Racial Studies*. 1982. Vol. 5. No. 2. P. 127-139. <https://doi.org/10.1080/01419870.1982.9993365>
15. Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism // *World Politics*. 1977. Vol. XXIX. No. 4. P. 552 - 583
16. Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives*, London: Pluto Press. 1993

17. Fields K. Demand for the gastronomy tourism product: motivational factors // *Tourism and Gastronomy*. London: Routledge, 2002. P. 36-50
18. French S., Coleman B., Dilorenzo M. Linking Racial Identity, Ethnic Identity, and Racial-Ethnic Socialization: A Tale of Three Race-Ethnicities. *Identity*. 2013. Vol. 13. No.1. P. 1-45. <https://doi.org/10.1080/15283488.2012.747438>
19. Hechter M. *Containing nationalism*. Oxford; New York: Oxford University Press. 2000
20. Jenkins R. *Social Identity*. London; New York: Routledge. 2008
21. Johnson C., Coleman A. The internal Other: Exploring the dialectical relationship between regional exclusion and the construction of national identity // *Annals of the Association of American geographers*. 2012. Vol. 102. No. 4. P. 863-880. <https://doi.org/10.1080/0045608.2011.602934>
22. Kaltmeier O., Raab J. & Thies S. Multiculturalism and Beyond: The New Dynamics of Identity Politics in the Americas // *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*. 2012. Vol. 7. No 2. P. 103-114. <https://doi.org/10.1080/17442222.2012.686327>
23. Klandermans P.G. Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35. No. 1. P. 1-22. <https://doi.org/10.1111/pops.12167>
24. Lieberman E.S., Singh P. *Institutionalized Ethnicity and Civil War*. 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/254063662_Institutionalized_Ethnicity_and_Civil_War (дата обращения: 04.05.2021)
25. Melucci A. *Challenging Codes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996
26. Orjuela C. Corruption and identity politics in divided societies // *Third World Quarterly*. 2014. Vol. 35. No. 5. P. 753-769. <https://doi.org/10.1080/1436597.2014.921426>
27. Paasi A. Region and place: regional identity in question // *Progress in Human Geography* 2003. Vol. 27. No. 4. P. 475-485
28. Paasi. A. The region, identity, and power // *Procedia Social and Behavioral Sciences* 2011. Vol. 14. P. 9–16.
29. Panov P. In search of inter-ethnic balance: ethnic composition and informal power-sharing in Russian national republics // *European Politics and Society*, Vol. 17. No. 3, P. 353–372 DOI: <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1183744>
30. Reuben S. Rose-Redwood. From number to name: symbolic capital, places of memory and the politics of street renaming in New York City // *Social & Cultural Geography*. 2008. Vol. 9. No. 4. P. 431-452. <https://doi.org/10.1080/14649360802032702>
31. Šifta M. & Chromý P. The importance of symbols in the region formation process // *Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography*. 2017. Vol. 71. No. 2. P. 98-113. DOI: [10.1080/00291951.2017.1317285](https://doi.org/10.1080/00291951.2017.1317285)

32. Social theory and the politics of identity / Ed. by C. Calhoun. Cambridge, MA: Wiley-Blackwell, 1994
33. Wald N. Bridging identity divides in current rural social mobilization // *Identities*. 2013. Vol. 20. No. 5. P. 598-615. <https://doi.org/10.1080/1070289X.2013.819001>
34. Абдулатипов Р. Г. Гражданско-патриотическая модель этнонациональной политики России. М.: Государственная дума, 2012
35. Арсентьев Н. М. Празднование тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства как фактор формирования социальной памяти россиян // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2012. № 2 (18). С. 24-31
36. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004
37. Ачкасов В. А. Конфликтный потенциал этнофедерализма // *ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза*. Т.4. № 2. СПб.: Изд.СПб. университета, 2008. С. 27-43
38. Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П.В. Панова. М.: Политическая энциклопедия, 2017
39. Барретт Т. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // *Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Антология*. Самара, 2000. Т. 2: Императорский период. С. 163-194
40. Бахлов И. В. Оформление принципа национальной автономии как основы государственного устройства современной России // *Вестник Мордовского университета*. 2012. № 3-4. С. 50-55
41. Борисова Н. В. Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межетнических отношениях. М.: Политическая энциклопедия, 2017
42. Бедерсон В. Д. Шолом-Алейхем и «вынужденный еврейский национализм» в идентичности Еврейской автономной // *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*. № 2. С. 98-104
43. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-центр, Медиум. 1995
44. Богатова О. А., Полутин С. В., Полутина Е. В. Институционализация этничности и механизмы национальной политики в зеркале общественного мнения // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2012. № 4 (24). С. 41-48
45. Богатова О. А., Чиркова О. Н. Формирование этнокультурного образа Республики Мордовия в региональном брендинге // *Регионоведение*. 2013. № 3. С. 68-75. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1145>

46. Бортникова Т. А. Институционализация этнического: культурологический анализ. Докторская диссертация. Тамбов, 2004
47. Борьба за идентичность и новые институты коммуникации» / Под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: РОССПЭН, 2012
48. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012
49. Валуев В. Н. Ресурс этничности в позиционировании региона в мире: Республика Татарстан. URL: http://www.kazanfed.ru/papers/1/#_ftn3 (дата обращения: 30.10.2021)
50. Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
51. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991
52. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013
53. Докучаев Д. С. Региональная идентичность в Ивановской области: политика конструирования образа территории. Иваново: Издательство ИвГУ, 2016
54. Долгаева Е. И. Факторы общероссийской национально-гражданской идентичности в интерпретации жителей полиэтничного региона // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2018. Т. 26. № 1. С. 123–140. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.123-140
55. Дробижева Л. М. Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал в консолидации политэтнического общества // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Издание 2-е и дополненное. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 107-119
56. Дробижева Л. М. Потенциал благоприятных отношений в областях Приволжского региона (по результатам социологических исследований) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 3(35). С. 64-72
57. Дробижева Л. М. Этническая идентичность. // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Словарь терминов и понятий. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН. 2011. С. 130-134
58. Ефремова В. Н. Новые государственные праздники России и их осмысление в официальном политическом дискурсе // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». 2011. № 3 (15). С. 53-65
59. Жаде З. А. Геополитическая идентичность России в условиях глобализации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Краснодар – 2007. <http://dissers.ru/avtoreferati-doktorskih-dissertatsii/politika/147/> (дата обращения: 30.10.2021)
60. Завадская М. А. Проблема измерения политической институционализации: современное состояние

исследований // Политическая наука. 2009. № 3. С. 56-70

61. Ким А. С., Довгополов Е. Ю. Институционализация этнической политики в современной России (на примере Дальневосточного региона). М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016

62. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2002. № 6. С. 67-116

63. Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003-2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. М.: Центр «Панорама», 2009.

64. Ламажаа Ч. «Тувинцы и власть» // Центр Азии. №23. 15–22.06.2007. http://www.centerasia.ru/issue/2007/23/722-tuvincy_i_vlast.html (дата обращения: 30.10.2021)

65. Маклашова Е. Г., Астахова И. С. Этничность и идентичность: соотношение и особенности формирования в условиях национального субъекта РФ // Дискурс Пи. 2014. №2. С. 73-78

66. Малахов В. С. Аллохтоны и автохтоны: мигранты как субъект социального (взаимо)действия // Политические исследования. 2015. №1. С. 111-125

67. Малахов В. С. Проблемы изучения национализма и этничности в конструктивистской парадигме: (На примере российского обществоведения последних десяти лет) // Политическая наука. 2002. № 4

68. Малинова О. Ю. Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ

соперничающих нарративов // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 37-56

69. Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России: монография / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки. М., 2013

70. Малинова О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: От 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования, 2016. № 6. С. 139–158

71. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105

72. Миненков Г. Я. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории // Политическая наука / РАН. ИНИОН. М., 2005. № 3. С. 21–38

73. Морозов С. А., Морозова Е. В. Политическая мифология: региональный аспект // Культура. Политика. Молодежь. Сборник научных статей. Вып. 4. Ч. 2. М., 2001. С. 107-110

74. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Семененко И. С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56-77. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05>

75. Мукомель В., Паин Э. Новые диаспоры. Государственная политика

по отношению к соотечественникам и национальным меньшинствам. М.: «Диполь-Т», 2002

76. Назукина М. В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 78-92

77. Назукина М. В. Конкурс «Великие имена России» в российских республиках: этнический дискурс политики идентичности // Мир России. 2020. Т. 29. № 1. С. 132–152. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-132-152

78. Назукина М. В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России // Регионология. 2018. Т. 26. № 4. С. 698-717. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717>

79. Назукина М. В., Подвинцев О. Б. Региональная идентичность в Российской Федерации: преодолевая имперское наследие // Политическая идентичность и политика идентичности - «Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке» / отв. ред. И. С. Семененко (М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) 2012. С. 258-283

80. Назукина М. В., Филиппова Е. Ю. Поздравительный дискурс «Дня республики» как компонент региональной политики идентичности: этничность имеет значение? // Ars Administrandi (Искусство управления). 2019. Т. 11. № 3. С. 345–359.

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-3-345-359

81. Нойман И. Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Монография. М.: Новое издательство, 2004

82. Осипов А. Г. Механизмы институционализации этничности. – Сообщества как политический феномен. Под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009. С. 188-206

83. Паин Э. А. Динамика этнополитической ситуации в современной России // Полития. 2004. № 2. 27-51

84. Панов П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН. 2011

85. Панов П. В. Структурные факторы институционализации этничности в политике «национальных республик» Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. № 4. С.5-18. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-5-18

86. Панов П. В., Филиппова Е. Ю. Практики распределения властных позиций в российских «национальных республиках»: проблема межэтнического баланса // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2015. №3. С. 33-50

87. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999. № 5

88. Пушкарева Г. В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 156-173. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>
89. Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И. С. Семенов; Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И. С. Семенов. М.: Издательство «Весь Мир», 2017
90. Российская Арктика в поисках интегральной идентичности: коллективная моногр. Отв. ред. О. Б. Подвинцев. М.: Новый хронограф, 2016
91. Сагитова Л. В. Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы: монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2018
92. Семенов И. С. Политика идентичности / Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И. С. Семенов. М.: Издательство «Весь Мир». 2017
93. Семенов И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. М., 2016. № 4. С. 8–28
94. Семенов И. С. (ред.) Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад. М.: ИМЭМО РАН. 2017. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2017/2017_018.pdf (дата обращения: 04.11.2021)
95. Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. по- лит. науки; Ред. кол.: Малинова О. Ю., гл. ред., и др. М., 2017. Вып. 5: Политика идентичности
96. Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М.:ИНФРА-М, 2004
97. Степанов В. В., Тишков В. А. Этническая нетерпимость как объект анализа / Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / ред. Степанов В. В., Тишков В. А. М.: ИЭА РАН, 2014
98. Тишков В. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
99. Туровский Р. Ф. Политическая регионалистика. URL: <http://textbooks.studio/uchebnik-teoriya-politiki/natsionalno-territorialnaya-avtonomiya.html> (дата обращения: 25.10.2021)
100. Тышта Е. В. Эволюция политического представительства в республиках Южной Сибири в 1990–2000-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №6 (26). С. 83-90

101. Фадеева Л. А. Политика идентичности: акторы, стратегии, дискурсы // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И. С. Семененко. С. 72–98
102. Фадеева Л. А., Назукина М. В. Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // Политическая наука. 2020. № 1. С. 201-220. DOI: 10.31249/poln/2020.01.08
103. Филиппов В. Р. Реформирование российской государственности: политизация этничности или деэтнизация политики? // Казанский федералист. №1. Зима 2002. URL: http://www.kazanfed.ru/dokladi/jornal/kazfed_1.pdf
104. Филиппова Е. И. «Этническая» или «региональная» идентичность? (как принятые в России и во Франции способы классификации населения влияют на формирование коллективных идентичностей) // «Французские тетради: диалоги и переводы» / отв. ред. Е.И.Филиппова. М., 2008
105. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М., 2004
106. Хобсбаум Э. Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России, пер. с англ. В. Л.
107. Цумарова Е. Ю. Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. Пермь, 2012. № 2. С. 5–16
108. Шабаев Ю. П., Садохин А. П. Регионализм и этничность в пространстве публичной политики: идеологии и политические практики // ПОЛИТ-ЭКС. 2012. Том 8. № 2. С.142-145
109. Шабаев Ю. П., Садохин А. П. Дискурс этнической и гражданской идентичности. Финно-угорский мир России в материалах переписи 2010 г. // Политические исследования. 2013. № 3. С. 113-125
110. Шерстова Л. И. Новые идентичности в Южной Сибири // Дневнике АШПИ. № 21 (июль 2005 г.). URL: <http://ashpi.asu.ru/studies/2005/shrstva.html> (дата обращения: 05.11.2021)
111. Шестопалов А., Стась А. Роль брендинга в реализации стратегии развития территории // Технологии управления маркетингом. 2007. № 1.
112. Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006
113. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / под ред. Ф. Барта. М., 2006

Сведения об авторе

Назукина Мария Викторовна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов ПФИЦ УрО РАН. Специалист по проблематике идентичности в современной России, координатор научного сетевого ресурса «Экспертная сеть по исследованию идентичности» (<http://www.identityworld.ru/>), объединяющего деятельность специалистов из различных областей, занимающихся изучением проблем идентичности. К настоящему времени имеет свыше 80 публикаций по проблемам идентичности. Доцент ПГНИУ, преподает студентам кафедры политических наук региональные политические исследования и теорию дискурс-анализа. Ведёт активную научную деятельность в рамках Исследовательского комитета Российской ассоциации политической науки (РАПН). Результаты исследований были представлены в докладах, презентациях и выступлениях на более чем 70 научных мероприятиях, включая международные и всероссийские конференции, научные семинары, круглые столы. Участник и руководитель исследовательских проектов, реализуемых при поддержке РФФ, РГНФ, РФФИ, Президента РФ, Президиума УрО РАН и др. Лауреат Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов Общественной палаты «Держава» в номинации «Великая Держава» (Москва, 2006 г.); Лауреат Премии Президиума УрО РАН имени члена-корреспондента П. И. Рычкова (Екатеринбург, 2015 г.). Победитель конкурса РАПН на лучшую индивидуальную монографию в 2019 г. (Назукина М. В. Между Уралом и Поволжьем: поиски пермской идентичности. Пермь: «Печатный салон «Гармония», 2018. 196 с.). E-mail: nazukina@mail.ru

Примечания

1. Фадеева Л. А., Назукина М. В. Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // Политическая наука. 2020. № 1. С. 201–220. DOI: 10.31249/poln/2020.01.08

2. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Семененко И. С. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05>

3. Атлас этнических региональных автономий. URL: http://identityworld.ru/shop/atlas_era (дата обращения: 01.11.2021)

4. Arunkumar M. C. Meitei Diaspora and the Identity Politics // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2010. N 1–2. P. 1–12. DOI: 10.1080/09766634.2010.11885533, Bernstein M. Identity Politics // Annual Review of Sociology. 2005. Vol. 31. P. 47–74. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.29.010202.100054>, Brunila K. & Rossi L.-M. Identity politics, the ethos of vulnerability, and education // Educational Philosophy and Theory. 2018. Vol. 50. No 3. P. 287–298. <https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1343115>

5. Béland D. Identity, politics, and public policy // Critical Policy Studies. 2017. Vol.11. No. 1. P. 1–18. <https://doi.org/10.1080/19460171.2016.1159140>, Wald N. Bridging identity divides in current rural social mobilization // Identities. 2013. Vol. 20. No. 5. P. 598–615. <https://doi.org/10.1080/1070289X.2013.819001>

6. Melucci A. Challenging Codes. Cambridge: Cambridge University Press, 1996

7. Castells M. The Power of Identity. Oxford. 1997.), С. Калхуна (Social theory and the politics of identity / Ed. by C. Calhoun. – Cambridge, MA: Wiley-Blackwell, 1994

8. Миненков Г. Я. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории // Политическая наука / РАН. ИНИОН. М., 2005. № 3. С. 21–38. И др.

9. Семененко И. С. Политика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. / Отв. ред. И. С. Семененко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: Словарь терминов и понятий. С. 162–168. Семененко И. С. Политика идентичности и идентичность

в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. М., 2016. № 4. С. 8–28. и др.

10. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования, 2010. № 2. С. 90–105. Малинова О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: От 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования, 2016. № 6. С. 139–158. Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. по-лит. науки; Ред. кол.: Малинова О. Ю., гл. ред., и др. М., 2017. Вып. 5: Политика идентичности.

11. Фадеева Л. А. Политика идентичности: акторы, стратегии, дискурсы // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И. С. Семенов. С. 72–98 и др.

12. Идентичность как предмет политического анализа: Сб. статей / Отв. ред. И. С. Семенов, Л. А. Фадеева. М., 2011; Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / Отв. ред. И. С. Семенов; Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И. С. Семенов. М.: Издательство «Весь Мир», 2017.

13. Борьба за идентичность и новые институты коммуникации // Под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: РОССПЭН, 2012.

14. Dittmer L. Political Culture and Political Symbolism // World Politics. 1977. Vol. XXIX. № 4.

15. Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России: монография / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки. М., 2013

16. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999. № 5; и др.

17. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2002. № 6. С. 67–116; Нойман И. Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Монография. М.: Новое издательство, 2004, 2004; Paasi A. Region and place: regional identity in question // Progress in Human Geography 27. № 4 (2003). P. 475–485;

Acharya A. Do norms and identity matter? Community and power in Southeast Asia

18. Сагитова Л. В. Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы: монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2018. 360 с.

19. Назукина М. В., Подвинцев О. Б. Региональная идентичность в Российской Федерации: преодолевая имперское наследие // Политическая идентичность и политика идентичности – «Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке» / отв. ред. И. С. Семенов (М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) 2012. С. 258–283

20. Российская Арктика в поисках интегральной идентичности: коллективная моногр. отв. ред. О. Б. Подвинцев. М.: Новый хронограф, 2016.

21. Цумарова Е. Ю. Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. Пермь, 2012. № 2. С. 5–16.

22. Докучаев Д. С. Региональная идентичность в Ивановской области: политика конструирования образа территории. Иваново: Издательство ИвГУ, 2016

23. Бедерсон В. Д. Шолом-Алейхем и «вынужденный еврейский национализм» в идентичности Еврейской автономной // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». № 2. С. 98–104

24. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижеева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. Долгаева Е. И. Факторы общероссийской национально-гражданской идентичности в интерпретации жителей полиэтнического региона // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2018. Т. 26. № 1. С. 123–140; Маклашова Е. Г., Астахова И. С. Этничность и идентичность: соотношение и особенности формирования в условиях национального субъекта РФ // Дискурс Пи. 2014. № 2. С. 73–78

25. Филиппов В. Р. Реформирование российской государственности: политизация этничности или деэтнизация политики? // Казанский федералист. № 1. Зима 2002. URL: http://www.kazanfed.ru/dokladi/jornal/kazfed_1.pdf; Валуев В. Н. Ресурс этничности в позиционировании региона в мире: Республика Татарстан. URL: http://www.kazanfed.ru/papers/1/#_ftn3; Богатова О. А., Чиркова О. Н. Формирование этнокультурного образа Республики Мордовия в региональном брендинге // Регионология. 2013. № 3. С. 68–75. URL: <https://regionsar.ru/ru/node/1145>

26. Brubaker R. *Nationalism Reframed. Nationhood and National Question in the New Europe*. Cambridge, 1996), Геллнера Э. (Геллнер Э. *Нации и национализм*. М., 1991

27. Смит Э. *Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма*. М.: ИНФРА-М, 2004

28. Малахов В. С. *Проблемы изучения национализма и этничности в конструктивистской парадигме: (На примере российского обществоведения последних десяти лет)* // *Политическая наука*. 2002. № 4

29. Абдулатипов Р. Г. *Гражданско-патриотическая модель этнонациональной политики России*. М.: Государственная дума, 2012

30. Степанов В. В., Тишков В. А. *Этническая нетерпимость как объект анализа / Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / ред. Степанов В. В., Тишков В. А.* М.: ИЭА РАН, 2014

31. Ачкасов В. А. *Конфликтный потенциал этнофедерализма* // *ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза*. Т. 4. № 2. СПб.: Изд. СПб. университета, 2008

32. Дробижева Л. М. *Гражданская российская идентичность: динамика и потенциал в консолидации политэтнического общества* // *Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Издание 2-е и дополненное*. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 107–119. ИНАБ № 2–2015. *Межнациональное согласие в региональном контексте [Электронный ресурс] сб. науч. ст. / Рук. проекта и отв. редактор Л. М. Дробижева. – Электрон. текст. дан. (объем 0,94 Мб) – М.: Институт социологии РАН, 2015. – 125 с. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD ROM); Дробижева Л. М. *Потенциал благоприятных отношений в областях Приволжского региона (по результатам социологических исследований)* // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2015. № 3(35). С. 64–72. и др.*

33. Шабаев Ю. П., Садохин А. П. *Дискурс этнической и гражданской идентичности. Финно-угорский мир России в материалах переписи 2010 г.* // *Политические исследования*. 2013. № 3.

34. Долгаева Е. И. *Факторы общероссийской национально-гражданской идентичности в интерпретации жителей полиэтничного региона* // *РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY*. 2018. Т. 26. № 1. С. 123–140. DOI: 10.15507/2413–1407.102.026. 201801.123–140

35. Филиппова Е. И. *«Этническая» или «региональная» идентичность? (как принятые в России и во Франции способы классификации*

населения влияют на формирование коллективных идентичностей) // «Французские тетради: диалоги и переводы» / отв. ред. Е. И. Филиппова. М., 2008

36. Бортникова Т. Г. Институционализация этнического: культурологический анализ. Тамбов, 2004

37. Богатова О. А., Полутин С. В., Полутина Е. В. Институционализация этничности и механизмы национальной политики в зеркале общественного мнения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 4 (24). С. 41–48

38. Ким А. С., Довгополов Е. Ю. Институционализация этнической политики в современной России (на примере Дальневосточного региона). М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016

39. Осипов А. Г. Механизмы институционализации этничности // Сообщества как политический феномен. под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 188–206

40. Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П. В. Панова. М.: Политическая энциклопедия, 2017

41. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / под ред. Ф. Барта. М., 2006; Anderson B. Imagined Communities: Reflection on the Origin and Spread of nationalism. London. 1983; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Хобсбаум Э. Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России пер. с англ. В.Л.; Тишков В. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. 544 с.; Дробижева Л. М. Этническая идентичность // Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И. С. Семенов. М., 2012. С. 130, Паин Э. А. Динамика этнополитической ситуации в современной России // Политика. 2004. № 2. 27–51., Мукомель В., Паин Э. Новые диаспоры. Государственная политика по отношению к соотечественникам и национальным меньшинствам. М.: «Диполь-Т», 2002; Малахов В. С. Аллохтоны и автохтоны: мигранты как субъект социального (взаимо)действия // Политические исследования. 2015. № 1 и др.

42. Paasi. A. The region, identity, and power // Procedia Social and Behavioral Sciences 14 (2011) 9–16. P. 12

43. Castells M. The Power of Identity. Oxford: Blackwell, 2004. P. 337.

44. Часть полевых работ в республиках осуществлялась в рамках проекта Российского научного фонда (№ 15–18–00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств»), который реализовывался в 2015–2018 гг. группой исследователей кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета и отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН.

45. Впервые опубликовано: Назукина М. В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 78–92.

46. Малинова О. Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: Проблемы концептуализации // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. по- лит. науки; Ред. кол.: Малинова О. Ю., гл. ред., и др. 2017. М. Вып. 5: Политика идентичности. С. 10. <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/213603497> (дата обращения: 04.05.2021).

47. Семененко И. С. Политика идентичности / Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И. С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир». 2017. С. 647

48. Orjuela C. Corruption and identity politics in divided societies // *Third World Quarterly*. 2014. Vol. 35. No. 5. P. 755. <https://doi.org/10.1080/01436597.2014.921426>

49. Kaltmeier O., Raab J. & Thies S. Multiculturalism and Beyond: The New Dynamics of Identity Politics in the Americas // *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*. 2012. Vol. 7. No 2. P. 103–114. <https://doi.org/10.1080/17442222.2012.686327>
Klandermans P. G. Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35. No. 1. P. 1–22. <https://doi.org/10.1111/pops.12167>

50. Eriksen T. H. *Ethnicity and Nationalism. Anthropological Perspectives*, London: Pluto Press. 1993. P. 36.

51. French S., Coleman B., Dilenzo M. Linking Racial Identity, Ethnic Identity, and Racial-Ethnic Socialization: A Tale of Three Race-Ethnicities. *Identity*. 2013. Vol. 13. No.1. P. 3. <https://doi.org/10.1080/15283488.2012.747438>

52. Archilés F. & Martí M. Ethnicity, region and nation: Valencian identity and the Spanish nation-state. *Ethnic and Racial Studies*. 2001. Vol. 24. No 5. P. 780. DOI: 10.1080/01419870120063972

53. Jenkins R. *Social Identity*. London; New York: Routledge. 2008. P. 14.

54. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. С. 116.

55. Дробижева Л. М. Этническая идентичность. // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Словарь терминов и понятий. Отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН. 2011. С. 43.

56. Барт Ф. Введение / Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей. Под ред. Ф. Барта. М.: Новое изд-во. 2006. С. 12.

57. Там же. С. 17.

58. Семенов И. С. (ред.) Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад. М.: ИМЭМО РАН. 2017. С. 26. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2017/2017_018.pdf (дата обращения: 04.11.2021).

59. Bieber F. Institutionalizing Ethnicity in the Western Balkans Managing Change in Deeply Divided Societies. – ECMI Working Paper. No 19. February. 2004. http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2009/1899/pdf/working_paper_19.pdf

60. Ким А. С., Довгополов Е. Ю. Институционализация этнической политики в современной России (на примере Дальневосточного региона). М.: Международный издательский центр «Этносоциум». 2016. С. 7.

61. Панов П. В. (ред.) Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств. М.: Политическая энциклопедия. 2017. С. 9.

62. Clammer J. The institutionalization of ethnicity: The culture of ethnicity in Singapore. // *Ethnic and Racial Studies*. 1982. Vol. 5. No. 2. P. 128. <https://doi.org/10.1080/01419870.1982.9993365>

63. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-центр, Медиум. 1995. 334 с.

64. Там же. С. 103–104.

65. Панов П. В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М.: РОССПЭН. 2011. С. 63.

66. Lieberman E. S., Singh P. Institutionalized Ethnicity and Civil War. 2011. URL: <https://www.researchgate.net/>

publication/254063662_Institutionalized_Ethnicity_and_Civil_War (дата обращения: 04.05.2021).

67. Hechter M. *Containing nationalism*. Oxford; New York: Oxford University Press. 2000. P. 23.

68. Castells M. *The Power of Identity*. Oxford: Blackwell. 2004. P. 337.

69. Johnson C., Coleman A. The internal Other: Exploring the dialectical relationship between regional exclusion and the construction of national identity // *Annals of the Association of American geographers*. 2012. Vol. 102. No. 4. P. 864. <https://doi.org/10.1080/00045608.2011.602934>

70. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012. 408 с.

71. Осипов А. Г. Механизмы институционализации этничности. – Сообщества как политический феномен. Под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2009. С. 188–206.

72. Завадская М. А. Проблема измерения политической институционализации: современное состояние исследований // *Политическая наука*. 2009. № 3. С. 60.

73. Lieberman E. S., Singh P. *Institutionalized Ethnicity and Civil War*. 2011.

74. Panov P. In search of inter-ethnic balance: ethnic composition and informal power-sharing in Russian national republics // *European Politics and Society*. 2016. Vol. 17. No. 3. P. 353–372. <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1183744>

75. Панов П. В. Структурные факторы институционализации этничности в политике «национальных республик» Российской Федерации // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2019. № 4. С. 5–18. DOI: 10.17072/2218–1067–2019–4–5–18

76. Интервью с экспертом, Горно-Алтайск, 26.08.2015. Личный архив автора.

77. Малинова О. Ю. Политика идентичности как борьба за смыслы: Проблемы концептуализации // *Символическая политика: Сборник научных трудов*. Вып. 5: Политика идентичности. Гл. ред. Малинова О. Ю. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 5.

78. Назукина М. В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России // *Регионоведение*. 2018. Т. 26. № 4. С. 698. <https://doi.org/10.15507/2413–1407.105.026.201804.698–717>

79. Пушкарева Г. В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 161. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>

80. Борисова Н. В. Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях. М.: Политическая энциклопедия, 2017

81. Reuben S. Rose-Redwood. From number to name: symbolic capital, places of memory and the politics of street renaming in New York City // Social & Cultural Geography. 2008. Vol. 9. No. 4. P. 433. <https://doi.org/10.1080/14649360802032702>

82. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 23.09.2021).

83. Республика. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Республика> (дата обращения: 23.05.2021).

84. Декларация прав народов России // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5307/> (дата обращения: 25.10.2021).

85. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/chapter/3/> (дата обращения: 25.10.2021).

86. Административно-территориальное деление РСФСР // Российская Империя. История государства Российского. URL: <https://www.rusempire.ru/sssr/administrativno-territorialnoe-delenie-rsfsr.html> (дата обращения: 25.10.2021).

87. Бахлов И. В. Оформление принципа национальной автономии как основы государственного устройства современной России // Вестник Мордовского университета. 2012. № 3–4. С. 52.

88. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508616/chapter/4/ (дата обращения: 25.10.2021).

89. История развития автономий в России // Дмитриев Ю., Петров С., Амирбеков К. Проблемы теории права. URL: <http://www.adhdportal.>

com/book_2614_chapter_23_ISTORIJA_RAZVITIJA_AVTONOMIJJ_V_ROSSII.html (дата обращения: 25.10.2021).

90. Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств / под ред. П. В. Панова. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 79.

91. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/2/#block_1200 (дата обращения: 25.10.2021).

92. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/chapter/2/#block_200 (дата обращения: 25.10.2021).

93. Там же. Сайт Конституции Российской Федерации. URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1937/red_1937/3959896/chapter/8/ (дата обращения: 25.10.2021).

94. Туровский Р. Ф. Политическая регионалистика. URL: <http://textbooks.studio/uchebnik-teoriya-politiki/natsionalno-territorialnaya-avtonomiya.html> (дата обращения: 25.10.2021).

95. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/> (дата обращения: 25.10.2021).

96. Там же. Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/> (дата обращения: 25.10.2021).

97. Декларация о государственном суверенитете Северо-Осетинской Автономной Советской Социалистической Республики // К Союзу суверенных народов. Сборник документов КПСС, законодательных актов, деклараций, обращений и президентских указов, посвященных проблеме национально- государственного суверенитета. Москва, 1991. С. 279.

98. Панов П. В., Филиппова Е. Ю. Практики распределения властных позиций в российских «национальных республиках»: проблема

межэтнического баланса // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2015. № 3. С. 37. в группы регионов добавлены автономные округа и автономная область.

99. По переписи в КФО в 2014 году, доля русских от указавших национальность в республике Крым (исключая Севастополь) составила 65,2%. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Крыма#cite_note-Всего-82 (дата обращения: 25.10.2021).

100. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.10.2021). В таблицу не включена республика Крым. **101.** Преамбула. Конституция Республики Татарстан. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_tatar/chapter/1/#block_1001 (дата обращения: 04.11.2021)

102. Преамбула. Конституция Чувашской республики. <https://docs.cntd.ru/document/804959957> (дата обращения: 04.11.2021).

103. Преамбула. Конституция Карачаево-Черкесской Республики URL: <https://docs.cntd.ru/document/720705884> (дата обращения: 04.11.2021).

104. Конституция Республики Башкортостана URL: <https://docs.cntd.ru/document/935100256> (дата обращения: 04.11.2021).

105. Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия URL: <https://docs.cntd.ru/document/720705887> (дата обращения: 04.11.2021).

106. Конституция Республики Хакассия URL: <https://docs.cntd.ru/document/804957110> (дата обращения: 04.11.2021).

107. Татарстан Республикасы Конституциясе // Официальный Татарстан. URL: <https://tatarstan.ru/tat/documents.htm> (дата обращения: 04.11.2021).

108. Чăваш республикин конституций // Официальный портал органов власти Чувашской Республики. URL: <https://chuv.car.ru/about/constitution> (дата обращения: 04.11.2021).

109. Сколько президентов может быть в России? // Регионы on-line, 22.12.2015. URL: <http://www.gosrf.ru/news/21530/> (дата обращения: 04.06.2017).

110. Интервью с экспертом, Казань, июль 2019. Личный архив автора.

111. О Статусе национального административно-территориального образования в местностях (на территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов севера республики Саха (Якутия)

(новая редакция) от 27.01.2005 3 N 420-III URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazazru/texts06/txt06036.htm> (дата обращения: 25.10.2021).

112. Административно-территориальное деление // Официальный информационный портал Республики Саха (Якутия). URL: <https://www.sakha.gov.ru/administrativno-territorialnoe-delenie> (дата обращения: 25.10.2021)

113. Интервью с экспертом З. Якутск, октябрь 2015.

114. Власти Татарии призвали указывать в переписи национальность «татарин» // ИА REGNUM, 09.11.2021. URL: <https://regnum.ru/news/society/3417059.html> (дата обращения: 25.10.2021).

115. Там же.

116. Радий Хабиров принял участие во Всероссийской переписи населения. URL: https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/147396.html (дата обращения: 25.10.2021).

117. *kokov_kazbek_* Принял участие во Всероссийской переписи населения, которая началась 15 октября и продлится до 14 ноября текущего года. URL: <https://www.instagram.com/p/CVPmncul7dV/> (дата обращения: 25.10.2021).

118. Отчет Кокова об участии в переписи вызвал споры в соцсети // Кавказский узел, 20.10.2021. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/369284/> (дата обращения: 25.10.2021).

119 Официальные сайты республик: Адыгея <http://www.adygheya.ru/>, Алтай <http://altai-republic.ru/authorities-of-republic/>, Башкортостан <https://www.pravitelstvorb.ru/ru/>, Бурятия <http://egov-buryatia.ru/>, Дагестан <https://xn-80aaich3c0ai.xn-p1ai/organy-vlasti/organy-vlasti.html>, Ингушетия <http://www.ingushetia.ru/> <http://www.pravitelstvoru.ru>, Кабардино-Балкария <http://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/>, Калмыкия <http://glava.region08.ru/ru.html> <http://www.kalmregion.ru/>, Карачаево-Черкесия <http://kchr.ru/>, Карелия <http://www.gov.karelia.ru/>, Коми <https://gov.rkomi.ru/>, Марий Эл <http://mari-el.gov.ru/government/Pages/main.aspx>, Мордовия <http://www.e-mordovia.ru/>, Северная Осетия <http://alania.gov.ru/>, Татарстан, <http://prav.tatarstan.ru/>, Тува <http://gov.tuva.ru/>, Удмуртия <http://www.udmurt.ru/>, Хакасия <https://r-19.ru/>, Чечня <http://www.chechnya.gov.ru/>, Чувашия <http://www.cap.ru/>, Якутия <https://prav.sakha.gov.ru/> (дата обращения: 25.10.2021).

120. Интервью с экспертом. Майкоп, май 2021. Личный архив автора.

121. Панов П. В. Структурные факторы институционализации этничности в политике «национальных республик» Российской Федерации

// Вестник Пермского университета. Политология. 2019. № 4. С. 5–18.
DOI: 10.17072/2218–1067–2019–4–5–18

122. Для написания данной главы использовались материалы профайлов, подготовленные автором в рамках проекта Российского научного фонда (№ 15–18–00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств»), который реализовывался в 2015–2018 гг. группой исследователей кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета и отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. URL: http://identityworld.ru/shop/atlas_era/russia (дата обращения: 11.10.2021)

123. Panov P. In search of inter-ethnic balance: ethnic composition and informal power-sharing in Russian national republics // EUROPEAN POLITICS AND SOCIETY. 2016. VOL. 17. NO. 3. P. 368

124. Состав Парламента Чеченской республики. <https://parlamentchr.ru/deputatskij-korpus/kashlyunov-dmitrij-vladimirovich.html> (дата обращения: 11.10.2021)

125. Светличный Василий Иванович. Народного Собрания Республики Ингушетия. URL: <https://parlamentri.ru/index.php/sostav-i-struktura/deputaty/50-svetlichnyj-vasilij-ivanovich> (дата обращения: 29.03.2017). Архив автора.

126. Депутаты Народного Собрания Республики Ингушетия. URL: <https://parlamentri.ru/index.php/sostav-i-struktura/deputaty> (дата обращения: 27.10.2021).

127. Биография Сергея Меняйло: что известно о новом главе Северной Осетии. “КП” публикует биографию Сергея Меняйло, нового главы Северной Осетии // WWW.STAV.KP.RU, 09.09.2021. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/27263.5/4395712/> (дата обращения: 11.10.2021).

128. Мачнев Алексей Васильевич // Республика Северная Осетия – Алания. <http://alania.gov.ru/persons/207> (дата обращения: 11.10.2021)

129. Тайсаев К. К. на заседании Государственной Думы: «Национальный вопрос в современной России остается одним из самых важных» // Сайт КПРФ, 23.03.2016. URL: <http://www.pkokprf.ru/news/view/30091> (дата обращения: 13.05.2017).

130. Интервью с экспертом 1. Владикавказ, сентябрь 2015. Личный архив автора.

131. Интервью с экспертом З. Владикавказ, сентябрь 2015. Личный архив автора.

132. 25 лет со дня регистрации республиканского межнационального движения «Наша Осетия» // Архивная служба СО-А, 16.11.2016 <http://archive-osetia.ru/25-let-so-dnya-registracii-respublikanskogo-mezhnacionalnogo-dvizeniya-nasha-osetiya/> (дата обращения: 13.10.2021).

133. Интервью с экспертом 2,3. Владикавказ, сентябрь 2015. Личный архив автора.

134. Панов П. В., Филиппова Е. Ю. Практики распределения властных позиций в российских «национальных республиках»: проблема межэтнического баланса // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2015. № 3. С. 40.

135. Panov P. In search of inter-ethnic balance: ethnic composition and informal power-sharing in Russian national republics // EUROPEAN POLITICS AND SOCIETY, 2016. VOL. 17, NO. 3, P. 361.

136. Егорова Татьяна Борисовна <http://zampolit.com/dossier/egorovataatyuana-borisovna/> (дата обращения: 13.10.2021)

137. Отчет Коква об участии в переписи вызвал споры в соцсети // Кавказский Узел, 21.10.2021. Источник: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/369284/> (дата обращения: 13.10.2021).

138. Состав депутатов Парламента Кабардино-Балкарской Республики VI созыва. URL: https://parlament.kbr.ru/deputatskiy_korpus/ (дата обращения: 03.10.2021).

139. Цит по: Панов П. В., Филиппова Е. Ю. Практики распределения властных позиций в российских «национальных республиках»: проблема межэтнического баланса // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2015. № 3. С. 40–41.

140. Карачаево-Черкесия: непростой этнический баланс, 25.05.2016. URL: <http://zampolit.com/analytics/karachaevo-cherkesiya-neprostoynetnicheskiy-balans/> (дата обращения: 13.10.2021)

141. В Карачаево-Черкесии процветает архаичная клановость. Интервью «Росбалту» члена Союза журналистов России, члена президиума ОО «Конгресс карачаевского народа» Н. Гербекова, 24.07.2015. URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2015/07/24/1422108.html> ((дата обращения: 13.10.2021)

142. В Карачаево-Черкесии отказались от смешанных выборов депутатов во избежание межнациональных конфликтов // Коммерсант, 21.04.2014. URL: <http://www.gumilev-center.com>

ru/v-karachaev-cherkesii-otkazalis-ot-smeshannykh-vyborov-deputatovo-vo-izbezhanie-mezhnacionalnykh-konfliktov/ (дата обращения: 13.10.2021)

143. Составлено на основании биографических справок, представленных на сайте Народного Собрания: Депутаты Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской республики. URL: <http://parlament09.ru/node/2626> <https://parlament09.ru/structure/deputat/> (дата обращения: 15.10.2021)

144. Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. Республика Саха (Якутия) – М.: Центр «Панорама», 2009. С. 89–90

145. Здравомыслов А., Цуциев А. Дагестан: социально-политические процессы 1997–1999 гг. // Кавказский Узел, 07.05.2002. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/19736/> (дата обращения: 15.10.2021)

146. Дагестан: социально-политические процессы 1997–1999 гг. // Кавказский Узел, 07.05.2002. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/19736/> (дата обращения: 15.10.2021)

147. Маркедонов С. Дагестан: от Магомедова к Алиеву. // Политком.ру, 21.02.2006. URL: <http://politcom.ru/2247.html> (дата обращения: 15.10.2021)

148. Панов П. В., Филиппова Е. Ю. Практики распределения властных позиций в российских «национальных республиках»: проблема межэтнического баланса // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2015. № 3. С. 41–42

149. Составлено на основании данных: Депутаты НС РД / Официальный сайт НС РД. URL: http://www.nsrд.ru/organizatsiya/deputati_ns_rd (дата обращения: 12.10.2021)

150. Панов П. В., Филиппова Е. Ю. Практики распределения властных позиций в российских «национальных республиках»: проблема межэтнического баланса // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2015. № 3. С. 38

151. Интервью с экспертом. Горно-Алтайск, 2015. Архив автора.

152. Депутатский корпус 6-го созыва. Председатель Государственного Собрания-Эл Курултай Республики Алтай. Тюлентин Владимир Николаевич. http://elkurultay.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2937%3A-6-&catid=3%3A2010-11-01-04-41-16&Itemid=1 (дата обращения: 15.10.2021)

153. Депутатский корпус 6 созыва. Председатель Государственного Собрания-Эл Курултай Республики Алтай. Тюлентин Владимир

Николаевич. http://elkurultay.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2937%3A-6-&catid=3%3A2010-11-01-04-41-16&Itemid=1 (дата обращения: 15.10.2021)

154. «Единая Россия» выдвинула на пост председателя Госсобрания Артура Кохоева // Новости Горного Алтая, 26.04.2021 <https://www.gornoaltaisk.info/news/128029>

155. Составлено на основании биографических справок, представленных на сайте Государственного Собрания - Эл Курултай Республики Алтай. По состоянию на 26.01.2016. См. Депутатский корпус 6-го созыва http://elkurultay.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2937%3A-6-&catid=3%3A2010-11-01-04-41-16&Itemid=1 (дата обращения: 02.02.2017)

156. Интервью с экспертом 5. Якутск, ноябрь, 2015. Личный архив автора.

157. Интервью с экспертом 3. Якутск, ноябрь, 2015. Личный архив автора.

158. Интервью с экспертом 2. Якутск, ноябрь, 2015. Личный архив автора.

159. Интервью с экспертом 1. Якутск, ноябрь, 2015. Личный архив автора.

160. Еременко Е., Никитин Д., Пермь; Инютин В. «Отец – бурят, мать – русская, я, соответственно, метис» // Коммерсант, 09.02.2017. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3213624> (дата обращения: 15.10.2021)

161. Главой Бурятии впервые назначили политика с бурятскими корнями // Центр Льва Гумилёва, 10.02.2017. URL: <http://www.gumilev-center.ru/glavojj-buryatii-vpervye-naznachili-politika-s-buryatskimi-kornjami/> (дата обращения: 15.10.2021)

162. Перцев А., Гробман Е. Бурятии подобрали национального главу // Коммерсант, 07.02.2017. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3212660> (дата обращения: 15.10.2021)

163. Павлов Владимир Анатольевич // Депутаты Народного Хурала шестого созыва. <https://hural-buryatia.ru/deputat/detail.php?ID=132> (дата обращения: 15.10.2021)

164. Интервью с экспертом 2. Улан-Удэ, ноябрь 2015. Личный архив автора.

165. Интервью с экспертом 1, Улан-Удэ, ноябрь 2015 Личный архив автора.

166. Panov P. In search of inter-ethnic balance: ethnic composition and informal power-sharing in Russian national republics // EUROPEAN POLITICS AND SOCIETY, 2016. VOL. 17. NO. 3. P. 364–365

167. В Республике Тува не слышали о существовании организации Союз русскоязычных граждан Тувы «Россияне» // http://gov.tuva.ru/press_center/news/society/24292/ (дата обращения: 15.10.2021)

168. «Россияне» вступили в борьбу за равноправие // Коммерсант 18.05.2016 <http://www.kommersant.ru/doc/2989685> (дата обращения: 15.10.2021)

169. Интервью с экспертом 3. Абакан, ноябрь 2015. Личный архив автора.

170. Интервью с экспертом 1. Абакан, ноябрь 2015. Личный архив автора.

171. Тышта Е. В. Эволюция политического представительства в республиках Южной Сибири в 1990–2000-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 89

172. Конституция Республики Адыгея (текущая редакция по состоянию на 10 июня 1996 года). Статья 76. URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_42955.html (дата обращения: 15.10.2021)

173. Маркедонов С. Почему Кремль проиграл Адыгею // Политком.ру, 18.04.2006. URL: <http://politcom.ru/2571.html> (дата обращения: 15.10.2021)

174. Интервью с экспертом. Майкоп, май 2021. Личный архив автора.

175. Кынев А. Выборы региональных парламентов в России 2009–2013: От партизации к персонализации. Республика Адыгея – М.: Центр «Панорама», 2014. С. 98–99

176. Председатель Народного Хурала (Парламента) Республики Калмыкия // <http://www.huralrk.ru/structure/leaders/predsedatel.html> (дата обращения: 15.10.2021)

177. Интервью с экспертом. Элиста, октябрь, 2015. Личный архив автора.

178. Интервью с экспертом 4. Элиста, октябрь, 2015. Личный архив автора.

179. Шабаетов Ю. П., Садохин А. П. Регионализм и этничность в пространстве публичной политики: идеологии и политические практики // ПОЛИТЭКС. 2012. Том 8. № 2. С. 142–145

180. Шабает Ю. П., Садохин А. П. Регионализм и этничность в пространстве публичной политики: идеологии и политические практики // ПОЛИТЭКС. 2012. Том 8. № 2. С. 142–145

181. Владимир Уйба рассказал о своей настоящей фамилии // «Информационное агентство «Север-Медиа», 10.05.2020 <https://www.bnkom.ru/data/news/111439/> (дата обращения: 15.10.2021)

182. Панов П. В., Филиппова Е. Ю. Практики распределения властных позиций в российских «национальных республиках»: проблема межэтнического баланса // Вестник Пермского университета. Серия Политология. 2015. № 3. С. 44

183. Государственное Собрание Республики Мордовия история становления и развития 1995–2015 гг. Саранск Типография «Красный Октябрь» 2015. URL: <http://www.gsrn.ru/about-gs/history/> (дата обращения: 15.10.2021)

184. Там же. С. 36.

185. Составлено по: Список депутатов Государственного Собрания Республики Мордовия первого, второго, третьего созыва <http://www.gsrn.ru/about-gs/history/spiski/> (дата обращения: 02.10.2021)

186. Николаев Олег Алексеевич https://ru.wikipedia.org/wiki/Николаев_Олег_Алексеевич (дата обращения: 02.10.2021)

187. Panov P. In search of inter-ethnic balance: ethnic composition and informal power-sharing in Russian national republics // EUROPEAN POLITICS AND SOCIETY, 2016. VOL. 17, NO. 3. P. 366–367.

188. От А до Я: алфавит интересных фактов о главе Удмуртии Александре Бречалове // ИА «Удмуртия», 18.11.2017. <https://udmurt.media/articles/politika/27558/> (дата обращения: 02.10.2021)

189. Галлямов Р. Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: материалы межд. семинара (Тверь, 20–22 февраля 1998 г.) / под ред. А. Мельвиля. М.: Моск. обществ. науч. фонд; Изд. центр научных и учебных программ, 1999. С. С. 167–168

190. Составлено на основании биографических данных депутатов на сайте Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан в 2017 году. URL: <http://www.gsrb.ru/ru/organization/deputats/> (дата обращения: 30.05.2017)

191. Транзит власти в Башкортостане: ситуация в регионе, первые шаги Радия Хабирова и вызовы для нового руководства республики

// АПЭК, 29.10.2018. . URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=92&ELEMENT_ID=4969

192. Общая информация // Всемирный курултай (конгресс) башкир. URL: <http://kurultay-ufa.ru/ru/2015/12/26/общая-информация/> (дата обращения: 30.10.2021)

193. Интервью с экспертом, Казань, июнь 2019. Личный архив автора

194. Алексей Песошин – первый из могикан // Время деньги, 17.04.2017. URL: <http://www.e-vid.ru/index-m-192-p-63-article-40761.htm> (дата обращения: 30.10.2021)

195. Премьер-министром Татарстана впервые утверждён русский по национальности. URL: <https://general-ivanoff.livejournal.com/832242.html> (дата обращения: 30.10.2021)

196. Смирнов С. Республика Марий Эл. Политический мониторинг. Октябрь 1996 года. URL: http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/oct_96/mari.html (дата обращения: 30.10.2021)

197. Panov P. In search of inter-ethnic balance: ethnic composition and informal power-sharing in Russian national republics // EUROPEAN POLITICS AND SOCIETY, 2016. VOL. 17. NO. 3. P. 368

198. ФНКА: «Хотим большего представительства марийцев в органах власти Марий Эл – сейчас оно недостаточное» // Республика Марий Эл. Новости. Мнения. Блоги, 24.04.2017. URL: <http://7x7-journal.ru/post/94312> (дата обращения: 30.10.2021)

199. Сухин В. И., Востриков В. Г. Из истории высшего представительного и законодательного органа государственной власти Марийской АССР – Республики Марий Эл // Государственное Собрание Республики Марий Эл. URL: <http://parlament.mari.ru/history/suhin.html> (дата обращения: 30.10.2021)

200. Источник: Паспорт Государственного Собрания Республики Марий Эл // Государственное Собрание Республики Марий Эл. URL: http://www.gsmari.ru/files/pas_gs7.pdf (дата обращения: 30.10.2021)

201. Варяг – и в Карелии варяг: Худилайнен ушел, не став своим, ИА REGNUM, 15.02.2017. URL: <https://regnum.ru/news/2239168.html> (дата обращения: 30.10.2021)

202. Интервью с экспертом. Петрозаводск, сентябрь 2021. Личный архив автора

203. Интервью с экспертом 5. Петрозаводск, сентябрь 2021. Личный архив автора

204. The Invention of Tradition / Eds. E. Hobsbaum, R. Terence. Cambridge, 1983. P. 1.

205. О государственных символах Республики Адыгея от 7 июня 2007 года № 90. Принят Государственным Советом-Хасэ Республики Адыгея 30 мая 2007 года. URL: <http://www.adygheya.ru/about/symbols/> (дата обращения: 05.11.2021).

206. Закон о государственном гербе Республики Бурятия от 20.04.1995 // Народный Хурал Республики Бурятия. URL: <http://new.hural-rb.ru/oRB/simvol/gerb> (дата обращения: 05.11.2021).

207. Конституционный закон Республики Алтай от 24 апреля 2003 года №11–6 «О флаге Республики Алтай». URL: <https://docs.cntd.ru/document/804910121> (дата обращения: 05.11.2021).

208. Принят Законом Республики Дагестан «О Государственном флаге Республики Дагестан» от 19 ноября 2003 г. № 27 (в ред. Закона РД от 04.04.2006 N 23).

209. Даргын-олл Ч. Песня «Мен – тыва мен». Найти всетувинское // Газета «Центр Азии», 16–22.08.2003. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2003/33/1708-pesnya-men-tiva-men.-nayti-vsetuvinskoe.html> (дата обращения: 05.11.2021).

210. Принят Верховным Хуралом (парламентом) Республики Тува 11 августа 2011 года приложением № 2 к конституционному закону Республики Тува № 828 ВХ–I «О Государственном гимне Республики Тува». Государственный гимн Республики Тува. URL: <http://gov.tuva.ru/region/gimn/> (дата обращения: 05.11.2021).

211. Конституционный закон республики Алтай от 11 сентября 2001 года № 24–8. О государственном гимне республики Алтай. URL: <https://docs.cntd.ru/document/804910121> (дата обращения: 05.11.2021).

212. Принят Законом Республики Дагестан «О Государственном гербе Республики Дагестан» от 19 ноября 2003 г. № 25 (в ред. Закона РД от 04.04.2006 N 23). URL: <http://president.e-dag.ru/home/respublika/2013-03-24-22-53-33> (дата обращения: 05.11.2021).

213. Государственные символы Республики Башкортостан // Государственное Собрание – Курултай Республики Башкортостан. URL: <http://www.gsrb.ru/ru/symbols/> (дата обращения: 05.11.2021).

214. Alderman D. Place, naming and the interpretation of cultural landscapes // The Ashgate research companion to heritage and identity, ed. by B. Graham, P. Howard. P. 195.

215. Azaryahu M. The power of commemorative street names // Environment and planning D: Society and Space. 1996. 14(3). P. 311.

216. Шерстова Л. И. Новые идентичности в Южной Сибири // Дневнике АШПИ, N 21 (июль 2005 г.). URL: <http://ashpi.asu.ru/studies/2005/shrstva.html> (дата обращения: 05.11.2021).

217. Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006. с. 274.

218. Битва за Магас. Осетины и ингуши борются за право называться аланами // Кавказский Узел, 14.04.2017. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/298633/> (дата обращения: 05.11.2021).

219. Кынев А. Выборы парламентов российских регионов 2003–2009: Первый цикл внедрения пропорциональной избирательной системы. Республика Адыгея – М.: Центр «Панорама», 2009. С. 72–73.

220. Закон «О национальных видах спорта республики Саха (Якутия)» от 17 июня 2015 года N 1483-З N 523-V // Администрация Главы РС (Я) и Правительства РС (Я). URL: <https://mr-aldanskij.sakha.gov.ru/news/front/view/id/2595427> (дата обращения: 05.11.2021).

221. Идея конкурса. Проект «Великие имена России». URL: <https://xn-80adjaaqabriqn.xn-p1ai/about> (дата обращения: 05.11.2021).

222. Положение об общенациональном конкурсе «Великие имена России». URL: <https://великиеимена.рф/assets/465d912684f890115fe84f0e6b21c842.pdf> (дата обращения: 05.11.2021).

223. Подробнее см.: Назукина М. В. Конкурс «Великие имена России» в российских республиках: этнический дискурс политики идентичности // Мир России. 2020. Т. 29. № 1. С. 132–152. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-132-152 (дата обращения: 05.11.2021).

224. #ЗаЧоросГуркина Чындык учун! Ак-чек учун! URL: <https://vk.com/public174877050> (дата обращения: 05.11.2021).

225. ЗаЧоросГуркина Чындык учун! Ак-чек учун! URL: <https://vk.com/public174877050> (дата обращения: 05.11.2021).

226. Обращение от жителей Республики Алтай. Секретарю Общественной Палаты Российской Федерации В. А. Фадееву. Текст Обращения. Опубликовано: ЗаЧоросГуркина Чындык учун! Ак-чек учун! URL: https://vk.com/wall-52669379_373 (дата обращения: 05.11.2021).

227. Паливой Б. Указ. Соч.

228. Группа «Татары между прошлым и будущим». Одноклассники. URL: <https://ok.ru/vsetatarynaodnolitco/topic/69503180385073> (дата обращения: 05.11.2021).

229. Башкирская общественная организация «Башкорт». Обсуждение на запись на стене от 15 ноября. URL: https://vk.com/wall-70958470_220820 (дата обращения: 05.11.2021).

230. Гареев М. Г. Штурмовики идут на цель. М.: ДОСААФ, 1972. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/gareev_mg/index.html (дата обращения: 05.11.2021).

231. «Великие имена России». Исмаил Гаспринский – крымско-татарский просветитель и приверженец прогресса // Первый крымский телеканал, 1 ноября 2018.. URL: <http://1tvcrimea.ru/pages/news/078122-velikie-imena-rossii-ismail-gasprinskij-krymsko-tatarskij-prosvetitel-i-priverz> (дата обращения: 05.11.2021).

232. Полегенько А. В список «великих имен» для аэропорта Симферополя добавили Амет-Хана Султана // Сетевое издание «Россия для всех», 6 ноября 2018. URL: https://tat.rus4all.ru/city_msk/20181106/728816459.html (дата обращения: 05.11.2021).

233. Всем нужен Амет-Хан. О том, где помнят героя // Сетевое издание «Россия для всех», 25.10.2018. URL: https://tat.rus4all.ru/city_msk/20181025/728810040.html (дата обращения: 05.11.2021).

234. Шаймарданов Р. Добро пожаловать в аэропорт «Амет-Хан Султан» города Симферополя! // МФ-информ, 28.11.2018. URL: <http://milli-firka.org/добро-позаловать-в-аэропорт-амет-хан/> (дата обращения: 05.11.2021).

235. Чьё имя получит симферопольский аэропорт // Парламентская газета, 7 ноября 2018. URL: https://news.rambler.ru/other/41224681/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 05.11.2021).

236. Танцы и пазл из картин: в аэропорту “Симферополь” прошел флешмоб “Великие имена России” // Комсомольская правда Крым, 22 ноября 2018. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26911.4/3956887/> (дата обращения: 05.11.2021).

237. Общественники Крыма поддержали новое имя аэропорта Симферополя Комментарий главы Общественной палаты Республики Григорий Иоффе. URL: https://vk.com/@simferopol_stolica-obschestvenniki-крыма-podderzhali-novoe-imya-aerporta-simfe (дата обращения: 05.11.2021).

238. Великие имена России #Крым, 5 декабря 2018. URL: <https://vk.com/velikieimenacrimea> (дата обращения: 05.11.2021).

239. Шестопалов А., Стась А. Роль брендинга в реализации стратегии развития территории // Технологии управления маркетингом. 2007. № 1.

240. Мордовия создает свой бренд // Пресс-релизы Publishernews.ru, Москва, 18 апреля 2013.

241. Автор: Зотикова Валентина В Мордовии утвердили свой «Знак качества» Российская газета (rg.ru), Москва, 17 июля 2013.

242. Положение о проведении республиканского творческого конкурса «Лучший бренд Республики Мордовия». URL: <https://chamzinka.e-mordovia.ru/file/1635> (дата обращения: 05.11.2021).

243. Сделано в Туве: В республике выберут лучшего товаропроизводителя, 21.05.2020.

244. Презентация проекта «Сделано в Туве». URL: <https://vk.com/madeintuvaru> (дата обращения: 05.11.2021).

245. Сайт проекта «Сделано в Бурятии». URL: <https://madeinbur.ru/#rec70718968> (дата обращения: 05.11.2021).

246. Boyne S., Hall D. Place promotion through food and tourism: Rural branding and the role of websites // Place Branding. 2004. № 1. P. 80–92. Fields K. Demand for the gastronomy tourism product: motivational factors // Tourism and Gastronomy. London: Routledge, 2002. P. 36–50.

247. Национальные блюда: выбираем бренд Бурятии Страна.ru, Москва, 2 сентября 2013.

248. Захар И. День Владикавказа отметили сыром и пирогами // Российская газета (rg.ru), Москва, 10 июня 2013.

249. В Адыгее пройдет День адыгейского сыра Новости@Mail.ru, Москва, 4 июня 2014.

250. Автор: Гень Ю. Дело – в сыре Уникальный фестиваль сыра прошел в Адыгее Российская газета (rg.ru), Москва, 11 октября 2013.

251. Интервью с экспертом. Петрозаводск, сентябрь 2021. Личный архив автора.

252. Вкусы России. URL: <https://russiantastes.ru/> (дата обращения: 05.11.2021).

253. Приказ министерства экономического развития и туризма Республики Алтай от 4 августа 2017 года N 187-ОД «Об использовании регионального бренда (товарного знака, знака обслуживания «Горный Алтай»». URL: <http://docs.cntd.ru/document/450289538> (дата обращения: 04.05.2019).

254. О Концепции имиджевого образа (бренда) «Историко-культурное наследие Республики Татарстан» (бренд «Наследие Татарстана»). Постановление КМ РТ N 1004 от 19.12.2014 // Информационный

портал Республики Татарстан. URL: <http://tatarstan.regnews.org/doc/vq/kl.htm> (дата обращения: 05.11.2021).

255. Интервью с экспертом 2, Казань, июнь 2019. Личный архив автора.

256. Интервью с экспертом, Казань, июнь 2019. Личный архив автора.

257. Интервью с экспертом, Уфа, декабрь 2020. Личный архив автора.

258. Интервью с экспертом 5, Казань, июнь 2019. Личный архив автора.

259. Šifta M. & Chromý P. The importance of symbols in the region formation process // Norsk Geografisk Tidsskrift – Norwegian Journal of Geography. 2017. Vol. 71. No. 2. P. 98–113. DOI: 10.1080/00291951.2017.1317285

260. Ефремова В. Н. Новые государственные праздники России и их осмысление в официальном политическом дискурсе // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». 2011. № 3 (15). С. 53

261. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 60.

262. Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство. 1991. С. 151.

263. Праздничные и памятные дни // Аппарат Президента Республики Татарстан. URL: <http://tatarstan.ru/about/holidays.htm> (дата обращения: 04.11.2021)

264. День ислама: как на территории современной России появилась новая религия // АиФ, 21.05.2014. URL: <http://www.kazan.aif.ru/culture/1172913> (дата обращения: 04.11.2021)

265. Закон Республики Алтай от 24 апреля 2003 г. N 11–11 «О праздничных и памятных днях, юбилейных датах в Республике Алтай» // <https://docs.cntd.ru/document/802006866> (дата обращения: 04.11.2021)

266. Закон Республики Бурятия от 23 декабря 2008 г. N 675-IV «О праздничных днях в Республике Бурятия». URL: <http://docs.cntd.ru/document/819083812> (дата обращения: 04.11.2021)

267. Указ Главы Республики Бурятия от 13 января 2017 года N 2 «О празднике Белого месяца «Сагаалган» в 2017 году». URL: <http://docs.cntd.ru/document/444971289> (дата обращения: 04.11.2021).

268. В Бурятии 27 февраля официально объявили выходным днем – Сагаалган // ARD: портал деловой информации, 20.01.2017. URL: <http://asiarussia.ru/news/14933/> (дата обращения: 04.11.2021).

269. Закон Республики Тува от 12 февраля 1999 г. N 143 «О праздничных днях Республики Тува». URL: <http://tuva.regnews.org/doc/aq/u9.htm> (дата обращения: 04.11.2021).

270. Шагаа – национальный тувинский праздник Нового года // EventsInRussia.com. URL: <http://eventsinrussia.com/event/14172> (дата обращения: 04.11.2021).

271. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 9 февраля 1996 г. N 1294 «Об объявлении Дня родного языка и письменности». URL: <https://docs.cntd.ru/document/473501225> (дата обращения: 04.11.2021)

272. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 21 февраля 2012 г. N 1227 «Об учреждении Дня народного мастера в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/445032421> (дата обращения: 04.11.2021)

273. Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 11 декабря 2014 г. N 200 «Об учреждении Дня Арктики в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2313588> (дата обращения: 04.11.2021)

274. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 5 октября 2010 г. N 284 «О Дне правовых знаний в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/445034146> (дата обращения: 04.11.2021)

275. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 17 февраля 2012 г. N 1224 «О Дне охотника в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/815006171> (дата обращения: 04.11.2021)

276. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 15 февраля 1999 г. N 685 «Об установлении Дня отца». URL: <https://docs.cntd.ru/document/473508234> (дата обращения: 04.11.2021)

277. Ст. 3 Закона Республики Саха (Якутия) от 25 апреля 1992 г. N 933-ХІІ «О порядке вступления в силу Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/804911240> (дата обращения: 04.11.2021)

278. Ст. 3 Закона Республики Саха (Якутия) от 25 апреля 1992 г. N 933-ХІІ «О порядке вступления в силу Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/804911240> (дата обращения: 04.11.2021)

279. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 24 июня 2013 г. N 2122 «Об учреждении Дня реки Лены в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/2314003> (дата обращения: 04.11.2021)

280. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 30 августа 2010 г. N 230 «О Дне велосипедного спорта в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/815006631> (дата обращения: 04.11.2021).

281. Указ Президент Республики Саха (Якутия) от 13 декабря 2001 г. N 1626 «О проведении Дня предпринимателя в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/445039974> (дата обращения: 04.11.2021).

282. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 2 сентября 1993 г. N 532 «Об установлении «Дня матери». URL: <https://docs.cntd.ru/document/473506951> (дата обращения: 04.11.2021).

283. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 26 апреля 2010 г. N 1905 «О Дне работника ювелирной и алмазогранительной промышленности Республики Саха (Якутия)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/815003397> (дата обращения: 04.11.2021).

284. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 15 ноября 2006 г. N 3036 «Об установлении дня Олонхо». URL: <https://docs.cntd.ru/document/445037956> (дата обращения: 04.11.2021).

285. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 27 апреля 2011 г. N 626 «Об установлении Дня профсоюзного работника в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/445033472> (дата обращения: 04.11.2021).

286. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 27 июня 2011 г. N 769 «Об объявлении Дня Хомуса в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/445033248> (дата обращения: 04.11.2021)

287. Указ Президента Республики Саха (Якутия) от 6 марта 2014 г. N 2526 «Об учреждении Дня детского движения в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/445030511> (дата обращения: 04.11.2021).

288. Интервью с экспертом, Якутск, октябрь 2015.

289. Закон Республики Хакасия от 22 февраля 2000 г. N 76 «О празднике «Чыл Пазы». URL: <https://docs.cntd.ru/document/804957807> (дата обращения: 04.11.2021).

290. Чыл Пазы // Хакасская РД. URL: <http://xn--7sbab3bbulzjlg7dvg.xn--p1ai/local-history/chyl-pazy-navruz-ili-nooruz-prazdnik-novogo-goda> (дата обращения: 04.11.2021).

291. Закон Республики Хакасия от 28 июня 2004 г. N 32 «О Дне тюркской письменности и культуры». URL: <http://docs.cntd.ru/document/802012808> (дата обращения: 04.11.2021).

292. Закон Республики Хакасия от 20 октября 1992 г. N 15 «О Дне Республики Хакасия». URL: <http://docs.cntd.ru/document/804956798> (дата обращения: 04.11.2021).

293. Закон Республики Калмыкия от 13 октября 2004 г. N 156-III-З «О праздничных и памятных днях в Республике Калмыкия». URL: <http://docs.cntd.ru/document/802017913> (дата обращения: 04.11.2021).

294. Калмыкия-онлайн.ру. URL: <http://kalmykia-online.ru/news/10493> (дата обращения: 04.11.2021).

295. Календарь знаменательных и юбилейных дат Чеченской Республики. URL: <http://rdbchr.ru/index.php/2011-01-28-07-03-42> (дата обращения: 04.11.2021).

296. Указ Президента Чеченской Республики от 3 января 2010 г. N 01 «О Дне почитания Кунта-Хаджи Кишиева». URL: <http://chechnya-gov.ru/doc/2942> (дата обращения: 04.11.2021).

297. Указ Президента Чеченской Республики от 8 января 2010 г. N 03 «Об определении 9 января памятной датой». URL: <http://chechnya-gov.ru/doc/2943> (дата обращения: 04.11.2021).

298. Указ Главы Администрации Чеченской Республики от 24 марта 2003 г. N 34 «О Дне Конституции Чеченской Республики». URL: <http://www.rusouth.info/513365> (дата обращения: 04.11.2021).

299. Указ Президента Чеченской Республики от 4 мая 2009 г. N 155 «Об объявлении 16 апреля Днем мира в Чеченской Республике». URL: <http://chechnya-gov.ru/doc/2448> (дата обращения: 04.11.2021).

300. Указ Президента Чеченской Республики от 11 мая 2007 г. N 207 «Об объявлении Дня чеченского языка». URL: <http://chechnya.regnews.org/doc/cq/sl.htm> (дата обращения: 04.11.2021).

301. Указ Главы Чеченской Республики от 11 апреля 2011 г. N 67 «Об установлении дня памяти и скорби народов Чеченской Республики». URL: <http://chechnya-gov.ru/doc/3804> (дата обращения: 04.11.2021).

302. Указ Главы Администрации Чеченской Республики от 4 сентября 2002 г. N 59 «О Дне Республики»

303. Указ Президента Чеченской Республики от 2 февраля 2009 г. N 39 «Об установлении Дня чеченской женщины». URL: <http://chechnya-gov.ru/doc/2162> (дата обращения: 04.11.2021).

304. Указ Президента Чеченской Республики от 30 сентября 2006 г. N 299 «Об установлении праздничного дня «День молодежи Чеченской Республики». URL: <http://chechnya-gov.ru/doc/574> (дата обращения: 04.11.2021)

305. Впервые изложено автором в: Назукина М. В. Исламские праздники как механизм конструирования региональной идентичности в России // Идентичность как предмет политического анализа // Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.). Редколлегия сборника: И. С. Семенов (отв. редактор), Л. А. Фадеева (отв. редактор), В. В. Лапкин, П. В. Панов. М., ИМЭМО РАН, 2011. С. 256–263.

306. Указ Президента Чеченской Республики от 11 мая 2007 г. N 207 «Об объявлении Дня чеченского языка». URL: <http://chechnya.regnews.org/doc/cq/sl.htm> (дата обращения: 04.11.2021).

307. Указ Президента Чеченской Республики от 3 января 2010 г. N 01 «О Дне почитания Кунта-Хаджи Кишиева». URL: <http://chechnya-gov.ru/doc/2942> (дата обращения: 04.11.2021).

308. Указ Президента Чеченской Республики от 2 февраля 2009 г. N 39 «Об установлении Дня чеченской женщины». URL: <http://chechnya-gov.ru/doc/2162> (дата обращения: 04.11.2021).

309. Указ Президента Чеченской Республики от 4 мая 2009 г. N 155 «Об объявлении 16 апреля Днем мира в Чеченской Республике». URL: <http://chechnya-gov.ru/doc/2448> (дата обращения: 04.11.2021).

310. Указ Президента Чеченской Республики от 8 января 2010 г. N 03 «Об определении 9 января памятной датой». URL: <http://chechnya-gov.ru/doc/2943> (дата обращения: 04.11.2021).

311. В Чечне 23 февраля установлен День памяти и скорби // Кавказский Узел, 24.02.2010. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/165803/> (дата обращения: 04.11.2021).

312. Кадыров: Депортация стала одной из самых страшных страниц в истории чеченского народа // ЮГА, 22.02.2010. URL: <https://www.yuga.ru/news/180913/> (дата обращения: 04.11.2021).

313. Указ Президента БКР от 25 марта 1994 г. N 19 “Об установлении Дня возрождения балкарского народа”

314. Постановление Верховного Совета КБССР от 7 февраля 1992 г. N 977-ХІІ-В «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны». URL: <https://docs.cntd.ru/document/450209027> (дата обращения: 04.11.2021).

315. Постановление Парламента Кабардино-Балкарской Республики от 1 сентября 1997 г. N 172-П-П «О Дне государственности Кабардино-Балкарской Республики». URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1377605> (дата обращения: 04.11.2021).

316. Указ Главы Кабардино-Балкарской Республики от 12 августа 2014 г. N 166-УГ «Об установлении Дня адыгов (черкесов)». URL: <https://docs.cntd.ru/document/412382779> (дата обращения: 04.11.2021).

317. Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 27 апреля 2001 г. N 37 «О Дне возрождения карачаевского народа». URL: <https://docs.cntd.ru/document/459903424> (дата обращения: 04.11.2021).

318. Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 19 сентября 2003 г. N 63 «О Дне единения народов Карачаево-Черкесской Республики». URL: <https://docs.cntd.ru/document/450261250> (дата обращения: 04.11.2021).

319. Указ Президента Республики Ингушетия от 30 октября 2010 г. N 217 «О Дне памяти жертв трагических событий осени 1992 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/446277912> (дата обращения: 04.11.2021).

320. Указ Президента Республики Ингушетия от 13 февраля 2010 г. N 35 «О Дне Конституции Республики Ингушетия». URL: <https://docs.cntd.ru/document/446278211> (дата обращения: 04.11.2021).

321. Указ Главы Республики Ингушетия от 31 декабря 2014 г. N 253 «О Дне единения Ингушетии с Россией». URL: <https://docs.cntd.ru/document/430566212> (дата обращения: 04.11.2021).

322. Указ Президента Республики Ингушетия от 4 июня 2004 г. N 102 «О республиканском праздничном дне 4 июня». URL: <https://docs.cntd.ru/document/459800086> (дата обращения: 04.11.2021).

323. Указ Главы Республики Ингушетия от 11 сентября 2014 г. N 175 «О Дне Государственного флага Республики Ингушетия». URL: <https://docs.cntd.ru/document/430566294> (дата обращения: 04.11.2021).

324. Ст. 3 Закона Республики Адыгея от 14 февраля 1995 г. N 168-1 «О праздничных днях и памятных датах». URL: <https://docs.cntd.ru/document/459701521> (дата обращения: 04.11.2021).

325. Указ Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР от 5 марта 1991 г. «Об объявлении дня мусульманского праздника Уразабайрам нерабочим днем». URL: <https://base.garant.ru/42466858/> (дата обращения: 04.11.2021).

326. Указ Государственного Совета Республики Дагестан от 18 июля 1995 г. N 138 «Об объявлении национального праздника Республики Дагестан – Дня Конституции Республики Дагестан нерабочим днем». URL: <https://docs.cntd.ru/document/446276457> (дата обращения: 04.11.2021).

327. Указ Главы Республики Дагестан от 8 сентября 2016 г. N 276 «О Дне белых журавлей». URL: <http://docs.cntd.ru/document/441708883> (дата обращения: 04.11.2021).

328. Указ Государственного Совета Республики Дагестан от 15 марта 2000 г. N 67 «Об объявлении дня мусульманского праздника Курбан-Байрам нерабочим днем». URL: <https://docs.cntd.ru/document/473105159> (дата обращения: 04.11.2021).

329. Указ Президента Республики Дагестан от 6 июля 2011 г. N 104 «О Дне единства народов Дагестана». URL: <https://docs.cntd.ru/document/446270783> (дата обращения: 04.11.2021).

330. Указ Главы Республики Дагестан от 20 июня 2016 г. N 197 «О дне дагестанской культуры и языков». URL: <https://base.garant.ru/42457432/> (дата обращения: 04.11.2021).

331. Указ Президента Республики Северная Осетия-Алания от 7 февраля 2003 г. N 13 «О Дне осетинского языка и литературы». URL: <https://base.garant.ru/31900053/> (дата обращения: 04.11.2021).

332. Указ Главы Республики Северная Осетия-Алания от 15 марта 2011 г. N 58 «Об установлении знаменательной даты Республики Северная Осетия-Алания – День образования профсоюзного движения в Северной Осетии». URL: <https://base.garant.ru/31922313/> (дата обращения: 04.11.2021).

333. Указ Президента Республики Северная Осетия-Алания от 15 мая 2001 г. N 85 «Об учреждении Дня Республики». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=138017176&backlink=1&&nd=138010355> (дата обращения: 04.11.2021).

334. Закон Республики Коми от 5 мая 2014 г. N 30-ПЗ «О Дне Республики Коми». URL: <https://docs.cntd.ru/document/412303377> (дата обращения: 04.11.2021).

335. Учрежден Постановлением Президиума Верховного Совета Чувашской Республики «Об учреждении Дня чувашского языка» от 9 апреля 1992 г.

336. Закон Чувашской Республики от 19 апреля 2004 г. № 1 «О Дне государственных символов Чувашской Республики». URL: <http://www.cap.ru/page/?id=1519089> (дата обращения: 23.05.2017).

337. День Республики. URL: <http://www.cap.ru/page/?id=982442> (дата обращения: 23.05.2017).

338. Семьк – марийский национальный праздник празднования наступления лета. Сабантуй – национальный праздник татар и башкир.

В этот день они отмечают окончание весенних полевых работ и посев урожая. Гербер – национальный удмуртский праздник по окончании полевых работ и праздник-моление о предстоящем урожае.

339. Указ Президента УР от 25 июля 2012 г. N 139 «О Дне бабушки». URL: <http://udmurt.ru/documents/download.php?id=31347444> (дата обращения: 04.11.2021).

340. Закон Республики Карелия от 27 апреля 1999 г. N 346-ЗРК «Об установлении Дня Республики Карелия» <https://docs.cntd.ru/document/919300447> (дата обращения: 04.11.2021).

341. Закон Республики Карелия от 21 октября 2011 г. N 1535-ЗРК «Об установлении Дня образования профсоюзного движения в Карелии» <https://docs.cntd.ru/document/919505397> (дата обращения: 04.11.2021).

342. Указ Президента УР N 139 от 25.07.2012 «О Дне бабушки» // Гарант – Законодательство. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/udmurtia/412641/#ixzz4htFaPdQF> (дата обращения 29.10.2021).

343. Указ Главы Республики Дагестан N 276 от 08.09.2016 «О Дне белых журавлей» // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/441708883> (дата обращения 29.10.2021).

344. Декларация о Государственном суверенитете Татарской Советской Социалистической Республики // Официальный сайт Государственного совета Республики Татарстан. URL: <http://gossov.tatarstan.ru/dokument/deklaracia/> (дата обращения 29.10.2021).

345. 97-ая годовщина государственности Удмуртии // Официальный сайт муниципального образования город Ижевск. URL: <http://www.izh.ru/i/info/26067.html> (дата обращения 29.10.2021).

346. Подробнее: Назукина М. В., Филиппова Е. Ю. Поздравительный дискурс «Дня республики» как компонент региональной политики идентичности: этничность имеет значение? // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Т. 11, № 3. С. 345–359. DOI: 10.17072/2218–9173–2019–3–345–359

347. Малинова О. Ю. Коммеморация столетия революции (й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 2. С. 43.

348. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М., 2004. С. 140–143.

349. Морозов С. А., Морозова Е. В. Политическая мифология: региональный аспект // Культура. Политика. Молодежь. Сборник научных статей. Вып. 4. Ч. 2. М., 2001. С. 107–110.

350. Интервью с экспертом. Якутск, октябрь 2015. Личный архив автора.

351. Кобзарева И., Пронякин К. Прошлое в награду. Опыта предков якутам не занимать // Российская газета – Федеральный выпуск. № 4488. 10.10.2007.

352. Исследователи XIX века о якутском характере // Якутск вечерний (Якутск). 08.10.2004. URL: https://vk.com/wall-56182584_128 (дата обращения: 30.10.2021).

353. Дробижева Л. М.: «Изучение ситуации в регионах не подтверждает опасений политиков в расколе страны» // Республиканская общественно-политическая газета Якутия, 25.10.2006. № 198(30934).

354. Интервью с экспертом З. Якутск, октябрь 2015. Личный архив автора.

355. Ламажаа Ч. «Тувинцы и власть» // Центр Азии. № 23. 15–22.06.2007. URL: http://www.centerasia.ru/issue/2007/23/722-tuvincy_i_vlast.html (дата обращения: 30.10.2021).

356. Песня «Мен – тыва мен». Найти всетувинское // Центр Азии. № 33. 16–22.08.2003. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2003/33/1708-pesnya-men-tiva-men.-nayti-vsetuvinskoe.html> (дата обращения: 30.10.2021).

357. Кодекс чести мужчины Тувы // Верховный Хурал (парламент) Республики Тува. URL: <http://www.khural.org/press/kodeks-chesti.php> (проверено: 04.05.2021).

358. Дзарахова З. Порог толерантности: этнокультурный аспект // Республика Ингушетия – официальный сайт, 17.08.2004. URL: <https://ingushetia.ru/news/002297/> (дата обращения: 30.10.2021).

359. Цуров Р. Край крайностей, или Кирпичи ингушского менталитета Село Джайрах, 1–25.03.2008 // «Дружба Народов» 2008, № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2008/8/cu13.html> (дата обращения: 30.10.2021).

360. Жаде З. А. Геополитическая идентичность России в условиях глобализации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Краснодар – 2007. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-doktorskih-dissertatsii/politika/147/> (дата обращения: 30.10.2021).

361. Барретт Т. Линии неопределенности: северокавказский “фронт” России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Антология. Самара, 2000. Т. 2: Императорский период. С. 163–194.

362. Луговой Р. Изменение дагестанского менталитета в условиях иноэтнической среды. Как они ведут себя здесь // АПН, 08.10.2009. URL: <http://www.apn.ru/special/article22089.htm> (дата обращения: 30.10.2021).

363. Лункин Р., Филатов С. Северный Кавказ: горские народы в поисках религиозной идентичности. URL: <http://www.archipelag.ru/authors/lunkin/?library=1468> (дата обращения: 30.10.2021).

364. Гимн Чеченской республики. URL: <https://parlamentchr.ru/uncategorised/gimn-chechenskoj-respubliki.html> (дата обращения: 30.10.2021).

365. Почему чеченцы считают своим символом волка? // chetour.me, 20.09.2019. URL: <https://chetour.me/novosti/Pochemu-chechency-schitayut-svoim-simvolom-volka> (дата обращения: 30.10.2021).

366. Чеченский этический кодекс чести “Къонахалла” // Центр Льва Гумилёва. URL: <https://www.gumilev-center.ru/chechenskijj-ehlicheskijj-kodeks-chesti-konakhalla/> (дата обращения: 30.10.2021).

367. Хачукаева Х. Формула настоящего чеченца // Грозный-информ, 18.08.2011. URL: <https://www.grozny-inform.ru/news/analytics/27944/> (дата обращения: 30.10.2021).

368. Нухаев Х.-А. «Мы не заинтересованы в поражении России» // Евразийское обозрение. 05.06.2001. Цит. По: <http://os.x-pdf.ru/20politologiya/318906-4-yuzhnorossiyskoe-obozrenie-vipusk-bashanova-lyubov-sayd-eminovna-ch.php> (дата обращения: 30.10.2021).

369. Мурадов М. Алу Алханов не хочет быть президентом Чечни // Коммерсант, 05.09.2006. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/702610> (дата обращения: 30.10.2021).

370. Бабицкий А. «Переименовать Чечню, чтобы досадить Кадырову» // Радио Свобода, 08.09.2006. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/263429.html> (дата обращения: 30.10.2021).

371. Удмурты объявили себя самым рыжим этносом на планете. И, похоже, имеют на то все основания, 31.07.2013. URL: <https://andy-sinclair.livejournal.com/287096.html> (дата обращения: 30.10.2021).

372. Самые рыжие // Эксперт Урал, 2006. № 32 (249). URL: https://expert.ru/ural/2006/32/samye_ryzhie/ (дата обращения: 30.10.2021).

373. Дети солнца непобедимы! // Известия Удмуртской Республики, 16.09.2004. URL: <http://www.izvestiaur.ru/culture/view.html?itemid=31408> (дата обращения: 30.10.2021).

374. Там же.

375. Город солнечных людей // Удмуртская правда. № 100 (24339), 05.09.2008.

376. Якутская национальная стратегия. Отрывок книги см. Федеральный информационный портал “SakhaNews”, 09–06–2006. URL: <https://www.Isn.ru/print.php?id=6066> (дата обращения: 30.10.2021).

377. Якутия объявила русских и чукчей некоренными народами // eadaily, 24.10.2016. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/10/24/yakutiya-obyavila-russkih-i-chukchey-nekorennyimi-narodami> (дата обращения: 30.10.2021).

378. Там же.

379. У восточной околицы России // «Российская газета». 20.12.2006.

380. Чистякова С. Не вспугнуть объединение // «Континент-Сибирь», 30.06.2006.

381. Текст этого обращения размещен 24 октября в одном из сетевых блогов на Livejournal.com // См.: Главы родов призвали жителей Горного Алтая “грудью встать на защиту статуса республики” // ИА REGNUM, 24.10.2006. URL: <https://regnum.ru/news/727033.html> (дата обращения: 30.10.2021).

382. Ингушетия – жемчужина Северного Кавказа // Красная звезда, 28.04.2004. URL: http://old.redstar.ru/2004/04/28_04/2_01.html (дата обращения: 30.10.2021).

383. «Дзасохов А. С. «Мы – Россия, Мы – Кавказ!» // Внешнеэкономические связи, 2004, № 9. С. 32

384. Волков А. «Юбилей объединил всех жителей Удмуртии» // WWW.IZH.KP.RU, 17.09.2008. URL: <https://www.izh.kp.ru/daily/24165/378131/> (дата обращения: 30.10.2021).

385. 450 лет добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства // <http://www.udmurt.ru/ru/official/450let/> (дата обращения: 30.10.2021).

386. Ученые отрицательно относятся к празднованию 450-летия добровольного вхождения Адыгеи в Россию // ИА REGNUM, 17.05.2006. URL: <https://regnum.ru/news/690456.html> (дата обращения: 30.10.2021).

387. Сальников В. Торжественный аккорд. В Адыгее отпраздновали 450-летие добровольного вхождения в состав Российского государства

// Российская газета-Неделя – Кубань-Кавказ. № 4478. 28.09.2007
 // <http://www.rg.ru/2007/09/28/reg-kuban/adygeya.html> (дата обращения: 30.10.2021).

388. Якутия в составе России и... музейных экспонатах // ИА SakhaNews, 17.12.2017. URL: <https://www.1sn.ru/202733.html> (дата обращения: 30.10.2021).

389. Сегодня жители Карачаево-Черкесии вспоминают день начала депортации карачаевского народа в Среднюю Азию 2 ноября 1943 г. // Официальный сайт Главы и Правительства КЧР, 02.11.2009. URL: <https://www.kchr.ru/news/detailed/4317/> (дата обращения: 30.10.2021).

390. Арсентьев Н. М. Празднование тысячелетия единения мордовского народа с народами Российского государства как фактор формирования социальной памяти россиян // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 2 (18). С. 24-31.

391. Составлено автором на основе поздравительных речей глав республик.

392. Интервью с экспертом, Казань, июль 2019. Архив автора.

393. Назукина М. В. Конкурс «Великие имена России» в российских республиках: этнический дискурс политики идентичности // Мир России. 2020. Т. 29. № 1. С. 132–152. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-1-132-152.

394. Интервью с экспертом, Улан-Удэ, октябрь 2015. Личный архив автора.

395. Урбанаева И. С. Человек у Байкала и мир Центральной Азии. Улан-Удэ, 1995. С. 196.

396. В Бурятии найдены потомки Чингисхана // Номер один, 07.11.2007. URL: https://gazeta-n1.ru/arhiv/paper/detail.php?ELEMENT_ID=6546 (дата обращения: 30.10.2021).

397. Сумской В. Кадыризация всей Чечни // Газета.Ru, 08.08.2005 // http://www.gazeta.ru/2005/08/08/oa_166685.shtml (дата обращения: 30.10.2021).

398. На улице Кадырова // Lenta.ru, 20.08.2004. URL: <http://www.lenta.ru/articles/2004/08/20/kadyrov/> (дата обращения: 30.10.2021).

399. Интервью с экспертом. Ноябрь 2016. Кызыл. Личный архив автора.

400. Антуфьева Н. С чего начинается Родина // Центр Азии № 27 (7–14.07.2006). http://www.centerasia.ru/issue/2006/27/523-s_chego_nachinaetsya_rodina.html (дата обращения: 30.10.2021).

401. Интервью с экспертом. Ноябрь 2016. Кызыл. Личный архив автора.

402. См.: Сыктывкарскому государственному университету присвоено имя Питирима Сорокина // ФГБОУ ВО «СГУ им.Питирима Сорокина», 03.03.2015. URL: <https://www.syktsu.ru/news/13586/> (дата обращения: 05.06.2018).

403. Калмыцкий царь. The Guardian, 21.09.2006. URL: <http://www.inosmi.ru/ingrussia/20060921/230028.html> (дата обращения: 05.06.2018).

404. Интервью с экспертом, Элиста, 28.10.2015. Личный архив автора.

405. Храм, который построил Илюмжинов // Сайт «Кирсан Илюмжинов», 23.09.2015. URL: <http://kirsan.today/novosti/item/248-khram-kotoryj-postroil-ilyumzhinov.html> (дата обращения: 05.10.2021).

406. Данные экспертного интервью 2. Элиста, 28.10.2015. Личный архив автора.

407. Алженакова Л. «Белая вера» – ак дъанг или Память о моих предках // Уймонские вести, 03.07.2014. URL: http://uimonvesti.ru/about/news_post/belaya-vera-ak-dang-ili-pamyat-o-moih-predkah (дата обращения: 02.10.2021)

408. Интервью с экспертом, Горно-Алтайск, 27.08.2015. Личный архив автора.

409. Интервью с экспертом, Горно-Алтайск, 26.08.2015. Личный архив автора.

Научное издание

Назукина Мария Викторовна
ЭТНИЧНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
РОССИЙСКИХ РЕСПУБЛИК:
ГРАНИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Издатель *Леонид Янович*
Корректор *Мария Назукина*
Обложка *Владимир Хананов*
Верстка и оригинал-макет *Михаил Щербов*

Налоговая льгота –

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Ассоциация «Издательство Новый Хронограф»
Контактный телефон: +7 (916) 651-30-94

по вопросам реализации: +7 (903) 669-69-09

E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати: 30.12.2021

Формат 60 × 84 / 16, бумага офсетная.

Печать офсетная. Объем 11,5 печ. л.

Тираж 500 экз

Отпечатано в «Т8 Издательские технологии»

ISBN 978-5-94881-523-7

9 785948 815237